

Вестник Московского университета

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Основан в ноябре 1946 г.

Серия 8 **ИСТОРИЯ**

№ 5 • Том 65 • 2024 • СЕНТЯБРЬ–ОКТАБРЬ

Издательство Московского университета
LOMONOSOV HISTORY JOURNAL

Выходит один раз в два месяца
Published once in two months

СОДЕРЖАНИЕ

Володихин Д.М. Летописные и разрядные источники о причинах опалы, возложенной на князей Воротынских в 1562 г.	3
Виноградов А.П. Неизвестная Табель о рангах	14
Филимонова М.А. Оссиан и Война за независимость США: американская тема в политических произведениях Джеймса Макферсона	27
Лиджиева И.В. Институт приставства в системе управления окраинами Российской империи	47
Богомолов И.К. Кинематографическая цензура в России в годы Первой мировой войны	70
Хорошева А.В. Поездка футболистов из Харькова в Германию в 1925 г. в контексте развития международных спортивных связей.	97
Бахматова М.Н. Плюрализм и диалог в духовном наследии римских пап Иоанна XXIII и Павла VI.	118
Елизаров С.А. Местные советы Белорусской ССР в период «развитого социализма» (1965–1984): коммуникация номенклатур	133
Подейко В.А., Робышев В.О., Солопова О.В., Роева-Мкртчян Е.Б. Исторические предпосылки и особенности изменений российских подзаконных нормативных правовых актов в отношении правового положения иностранных граждан и лиц без гражданства в 2024 г.	152
Торцова О.Ю. История строительства синагоги в посаде Бужунь Плоцкой губернии	168

CONTENTS

Volodikhin D.M. The Reasons for the Vorotynsky Princes' Disgrace in 1562, as Evidenced by Chronicles and Razriad Records.	3
Vinogradov A.P. Unknown Table of Ranks	14
Filimonova M.A. Ossian and the American War of Independence: American Themes in James Macpherson's Political Writings.	27
Lidzhieva I.V. The <i>Pristavstvo</i> in the Administrative System of the Outskirts of the Russian Empire	47
Bogomolov I.K. Film Censorship in Russia during the First World War	70
Khorosheva A.V. The Trip of Football Players from Kharkov to Germany in 1925 in the Context of the Development of International Sports Relations	97
Bakhatova M.N. Pluralism and Dialogue in the Spiritual Heritage of the Popes John XXIII and Paul VI.	118
Elizarov S.A. Local Soviets of the Belarusian SSR of "Developed Socialism" (1965–1984): Communication of Nomencltures	133
Podeiko V.A., Robyshev V.O., Solopova O.V., Roeva-Mkrtchyan E.B. Historical Background and Peculiarities of Changes in Russian By-laws Regarding the Legal Status of Foreign Citizens and Stateless Persons in 2024	152
Tortsova O.Yu. History of the Construction of the Synagogue in Bežun Village, Płock Guberniya	168

DOI: 10.55959/MSU0130-0083-8-2024-65-5-3-13



Д.М. Володихин

ЛЕТОПИСНЫЕ И РАЗРЯДНЫЕ ИСТОЧНИКИ О ПРИЧИНАХ ОПАЛЫ, ВОЗЛОЖЕННОЙ НА КНЯЗЕЙ ВОРОТЫНСКИХ В 1562 Г.

D.M. Volodikhin

THE REASONS FOR THE VOROTYNSKY PRINCES' DISGRACE IN 1562, AS EVIDENCED BY CHRONICLES AND RAZRIAD RECORDS

Аннотация. Род князей Воротынских в середине XVI столетия был в очень высокой степени востребован на военной службе у Российского государства в качестве полевых военачальников. Братья Ивановичи Воротынские выполняют службу полковых воевод, возглавляют порой значительные самостоятельные полевые соединения, а также гарнизоны крупных городов и крепостей. Тем не менее осенью 1562 г. на семейство Воротынских обрушивается тяжелая опала. В частности, были конфискованы земельные владения князей М.И. Воротынского и А.И. Воротынского (князь В.И. Воротынский к тому времени уже скончался). Михаил Иванович был доставлен с женой в тюрьму на Белоозеро, Александр Иванович с супругой оказались под арестом в Галиче. О тяжести опалы свидетельствует также ее длительность. Для старшего брата она закончилось только в 1565 г. Таким образом, крупные полководцы были надолго выведены из состава русского воеводского корпуса. Специалисты неоднократно задавались вопросом, в чем причина опалы, возложенной на Воротынских. Чаще всего ее свя-

Володихин Дмитрий Михайлович, доктор исторических наук, профессор кафедры источниковедения исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, доцент, проректор по научной работе МГУТУ имени К.Г. Разумовского (ПКУ)

Volodikhin Dmitriy Mikhaylovich, Doctor in History, Professor, Department of Source Studies, Faculty of History, Lomonosov Moscow State University, Associate Professor, Vice-Rector for Research, K.G. Razumovsky Moscow State University of Technologies and Management (The First Cossack University)

volodih@mail.ru

ORCID: 0009-0008-1649-5606

Исследование выполнено в рамках государственного задания МГУ имени М.В. Ломоносова.

The study was conducted under the state assignment of Lomonosov Moscow State University.

звали со стремлением Ивана IV уничтожить огромное удельное княжество Воротынских, т.е. с курсом земельной политики царя. Иногда причины искали в политических обстоятельствах того периода. Автор статьи на основе внимательного прочтения летописных и разрядных источников предлагает гипотезу, в рамках которой опала трактуется в совершенно ином ключе. По всей видимости, Воротынские подверглись наказанию за неудачу в боевых действиях против крымского хана Девлет-Гирея под Мценском. Летом 1562 г. хану удалось безнаказанно уйти в степь, избежав разгрома от русских воевод. Здесь можно видеть результат слишком неспешного командования князем М.И. Воротынским оборонительным соединением русских войск. Опала, вероятно, стала монаршей оценкой его деятельности на высоком посту. В рамках дискуссии, развернувшейся по данному вопросу в среде специалистов по военно-политической истории Русского царства, как минимум дважды высказывались схожие предположения. В том же смысле писали А.А. Зимин и В.П. Ульянов. Отличие высказывания автора настоящей статьи состоит в обоснованности, которая проистекает из внимательного изучения источников, а именно — разрядных записей и летописных свидетельств.

Ключевые слова: Иван IV, князь М.И. Воротынский, хан Девлет-Гирей, оборона российских границ, Мценск, опала, удельное княжество.

Abstract. By the mid-sixteenth century, the Vorotynsky princes were highly sought after for their military service within the Russian state. The brothers of the Vorotynsky family served as regimental commanders, at times leading substantial independent field formations, in addition to garrisons of major cities and fortresses. In the autumn of 1562, however, the Vorotynsky family fell into disgrace. This decline was particularly marked in the case of Prince M.I. Vorotynsky and his brother A.I. Vorotynsky, whose lands were confiscated (Prince V.I. Vorotynsky had already died). The severity of the disgrace is also reflected in its duration; for the elder brother, it ended only in 1565. Mikhail Ivanovich and his wife were imprisoned in Beloozero, while Aleksandr Ivanovich and his wife were detained in Galich. As a result, the Vorotynskys, who were major generals, were permanently expelled from the Russian voivodeship corps. The reasons for the disgrace of the Vorotynskys have been a subject of speculation among experts. One commonly held view is that it was a consequence of Ivan IV's desire to destroy the vast Vorotynsky Principality, reflecting the course of the Tsar's land policy. Conversely, alternative theories have postulated that the Vorotynskys' decline can be attributed to the prevailing political dynamics of the era. The present author puts forward an alternative hypothesis, namely that the Vorotynskys were punished for their failure to defeat the Crimean Khan Devlet-Giray near Mtsensk in the summer of 1562. The Khan managed to evade capture and retreat onto the steppes, thereby circumventing a potential defeat at the hands of the Russian voivodes. This outcome is attributed to the Prince M.I. Vorotynsky's slowness in command, specifically with regard to the Russian troops' defensive formation. This event is likely to have resulted in the monarch's censure of the prince's performance in a senior position. During deliberations among experts specializing in the military and political history of the Russian Empire, analogous assumptions have been posited on at least two occasions. A.A. Zimin and V.P. Ul'yanov

have expressed views that are similar to these. The present author's position differs from that of his predecessors in terms of its validity, which is derived from a meticulous examination of the sources, specifically *razriad* (register) records and chronicles.

Keywords: Ivan IV, Prince M.I. Vorotynsky, Khan Devlet-Giray, defense of the Russian borders, Mtsensk, disgrace, principality.

* * *

Представители рода князей Воротынских в середине XVI столетия были в очень высокой степени востребованы на военной службе у Российского государства. В период, непосредственно предшествующий опале 1562 г., примерно с середины 1550-х гг., сыновья князя Ивана Михайловича Воротынского Михаил и Александр часто назначаются полковыми воеводами и воеводами в городах. Особенно это касается князя Михаила Ивановича Воротынского. Старший из братьев, Владимир, к тому времени уже ушел из жизни — мирно и безмятежно, правда, еще не старым человеком. Он скончался 27 сентября 1553 г. (дата известна из надписи на могильной плите) и был похоронен в Кирилло-Белозерском монастыре. Над его погребением на средства вдовы в середине 1550-х гг. был выстроен небольшой Свято-Владимирский храм, впоследствии ставший усыпальницей князей Воротынских¹. Но и он при жизни не раз назначался на воеводские должности высокого уровня.

С весны 1556 г. по 1562 г. князь Михаил Иванович Воротынский постоянно выполняет разные службы на юге, в оборонительной войне против крымцев. В разное время он командует гарнизонами в городах, которые являлись, по условиям середины XVI в., узловыми центрами обороны Российского государства: в Одоеве, Калуге, Туле. Время от времени он назначается полковым воеводой на «береговую службу» — во главе Передового полка или вторым воеводой Большого полка. Если подсчитывать количество назначений в войска, в том числе в боевых условиях, Михаил Иванович явно превосходит в боевом опыте ведущих российских полководцев высшего уровня, а именно князей Ивана Дмитриевича Бельского и Ивана Федоровича Мстиславского. Но по части знатности он обоим несколько уступает. Поэтому, когда один из них командует полками на южном (Окском) рубеже, Михаил Иванович получает второстепенную должность.

¹ Мазалецкая В.А. Надгробные памятники Кирилло-Белозерского монастыря // Кириллов. Краеведческий альманах. Вып. 3. Вологда, 1998. С. 59–60; Никольский Н.Н. Кирилло-Белозерский монастырь и его устройство. Т. 1. Вып. 2. СПб., 1910. Прилож. 4-е. О месте погребения разных лиц (16–17 вв.) в Кириллове монастыре. С. XLIX.

Но когда они заняты на других службах, Воротынскому доверяют самостоятельное командование оборонительными силами на Оке.

Именно так сложились обстоятельства в 1558 г. Летом русская оборонительная армия, состоящая из пяти полков (Большого, Правой руки, Передового, Сторожевого,левой руки) вышла на Окский рубеж — встречать очередной набег воинов крымского хана Девлет-Гирея. Армия прикрывала Калужское направление, и возглавлял ее князь М.И. Воротынский. Обстоятельства сложились так, что ему не пришлось отбивать масштабное вторжение крымцев. Самым сложным делом для Воротынского стало в тот момент улаживание тяжелого местнического конфликта, разразившегося среди воевод. Армия простояла на оборонительных рубежах до осени 1558 г.

Очень скоро Михаил Иванович получил новое задание, по сути, аналогичное предыдущему. Зимой 1559 г. началось новое масштабное вторжение крымцев в южные районы России. Противник рассчитывал на отсутствие главных сил русской армии, занятых в Ливонии. Но Москва все же сумела выставить значительные оборонительные контингенты. Крымцы узнали от своей разведки о том, что на Оке развернуты большие силы русских, и повернули вспять, разграбив приграничные земли, но не пытаясь углубиться в коренные области России. Михаил Иванович командовал ратью из трех полков, и он вышел с полками, преследуя неприятеля. Воевода взял в плен нескольких ратников врага, за основными же силами татар не угнался. Те бежали, бросая скот и награбленное имущество.

Позднее, в самом начале 1560-х гг. Воротынский получает новые и новые поручения, связанные с обороной Русского Юга. Порой ему приходится участвовать в оборонительных кампаниях по два-три раза в год. Однажды воеводе дали задание найти наиболее выгодное место для боевого выхода Государева полка, а значит — отборных боевых сил Русского царства, возглавленных самим государем, под Дедилов. Иначе говоря, к Воротынскому в течение долгого времени относятся доверительно.

Но в 1562 г. князь М.И. Воротынский исчезает из воеводских списков на три года. Его вместе с братом Александром постигла жестокая опала.

13 сентября 1562 г. Иван IV вернулся в Москву из Можайска, где готовил поход русской армии на Полоцк (он состоится зимой 1562/1563 гг.). Через два дня после приезда, едва ознакомившись с текущими делами, монарх возложил опалу на князей Михаила и Александра Ивановичей Воротынских.

Братья получили один из самых страшных вариантов опалы — «за изменные дела». У них отобрали родовые земельные владения —

огромный Воротынско-Одоевский удел, а также всю ценную недвижимость и серебро в монетах. К этому добавилось удаление от двора на жестких условиях. Старший из братьев, князь М.И. Воротынский, был вывезен для тюремного содержания далеко на Север, его содержали на Белоозере. В это же время князь А.И. Воротынский отправился для содержания под стражей в Галиче. Обоих удалили из Москвы с семьями и небольшим количеством слуг. И оба содержались в довольно суровых условиях, ограничения коснулись пищи и предметов первой необходимости.

Итак, наказали обоих братьев Воротынских, причем вина Михаила выглядела в представлении царя более серьезной. Причины опалы стали предметом дискуссии в специальной научной литературе. Вопрос о том, чем было вызвано суровое наказание, не решен до сих пор. Цель настоящей статьи — представить обоснованную гипотезу, которая объяснила бы возложение царской опалы на Воротынских.

Автор ряда биографий старомосковских полководцев Н.С. Борисов назвал предполагаемую причину, из-за которой на Воротынских обрушилась опала. По его мнению, братьев Воротынских не устроило содержание царского указа, введенного в действие в январе 1562 г. С этого момента выморочные вотчины, включая удельные владения, переходили не к «боковым» членам рода, а в казну, т.е. фактически конфисковывались. Н.С. Борисов обратил внимание на тот факт, что новые правила неизбежно приводили к потере Воротынскими очень значительных земельных владений, ранее принадлежавших покойному князю Владимиру Ивановичу Воротынскому, а ныне пребывавших в управлении его вдовы. Тут еще не было почвы для опалы: правило касалось не только Воротынских, оно имело общегосударственное действие. Но, с точки зрения Н.С. Борисова, семейство Воротынских, включая сюда и братьев-Ивановичей, было крепко привязано — не только в хозяйственном смысле, но и эмоционально — к землям удельного княжества, переходившим на протяжении многих поколений от одного члена их рода к другому. Н.С. Борисов предположил, что «...не сдержавшись, Михаил Воротынский в прямом разговоре “нагрубил” царю. Воротынский был из тех, кто мог сказать царю такое, чего не посмел бы вымолвить никто другой. В ответ царь распорядился арестовать Воротынских “за изменные дела” и конфисковать их владения»².

Подчеркнем, сам исследователь осторожен в формулировках. Он нигде не говорит, что подобного рода скандал — факт. Речь идет

² Борисов Н.С. Русские полководцы XIII–XVI веков. М., 1993. С. 156.

всего лишь о предположении, что земельные утраты могли быть восприняты князем М.И. Воротынским как личное оскорбление и, соответственно, вызвали жесткую реакцию с его стороны, а это и повлекло, в конечном счете, как обвинение в измене, так и опалу.

Действительно, закон о княжеском землевладении, вышедший 15 января 1562 г., сильно ограничивал право удельного князя распоряжаться своей земельной собственностью, предельно суживая число возможных наследников: сын или вдова, причем вдова лишь на время; прочие представители рода — исключительно по распоряжению монарха³. Названный указ «должен был нанести, — как отмечал А.А. Зимин, — ощутительный удар по правовым устоям княжеского землевладения... однако этот закон... на практике далеко не всегда выполнялся»⁴.

Кроме того, вряд ли сама эта мера стала оглушительным ударом для братьев Воротынских.

В.Б. Кобрин и С.Б. Веселовский отмечали, что социальный статус «верховских» князей, включая (чуть ли не прежде всего) Воротынских постепенно снижался, а земли их родовых уделов «задолго до ликвидации... уделов были вовлечены в процесс экономического, бытового и правового объединения Северо-Восточной Руси»⁵. Это означает, что для Воротынских новый шаг в сокращении их прав на удельное землевладение отнюдь не был неожиданностью. Их удельные владения то сокращались, то росли, можно сказать «дышали» в своих границах, права на них также во многом зависели от воли московского государя. Указ 1562 г., таким образом, стал ступенькой в длинной лестнице. И, следовательно, новый закон вряд ли мог вызвать у Воротынских взрыв возмущения. К тому же, речь шла лишь о части удела, всё остальное по-прежнему оставалось во владении братьев Ивановичей, и их не лишали права отдать землю по наследству сыновьям. Потеря, конечно, неприятная, но не катастрофическая. Трудно представить себе, что она разожгла пламя острого конфликта между братьями Воротынскими и государем Иваном Васильевичем.

Иного мнения придерживался специалист по военной истории Московского царства В.В. Каргалов. С его точки зрения, не конфликт на земельной почве, а политические обстоятельства подготовили

³ Законодательные акты Русского государства второй половины XVI — первой половины XVII века: [Ч.1]: Тексты / Под ред. [и с предисл.] Н.Е. Носова. Л., 1986. № 36.

⁴ Зимин А.А. Реформы Ивана Грозного. М., 1960. С. 254.

⁵ Веселовский С.Б. Последние уделы в Северо-Восточной Руси // Исторические записки. Т. 22. М., 1947. С. 115–131; Кобрин В.Б. Власть и собственность в средневековой России. М., 1985. С. 138.

почву для опалы на Воротынских. По словам В.В. Каргалова, «...измена князей Вишневецкого и Бельского привела к многочисленным опалам. Пострадали и князья Воротынские... возможно, сыграла роль и близость Михаила Воротынского к Алексею Адашеву»⁶. Имеется в виду относительно недавнее падение Адашева, который прежде являлся, используя современную терминологию, «политическим тяжеловесом». Впрочем, В.В. Каргалов не приводит никаких аргументов, которые обосновали бы и подозрительную для Ивана IV плотность контактов между Адашевым и Воротынским, и влияние измен Вишневецкого с Бельским на судьбу князей Воротынских. В работе В.В. Каргалова нет фактов, позволяющих проследить некие особенные связи между этими аристократическими родами.

Более обоснованным представляется связать опалу и события, которые непосредственно ей предшествовали и нашли отражение в источниках. Имеется в виду неудача князя М.И. Воротынского в оборонительной кампании против крымцев, состоявшейся летом 1562 г. Она перечеркнула прежние заслуги Воротынских и дала Ивану IV повод для того, чтобы лишить Воротынских огромного удела. Младший брат Михаила Ивановича Воротынского, Александр Иванович подвергся опале по той причине, что он участвовал в названной оборонительной кампании как второе по старшинству лицо в полевом соединении, которое возглавлял князь М.И. Воротынский, а именно как первый воевода полка Правой руки.

Собственно, кратко в этом духе уже высказались А.А. Зимин и биограф Воротынского В.П. Ульянов. По словам Ульянова, «летом 1562 г. к Мценску с небольшим войском вышел сам крымский хан. М.И. и А.И. Воротынские по приказу царя пытались настигнуть отступающее ханское войско. Князья прошли 400 км по “Дикому полю”, но татар не догнали. 15 сентября царь наложил опалу на братьев Воротынских и лишив их имущества, с семьями отправил в ссылку. Внешним поводом для такой немилости могла послужить служебная оплошность братьев, которые не смогли догнать и разгромить войско во главе с крымским ханом»⁷. В другом месте тот же В.П. Ульянов предлагает иную версию: «Князья Воротынские были в фаворе, т.к. являлись родственниками первой жены Ивана Грозного. После ее смерти положение изменилось. Правительство подготовило законодательные акты, по которым ряд княжеских родов,

⁶ Каргалов В.В. Полководцы X–XVI вв. М., 1989. С. 240.

⁷ Ульянов В.П. Князь М. И. Воротынский — военный деятель России XVI в.: автореферат дисс. ... канд. ист. наук. Тюмень, 2006. С. 19. А.А. Зимин кратко высказался в том же духе еще до Ульянова, см.: Зимин А.А. Опричнина Ивана Грозного. М., 1964. С. 97–99.

в том числе Воротынские, потерял часть своих прав на землю. Князья Воротынские после кончины старшего брата лишились сначала лучшей трети своих земель, а с осени 1562 г. — и всех своих земель, их отправили в ссылку». Первое предположение достойно внимания. Второе выглядит, мягко говоря, странно: старший брат скончался задолго до смерти царской супруги Анастасии Захарьиной-Юрьевой. Она ушла из жизни летом 1560 г. И что же, царь выжидал два года, чтобы объявить опалу родне покойной? Или отправил Воротынских в опалу, потому что отобрал у них землю? Особой логики тут не просматривается.

Вообще, «родство» Воротынских с Захарьиными-Юрьевыми вышло своеобразным. Три брата Ивановичи Воротынские — Владимир, Михаил, Александр — родились у первой жены их отца, Анастасии, дочери Ивана Захарьина-Юрьева; а он, в свою очередь, являлся вторым сыном знаменитого полководца и государственного деятеля Юрия Захарьича Кошкина. Иван IV женился в 1547 г. на Анастасии, дочери Романа, — третьего сына того же Ю.З. Кошкина. Две Анастасии из рода Захарьиных-Юрьевых, таким образом, двоюродные сестры. Казалось бы, степень близости по брачному свойству Воротынских с Захарьиными-Юрьевыми, а через них и с самим царём, очень высока. Но Анастасия Романовна появилась на свет десятком лет позднее, чем скончалась Анастасия Ивановна, а сам царь — восьмью годами позднее. Оба не имели ни малейшего представления о давно усопшей родственнице. Так велик ли «фавор» Воротынских, обретавшийся через покойницу? Можно усомниться в его прочности и даже в самом его наличии.

Стоит разобрать ситуацию более подробно.

Итак, летом 1562 г. русская оборонительная армия во главе с князем М.И. Воротынским стояла на Окском рубеже, притом сам полководец находился в районе Серпухова. Под его командованием пребывало пять полков, а также силы удельного князя Старицкого. Таковы традиционные контингенты, выдвигаемые на берег Оки для противодействия татарским набегам. Им предстояло отразить очередное вторжение.

Крымский хан Девлет-Гирей с войском в 15 тысяч всадников в июле 1562 г. вышел на Мценск. Атака крымцев была способом «отработать» деньги, присланные Девлет-Гирею из Литвы. Летописец говорит о Девлет-Гирее: «Приходил в невеликой силе... а раньше никогда царь (хан. — *Д.В.*) не являлся [на русские земли] со столь малым собранием»⁸. Татарам удалось выжечь значительную часть

⁸ Лебедевская летопись // Полное собрание русских летописей. Т. 29. М., 1965. С. 299.

мценских посадов, остальные же отбил местный воевода — князь Федор Иванович Татев-Хрипунов.

Хан не решился дать генеральное сражение русским полкам и, возможно, изначально этого не планировал. Столкновение с основными силами русской армии в условиях, когда воинский потенциал Крымского ханства в данном походе был использован лишь частично, могло стать для хана гибельным. Поэтому Девлет-Гирей, собрав «полон» и ограбив мценские места, начал отступление в степи. Под Болховом и Белёвым малые отряды крымцев подверглись разгрому от воеводы В. Бутурлина. Часть «полона» Бутурлину удалось отбить. Однако, что важнее для темы настоящей статьи, ядро армии крымцев безнаказанно уходило в степь с пленниками и добычей, взятыми у Мценска. Воротынский привел армию под Мценск, Девлет-Гирей уже не застал. Он организовал погоню, однако действовал слишком медленно, и крымцы с «полоном» успели оторваться от преследования.

Летопись сообщает: «Тогда же приидоша воеводы из Серпухова во Мценск и за царем⁹ тогда на поле ходили воеводы: слуга князь Михайло да боярин князь Олександр Ивановичи Воротынские и иные воеводы со многими людьми, которые были с воеводами по берегу для крымских людей береженья. И ходили за ними до Коломака и до Мерчика. И не сошли воеводы царя крымского, потому что пошел от украины спешно»¹⁰. Сам Иван IV стоял тогда с войсками у Можайска, готовя, как уже говорилось выше, большой поход на Полоцк¹¹. Войск на мценское направление он не посылал, поскольку, очевидно, не желал утомить или уменьшить в боях воинский контингент, предназначенный для более крупного предприятия.

Разрядная книга свидетельствует, что для отпора Девлет-Гирею были собраны большие силы, и эти силы ходили до верховьев Ворсклы. Но ни о каких боевых действиях речи нет, следовательно, летописное известие верно, русские полки опоздали к бою. Вот текст разрядной книги: «Как пришел крымской царь ко Мценску... с наказом пригнал от государя и великого князя к слуге и воеводе ко князю Михаилу Ивановичю Воротынскому и ко всем воеводам князь Дмитрей князь Иванов сын Хворостинин, и из Серпухова воеводы ко Мценску пошли по государеву наказу, а в Серпухове остался Долмат Федорович Карпов да князь Данило Одоевский болен... И слуга и воевода князь Михайло Иванович Воротынской пришел во Мценск

⁹ Имеется в виду хан крымский.

¹⁰ Лебедевская летопись // Полное собрание русских летописей. Т. 29. С. 299.

¹¹ Город Полоцк был тогда в составе Великого княжества Литовского, с которым Россия пребывала в состоянии войны.

и все бояря и воеводы, а с украинских городов пришли воеводы во Мценск же: с Михайлова города пришел князь Ондрей Иванович Татев; ис Пронска князь Семен Дмитриевич Палецкой; с Тулы князь Василей Дмитриевич Палецкой. А во Мценску в те поры был воевода князь Федор Иванович Татев. И воеводы промеж себя сшетчись говорили, что в полкех быти воеводам по государеву розряду по старому, а прихожим воеводам украинным приговорили быть изо Мценска князю Федору Татеву да с Тулы князь Василью Палецкому в Большом полку. А с Михайлова города князю Ондрею Татеву да ис Пронска князю Семену Палецкому приговорили быть в Передовом полку. И по тому приговору воеводы ходили за царем до верх Ворскла»¹².

Итак, воеводы не справились. Возможно, слишком долго договаривались о порядке воеводской иерархии в полках. Или, может быть, слишком долго собирались в один кулак. Так или иначе, догнать Девлет-Гирея Воротынскому не удалось.

Полководец допустил ту же оплошность, что и в 1544, и в 1559 гг. Он не особенно торопился догонять крымцев, отбивать у них пленников, захваченных на Руси. А это наносило серьезный демографический урон населению южных уездов России. Ошибка, им совершенная, гораздо серьезнее, чем может показаться: русская оборона в XVI столетии строилась на двух основных тактических элементах. Первый из них состоял в том, чтобы не допустить проникновения татар в коренные области Руси, затормозить их движение на окраинах государства. Второй элемент строился на активном преследовании неприятеля, когда тот вынужден был оставить пленников и бежать, спасаясь от удара по арьергарду. Первого элемента без второго всегда было недостаточно.

Воротынского не казнили, помня его прежние заслуги. И это можно рассматривать как милостивое решение вопроса. Однако опала, наложенная Иваном IV на него с братом, получила тяжелые формы. По всей видимости, ошибки на ратном поле в таком важном деле, как оборона южных границ, трактовались как серьезное преступление. Отсюда и серьезность наказания.

References

Borisov N.S. *Russkiye polkovodtsy XIII–XVI vekov* [Russian Commanders from the 13th through the 16th Century]. Moscow: Prosveshcheniye, 1993. 192 p.

Kargalov V.V. *Polkovodtsy X–XVI vv.* [Military Commanders from the 10th through the 16th Century]. Moscow: Izdatel'stvo DOSAAF SSSR, 1989. 332 p.

¹² Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. II. Ч. I. М., 1981. С. 99–100.

Kobrin V.B. *Vlast' i sobstvennost' v srednevekovoy Rossii (XV–XVI vv.)* [Authority and Property in Medieval Russia (the 15th and 16th Centuries)]. Moscow: Mysl', 1985. 279 p.

Mazaletskaya V.A. *Nadgrobnnyye pamyatniki Kirillo-Belozerskogo monastyrya* [Tomb Monuments of the Kirillo-Belozersky Monastery] // *Kirillov. Krayevedcheskiy al'manakh*. Issue 3. Vologda: Legiya, 1998. P. 56–64.

Nikoľskiy N.N. *Kirillo-Belozerskiy monastyr' i yego ustroystvo* [Kirillo-Belozersky Monastery and Its Structure]. Saint Petersburg: Sinodal'naya tipografiya, 1910. Vol. 1. Issue 2. Appendix 4. *O meste pogrebeniya raznykh lits (XVI–XVII vv.) v Kirillove monastyre* [On the Burial Site of Various Persons (the 16th and the 17th Centuries) in the Kirillov Monastery]. P. XLV–LVIII.

Ul'yanov V.P. *Knyaz' M.I. Vorotynskiy — voyennyy deyatel' Rossii XVI v.: avtoreferat dissertatsii ... kandidata istoricheskikh nauk* [Prince M.I. Vorotynskiy as a Military Figure of Russia in the 16th Century: Abstract of the PhD Candidate in History Dissertation]. Tyumen': Tyumenskiy gosudarstvennyy universitet, 2006. 23 p.

Veselovskiy S.B. *Posledniye udely v Severo-Vostochnoy Rusi* [The Last Appanages in North-Eastern Russia] // *Istoricheskiye zapiski*. Vol. 22. Moscow: Izdatel'stvo AN SSSR, 1947. P. 101–131.

Zimin A.A. *Oprichnina Ivana Groznogo* [Ivan the Terrible's Oprichnina]. Moscow: Mysl', 1964. 535 p.

Zimin A.A. *Reformy Ivana Groznogo* [Ivan the Terrible's Reforms]. Moscow: Sotsekgiz, 1960. 514 p.

Поступила в редакцию
16 марта 2024 г.

DOI: 10.55959/MSU0130-0083-8-2024-65-5-14-26



А.П. Виноградов

НЕИЗВЕСТНАЯ ТАБЕЛЬ О РАНГАХ

A.P. Vinogradov

UNKNOWN TABLE OF RANKS

Аннотация. Табель о рангах 1722 г. впервые закрепила систему государственных чинов Российской империи. За прошедшие с тех пор три века написано немало научных работ, посвященных этому историческому документу, однако во многих из них встречаются неточности и ошибки, что и определило актуальность выбранной темы. Большинство исследователей в своих работах ссылаются на Табель о рангах, опубликованную в Полном собрании законов Российской империи. Перед автором данной работы стояли следующие задачи: изучить максимальное количество имеющихся на сегодняшний день вариантов Табели, сгруппировать их по отличительным чертам, провести классификацию разновидностей Табели, определить вариант, вошедший в Полное собрание законов Российской империи. Было изучено более 20 экземпляров Табели, хранящихся в ведущих библиотеках страны: Российской государственной библиотеке, Российской национальной библиотеке, Библиотеке Российской академии наук, Государственной публичной исторической библиотеке России. Впервые представлено наиболее полное описание дошедших до нас вариантов Табели о рангах 1722 г. Каждому изученному экземпляру присвоен свой идентификационный номер. Систематизированы все библиографические описания сохранившихся экземпляров Табели. Определены ошибки и неточности, исходя из чего уточнена классификация по библиографическому принципу и технике книгопечатания. Исследована внутренняя структура Табели о рангах во всех печатных вариантах до включения в Полное собрание законов Российской империи. Описаны общие орфографические и композиционные черты в разных изданиях. Разработана авторская классификация по структур-

Виноградов Алексей Павлович, кандидат исторических наук, начальник научно-исследовательского управления Научно-исследовательского института военной истории Военной академии Генерального штаба Вооруженных Сил Российской Федерации

Vinogradov Alexey Pavlovich, PhD Candidate in History, Head, Research Department, Research Institute of Military History, Military Academy of the General Staff of the Armed Forces of the Russian Federation

vinogradov-gik@yandex.ru

ORCID: 0009-0009-1522-2662

ному принципу, в рамках которой выделены три группы: 1) классическая петровская Табель о рангах без чина «архиатер» в 5-м классе; 2) классическая с чином «архиатер» в 5-м классе; 3) неканоническая Табель о рангах (с чином «архиатер», но с расхождениями в других чинах). В результате проведенного анализа доказано, что в Полное собрание законов 1830 г. вошел вариант Табели из второй группы описанной классификации.

Ключевые слова: Табель о рангах, чин, звание, класс, ранг, архиатер, Полное собрание законов Российской империи.

Abstract. The Table of Ranks of 1722 for the first time fixed the system of state ranks for the Russian Empire. Since that time, numerous works have been published on this historical document, yet many contain inaccuracies and errors, which determined the relevance of the chosen topic. The majority of researchers cite the Table of Ranks as referenced in the Complete Collection of Laws of the Russian Empire. The present study sets out to achieve the following objectives: first, to study as many variants of the Table of Ranks as possible; second, to group these variants according to their distinctive features; third, to classify the various types of the Table of Ranks; and fourth, to determine which variant was included in the Complete Collection of Laws of the Russian Empire. To this end, the author consulted over 20 copies of the Table in the leading libraries of the country, including the Russian State Library, the Russian National Library, the Library of the Russian Academy of Sciences, and the State Public Historical Library of Russia. The result of this research is what is believed to be the most complete description to date of the surviving versions of the Table of Ranks of 1722. The author assigned an identification number to each copy studied, systematized all bibliographic descriptions of the surviving copies of the Table of Ranks, identified errors and inaccuracies, and clarified the classification by bibliographic principle and printing technique. The author also investigated the internal structure of the Table of Ranks in all printed versions before its inclusion in the Complete Collection of Laws of the Russian Empire; described common orthographic and compositional features in different editions, and developed his classification according to the structural principle, within which three groups are distinguished: 1. Peter's classical Table of Ranks without the rank of archiater in the fifth grade, 2. the classical one with the rank of archiater in the fifth grade, 3. the non-canonical Table of Ranks (with the rank of archiater, but with discrepancies in other ranks). As a result of the analysis, it was proven that the Complete Collection of Laws of 1830 included a version of the Table from the second group of the described classification.

Keywords: Table of Ranks, *tchin*, title, grade, rank, archiater, Complete Collection of Laws of the Russian Empire.

* * *

В 2022 г. основополагающий документ Российской империи по чинопроизводству — Табель о рангах — отметил свое 300-летие. Однако, несмотря на трехвековую историю самой Табели и исследований о ней, до сих пор в ученом мире нет четкого представления о количестве вариантов этого документа. В работах даже крупных историков встречаются различные ошибки, в том числе в отношении

чинов. В связи с этим видится актуальным проведение исследования по разбору и классификации существующих вариантов Табели о рангах.

В ходе проведенного анализа было установлено, что большинство исследователей приводят в своих работах таблицы чинов, разработанные на основе Табели о рангах, опубликованной в Полном собрании законов Российской империи 1830 г.¹

Следует отметить, что в Свод законов Российской империи Табеля о рангах не включена. В Большой советской энциклопедии приводится некорректное высказывание: «Первоначально закон состоял из собственно Табели (таблицы) чинов и 18 “Пунктов” (статей), пояснявших Табеля и устанавливавших штрафы за ее нарушение. Постепенно необходимость в “Пунктах” отпала и в 19 в. их не включили в Свод законов Российской империи»². Однако во всех изданиях свода законов Российской империи представлена не Табеля о рангах, а сравнительная таблица чинов, существовавших на то время в различных государственных ведомствах. При этом она носит соответствующее название. Так, в «Росписании чинов» (первое издание свода законов Российской империи) представлена сравнительная таблица военных и морских чинов; чинов по общим гражданским ведомствам; придворных чинов; горных чинов; классных званий по военному ведомству; академических и учебных классных званий и ученых степеней; медицинских, фармацевтических и ветеринарных классных степеней и губернских классных зауряд-званий (присваиваемых временно, лишь на время исполнения должности)³. Отличие от Табели о рангах очевидно даже из перечисления разрядов чинов. В третьем издании свода законов Российской империи приведена «Сравнительная табеля чинов гражданских с чинами военными, морскими, придворными и горными»⁴.

Кроме того, большинство пунктов Табели о рангах вошло в Свод законов. Так, например, пункт 3 отражен в статьях 524 и 525 «Устава о службе по определению от Правительства» первого издания свода законов, пункт 4 — в статьях 515 и 687, пункт 5 — в статье 516, пункт 6 — в статье 687, пункт 7 — в статье 532, пункт 8 — в статье 535,

¹ Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ). Собр. 1-е. Т. VI. СПб., 1830. № 3890.

² Большая советская энциклопедия. В 30 т. Изд. 3-е. Т. 25. М., 1976. С. 159–160.

³ Свод законов Российской империи. Т. 3: Уставы о службе гражданской. СПб., 1833. С. 408–419.

⁴ Свод законов Российской империи. Т. 3: Уставы о службе гражданской. СПб., 1857. С. 540–541.

пункт 9 — в статье 536, пункт 11 — в статьях 529, 530 и 533, пункты 12 и 17 — в статье 512⁵. Особо следует отметить, что в Табели о рангах 19 поясняющих пунктов, а не 18, как указано в Большой советской энциклопедии.

Этот небольшой пример показывает, что ошибки и неточности в отношении Табели о рангах допускают даже крупные научные организации. Встречаются они и у частных историков, в том числе у такого авторитетного исследователя, как Л.Г. Бескровный⁶. Причина кроется, по-видимому, в том, что сама Табель о рангах существовала в нескольких вариантах, в которых также встречаются неточности и даже ошибки.

Попытки классификации Табели о рангах неоднократно предпринимались исследователями-библиографами, но они описывали этот документ по библиографическому принципу и технике книгоиздания. Нас же интересует внутренняя структура Табели, наличие в ней тех или иных чинов. Тем не менее в библиографических работах было обнаружено немало интересующей нас информации.

Так, П.П. Пекарский в своем труде «Наука и литература в России при Петре Великом» выделяет два варианта Табели о рангах: 16-страничное московское издание с выходными данными «Печатано в Московской Типографии, Лета Господня 1722, генваря в 30 день» (№ 517 по внутренней нумерации каталога) и 16-страничное санкт-петербургское издание — «Печатано в Санктпетербургской Типографии, Лета Господня 1722, Октября в 13 день» (№ 518)⁷. Структурно эти два варианта отличаются наличием во втором издании среди гражданских чинов в 5-м классе чина «архиатер»⁸. Кроме того, исследователь упоминает 11-страничное издание с выходными данными московской типографии, однако не вносит в каталог, так как рассматривает его как более позднюю перепечатку петровского издания. Данный вывод П.П. Пекарский основывает на анализе заго-

⁵ Свод законов Российской империи. Т. 3: Уставы о службе гражданской. СПб., 1833. С. 118–121, 123–124, 159.

⁶ *Виноградов А.П., Яковлева Н.А.* Из-под пера великого Петра (к 300-летию Табели о рангах) // Военная безопасность России: исторический опыт и взгляд в будущее. Материалы 8-й Междунар. межведомств. научно-практ. конф. научного отделения № 10 Российской академии ракетных и артиллерийских наук. В 3 т. Т. 3. М., 2023. С. 93.

⁷ Наука и литература в России при Петре Великом: исследование П. Пекарского. Т. II: Описание славяно-русских книг и типографий 1698–1725 годов. СПб., 1862. С. 564–568.

⁸ Подробнее см.: *Виноградов А.П.* Система гражданских чинов по Табели о рангах при Петре I. Первые изменения в Табели о рангах по штатским чинам // Вестник архивиста. 2017. № 3. С. 155–167.

ловка Табели. Табель 1722 г. (оба варианта) носит название: «Табель о рангах всех чинов, воинских, статских, и придворных, которые в котором классе чины, и которые в одном классе, те имеют по старшеству времени, вступления в чин между собою, однакож воинские выше протчих, хотя б и старее кто в том классе пожалован был». В упоминаемом же издании слова «по старшеству» заменены на «по старшинству», что произошло уже после Петра I (добавим, что в еще более поздних изданиях слово «протчих» заменено на «прочих»). Необходимо отметить и очевидную опечатку в работе П.П. Пекарского: «Шестнадцать классных чинов, установленных Петром...»⁹. Вероятно, исследователь имел в виду четырнадцать классов в Табели о рангах.

Библиограф А.Ф. Бычков в своей работе «Каталог хранящимся в Императорской Публичной библиотеке изданиям, напечатанным гражданским шрифтом при Петре Великом» описывает два варианта Табели о рангах: московского издания (№ 142, соответствует № 517 Пекарского) и Санкт-Петербургского (№ 156, соответствует № 518 Пекарского)¹⁰. Однако он ошибочно указывает, что московский вариант опубликован в Полном собрании законов Российской империи. В данном собрании законов в 5-м классе указан чин «архиатер», отсутствующий в московском издании.

Н.П. Лихачев в труде «Каталог летучих изданий и их перепечаток» упоминает 14-страничный вариант Табели с московскими выходными данными и относит его к перепечатке, сделанной «в царствование Елизаветы Петровны или в первые годы царствования Екатерины II»¹¹.

В каталоге Ю.Ю. Битовта «Редкие русские книги и летучия издания XVIII века», помимо московского (№ 347, соответствует № 517 Пекарского) и Санкт-Петербургского (№ 348, соответствует № 518 Пекарского) изданий, указаны 17-страничный (№ 580) и 11-страничный (№ 1577) варианты¹². Название варианта № 347 приведено с ошибкой: «по старшинству» вместо Петровского «по старшеству». В варианте № 580 отсутствуют год и место печати. Ю.Ю. Битовт по-

⁹ См.: Наука и литература в России при Петре Великом... С. 568.

¹⁰ Каталог хранящимся в Императорской Публичной библиотеке изданиям, напечатанным гражданским шрифтом при Петре Великом / [А. Бычков]. СПб., 1867. С. 219–220, 233.

¹¹ Каталог летучих изданий и их перепечаток: манифесты, указы и другие правительственные распоряжения в отдельных изданиях и перепечатках. Разные отдельные листы и брошюры (коллекция листов и их перепечаток из собрания Н.П. Лихачева). СПб., 1895. С. 193.

¹² Редкие русские книги и летучия издания XVIII века / Сост. Ю. Битовт. М., 1905. С. 70, 111–112, 294.

ясняет, что Табель о рангах неоднократно перепечатывалась без года и места печати, вариант № 580 он относит к 1730-м гг. Кроме того, он указывает 14-страничный вариант, приведенный в исследовании Н.П. Лихачева. Им также упоминается разновидность 1770 г., напечатанная в Санкт-Петербурге. Вариант № 1577 издан в Санкт-Петербурге в 1766 г.

Библиограф А.В. Петров в работе «Собрание книг, изданных в царствование Петра Великого» отмечает два варианта Табели о рангах: московский (№ 69, соответствует № 517 Пекарского) и Санкт-петербургский (№ 70, соответствует № 518 Пекарского)¹³. В варианте № 69 исследователь отмечает опечатку на последней странице: «19» вместо «16». В этом видится ошибка самого историка, поскольку все предыдущие исследователи данную опечатку не упоминают. В изученных нами экземплярах московской Табели о рангах эта опечатка не встретилась: в левом верхнем углу последнего листа данного варианта стоит номер страницы — «16», а по центру сверху этой же страницы стоит цифра «19», относящаяся к номеру последнего (19-го) пункта Табели о рангах.

В каталоге Т.А. Быковой и М.М. Гуревич «Описание изданий гражданской печати: 1708 — январь 1725 г.» 1955 г. составители приводят два варианта Табели о рангах: московский (№ 660, соответствует № 517 Пекарского) и Санкт-петербургский (№ 705, соответствует № 518 Пекарского). Отдельно упомянуто рижское издание Табели о рангах на немецком языке (Приложение I, № 31)¹⁴. Авторы уточняют, что Санкт-петербургское издание, как наиболее полное, вошло в Полное собрание законов Российской империи¹⁵. В варианте № 660 библиографы отмечают опечатку в номере предпоследней страницы — «25» вместо «15», однако предыдущие исследователи о такой опечатке не упоминают. При тщательном изучении варианта № 660, сравнении напечатанных в этом документе чисел в номерах страниц и пунктах («1», «2», «12», «15»), сопоставлении с экземплярами, хранящимися в других библиотеках, видно, что данная опечатка не является ошибкой, а более жирным оттиском цифры «1» в номере страницы.

В ходе проведенного исследования автором данной статьи были изучены экземпляры Табели о рангах, хранящиеся в Российской го-

¹³ Собрание книг, изданных в царствование Петра Великого / [А. Петров]. Изд. 2-е, доп. СПб., 1913. С. 35.

¹⁴ Описание изданий гражданской печати: 1708 — январь 1725 г. / Сост. Т.А. Быкова, М.М. Гуревич. М.; Л., 1955. С. 359–360, 389, 497.

¹⁵ Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1-е. Т. VI. СПб., 1830. № 3890.

сударственной библиотеке (РГБ)¹⁶, Российской национальной библиотеке (РНБ)¹⁷, Библиотеке Российской академии наук (БАН)¹⁸ и Государственной публичной исторической библиотеке России (ГПИБ)¹⁹. Для точной идентификации каждому экземпляру Табелю о рангах присвоен индивидуальный номер, состоящий из аббревиатуры названия соответствующей библиотеки, отдела хранения и шифра хранения.

В соответствии с вышеизложенным примерная классификация Табелей о рангах по библиографическому принципу выглядит следующим образом:

Табель о рангах, изданная в московской типографии 30 января 1722 г. на 16 нумерованных страницах (№ 517 Пекарского, № 142 Бычкова, № 347 Битовта, № 69 Петрова, № 660 Быковой – Гуревич):

РГБ МК СИ-2⁰/22-Т,
РНБ П-660,
ГПИБ ОИК 15473,
ГПИБ ОИК 15507.

Табель о рангах, изданная в Санкт-Петербургской типографии 13 октября 1722 г. на 16 нумерованных страницах (№ 518 Пекарского, № 156 Бычкова, № 348 Битовта, № 70 Петрова, № 705 Быковой – Гуревич):

РГБ МК МК СПб.т.-2⁰/22-Т,
РНБ П-705,
БАН РК 24.6.36,
ГПИБ ОИК 15474.

Табель о рангах более позднего издания с московскими выходными данными на 11 нумерованных страницах (б/н стр. 565 Пекарского, № 1577 Битовта):

¹⁶ Табель о рангах... РГБ МК Сборн. 66/1; Табель о рангах... РГБ МК МК СПб.т.-2⁰/22-Т; Табель о рангах... РГБ МК СИ-2⁰/22-Т; Табель о рангах... РГБ МК Сен-2⁰/s.a.-Т; Табель о рангах... РГБ МК МК Се-2⁰/s.a.-Т; Табель о рангах... РГБ МК Се-2⁰/s.a.-Т Cum allig. Рукописные: Табель о рангах... РГБ ОР Ф.178.1 № 4180; Табель о рангах... РГБ ОР Ф.178.1 № 9903; Табель о рангах... РГБ ОР Ф.310 № 1183; Табель о рангах... РГБ ОР Ф.68 № 283.

¹⁷ Табель о рангах... РНБ П-660; Табель о рангах... РНБ П-705; Табель о рангах... РНБ П20А-8/1 (алл. 2); Табель о рангах... РНБ 18.105.1.34; Табель о рангах... РНБ 18.107.1.321; Табель о рангах... РНБ 18.212.1.154; Табель о рангах... РНБ 20.97.8.120; Табель о рангах... РНБ 140/506.

¹⁸ Табель о рангах... БАН РК 24.6.36; Табель о рангах... БАН РК 24.9.46; Табель о рангах... БАН РК 24.9.46а.

¹⁹ Табель о рангах... ГПИБ ОИК 15473; Табель о рангах... ГПИБ ОИК 15474; Табель о рангах... ГПИБ ОИК 15507; Табель о рангах... ГПИБ ОИК 15617; Табель о рангах... ГПИБ ОИК 39451; Табель о рангах... ГПИБ ОИК 44608; Табель о рангах... ГПИБ ОИК 7620.

РНБ П20А-8/1 (алл. 2),

РНБ 18.212.1.154.

Табель о рангах более позднего издания с московскими выходными данными на 14 нумерованных страницах (б/н стр. 193 Лихачева):

РГБ МК Сборн. 66/1,

РГБ МК Сен-2⁰/s.a.-Т,

РНБ 18.105.1.34,

РНБ 18.107.1.321,

РНБ 140/506,

ГПИБ ОИК 39451,

ГПИБ ОИК 7620,

БАН РК 24.9.46.

Табель о рангах без указания в выходных данных даты и места издания, на 17 нумерованных страницах, на обложке значится: «Москва. В Сенатской типографии» (№ 580 Битовта):

РГБ МК МК Се-2⁰/S.a.-Т,

РГБ МК СЕ-2⁰/S.a.-Т Cum allig,

РНБ 20.97.8.120,

ГПИБ ОИК 44608,

БАН РК 24.9.46а.

Следует отметить, что приведенная классификация по библиографическому принципу является примерной и требует более детальной проработки специалистами в данной области. Нам же она необходима для составления классификации Табели о рангах по структурному принципу.

Назовем Табели о рангах первых двух вариантов «классическими». Выделим признаки классической Табели о рангах 1722 г.:

— отсутствие чина «архиатер» (для московской типографии);

— слова «по старшеству» и «протчих» в названии (во всех остальных, более поздних вариантах — «по старшинству» и «прочих»). В самой таблице, в названиях чинов, также использовано слово «протчих»: «адмиралы протчих флагов» (2-й класс), «обер-секретари в протчих коллегиях» (8-й класс), «секретари протчих коллегии» (10-й класс), «почтмейстеры в Москве и в протчих знатных городах где губернаторы» (14-й класс). В отличие от Санкт-Петербургского издания, в московском стоит слово «прочіих» в 8-м классе статских чинов;

— слово «майор», относящееся к самостоятельному чину или входящее в состав названий других чинов (4, 6, 7, 8, 13-й классы, 14-й пункт), пишется как «маэор», но отличительной чертой московского издания является особое написание данного слова в артиллерийских

чинах 7-го класса и сухопутных чинах 8-го класса — «маеор». Во всех остальных вариантах Табели о рангах данное слово пишется как «маюр»;

— 16 нумерованных страниц, из которых 8 (стр. 1–8) — под собственно таблицу чинов (4 листа таблицы на разворотах) и 8 (стр. 9–16) — под пункты Табели, а также одна пронумерованная страница между стр. 8 и 9 (отделяет таблицу чинов от пунктов).

Необходимо отметить еще одно различие классических Табелей между собой: в Санкт-Петербургском издании фраза «Табель о рангах всех чинов» в названии набрана более крупным шрифтом, чем остальной текст, в московской же Табели всё название набрано одинаковым размером кегля.

В Государственной публичной исторической библиотеке находится интересный экземпляр Табели о рангах — 16-страничное московское издание, но с чином «архиатер» в 5-м классе²⁰. Возможно, именно этот вариант описал в своей статье О.Р. Хромов²¹. Вариант ГПИБ ОИК 15617 содержит все отличительные признаки московского классического издания («маеор» в 7-м и 8-м классах, в остальных местах «маюр»; «прочих» в 8-м классе, в остальных — «протчих»). Очевидно, что чин «архиатер» допечатан отдельно. Такие «допечатки» встречаются и в других вариантах Табели. Например, в экземпляре ГПИБ ОИК 7620 на обложке между названием Табели и выходными данными добавлена фраза: «Из книг Ивана Филатьева».

Примером явной опечатки в нумерации страниц является экземпляр ГПИБ ОИК 15473, где в колонцифре вместо «14» напечатано «41».

14-страничный вариант отличается от 16-страничного тем, что пункты Табели набраны более плотно, на 6 страницах (стр. 9–14), при этом также присутствует одна пронумерованная страница между таблицей чинов и пунктами. Часть экземпляров встречается в составе сборника с общей обложкой — «Табель о рангах с пополнением, какие чины состоят по особливым именным высочайшим указам и по статам сверх положенных в табели о рангах в классах чинов. Печатана в Санктпетербурге при Сенате 1771 года»²². После Табели о рангах (стр. 1–14) следует «пополнение» (дополнение) с общей сквозной нумерацией страниц (стр. 15–32). Экземпляр РГБ

²⁰ Табель о рангах... ГПИБ ОИК 15617.

²¹ Хромов О.Р. Неизвестные варианты первого издания «Табели о рангах» 1722 г. // Румянцевские чтения — 2016. Ч. 2: Материалы междунар. науч.-практ. конф. Российской государственной библиотеки (12–13 апреля 2016). М., 2016. С. 273–276.

²² Табель о рангах... РГБ МК Сен-2⁰/s.a.-Т; Табель о рангах... РНБ 140/506; Табель о рангах... ГПИБ ОИК 7620.

МК Сен-2⁰/s.a.-Т прошит неправильно: в начале размещена Табель о рангах, затем общая обложка, затем пополнение. Ошибочно прошит и экземпляр РГБ МК Сборн. 66/1: сначала пункты Табели (стр. 9–14), затем таблица чинов (стр. 1–8).

Среди 14-страничных Табелей следует выделить Санкт-петербургскую подгруппу²³. В отличие от остальных экземпляров (условно назовем их «московскими»²⁴), в этой подгруппе после выходных данных московской типографии — «Печатана в Московской Типографии лета Господня 1722 Генваря в 30 день» — добавлено следующее: «а вторым тиснением при Сенате в Санктпетербурге Марта 7 дня 1770 года». В московской подгруппе еще остаются признаки московской классической Табели — «протчих» в 1, 10-м и 14-м классах, в Санкт-петербургской подгруппе такие черты уже не встречаются.

11-страничный вариант Табели о рангах достаточно редкий. Автору удалось обнаружить всего лишь два подобных экземпляра в Российской национальной библиотеке²⁵. При этом они незначительно различаются между собой типографским набором. Вариант РНБ 18.212.1.154 содержит фрагменты признаков московской классики — «протчих» в 1, 10-м и 14-м классах. Таблица чинов в 11-страничном варианте размещается не на разворотах, как во всех остальных разновидностях, а на каждой странице (стр. 1–5), пронумерованная страница отсутствует, а пункты пояснений размещены на следующих 6 страницах (стр. 6–11). Специалисты Российской национальной библиотеки датируют издание варианта РНБ П20А-8/1 (алл. 2) не ранее, чем 1799 г.

17-страничное издание содержит первый лист (входит в общую нумерацию, но не пронумерован) — обложку с надписью «Табель о рангах / 1722 года / Москва / В Сенатской типографии». Далее следуют четыре разворота на 8 страницах с таблицей чинов, но, в отличие от всех предыдущих вариантов, таблица начинается со 2-й страницы (стр. 2–9). Закрывает таблицу чинов, как и в классических вариантах, пустая страница, но впервые она входит в общую нумерацию, хотя и не имеет цифрового обозначения (стр. 10). Затем на 7 пронумерованных страницах размещены пункты Табели (стр. 11–17). Все изученные экземпляры данной группы абсолютно идентичны. Специалисты Российской государственной библиотеки и Российской национальной библиотеки относят издания данных разно-

²³ Табель о рангах... РНБ 140/506; Табель о рангах... ГПИБ ОИК 7620.

²⁴ Табель о рангах... РГБ МК Сборн. 66/1; Табель о рангах... РГБ МК Сен-2⁰/s.a.-Т; Табель о рангах... ГПИБ ОИК 39451.

²⁵ Табель о рангах... РНБ П20А-8/1 (алл. 2); Табель о рангах... РНБ 18.212.1.154.

видностей к 1790-м гг. В 17-страничных вариантах уже полностью отсутствуют признаки классических изданий, используется более поздняя орфография — «по старшинству», «прочих» и «маіор». Впервые основная часть заголовка отделена от остального названия двоеточием: «ТАБЕЛЬ О РАНГАХ ВСЕХ ЧИНОВ: воинских, статских и придворных...». Кроме того, только в 17-страничных экземплярах отсутствуют выходные данные на последней странице.

Таким образом, в ходе данного исследования проведено наиболее полное описание всех сохранившихся вариантов Табели о рангах. В дальнейшем на основе имеющегося материала можно проводить классификацию Табели о рангах по различным принципам. Нас в данной работе интересует структурный принцип — изменения в структуре чинов Табели.

Как отмечалось ранее, исследователи в данном контексте выделяли всего две разновидности: Табель о рангах с чином «архиатер» в 5-м классе и без соответствующего чина. Однако в процессе изучения имеющихся в распоряжении автора экземпляров были выявлены ошибки и расхождения со структурой чинов классических петровских Табелей. Так, в ряде экземпляров морские чины 14-го класса (комиссары корабельные, шкиперы 2 ранга и констапели) перенесены в 13-й класс. Штатом от 5 сентября 1764 г. констапели повышены до 13-го класса²⁶, однако все переиздания Табели о рангах оставляли классическую структуру чинов и данное повышение не могло быть отражено в Табели. Единственное изменение в структуру чинов внес Петр I при втором издании в Санкт-Петербурге 13 октября 1722 г. (добавлен чин «архиатер»). Остальные изменения в печатные варианты внесены не были. Например, в 1723 г. введено 8 новых фискальских чинов и один повышен на 2 класса, при этом Петром I в указе особо было отмечено: «...ныне определены Фискалы из знатных офицеров: того ради им ранги определены следующие ниже сего; и для того табель о рангах для сего перепечатать велено»²⁷. Однако такой вариант Табели о рангах не встречается. В 1724 г. чин тайного советника повышен в классе и введены чины действительного статского советника и статского советника, что тоже не нашло отражения в печатных вариантах Табели о рангах²⁸. Следовательно, перенесение морских чинов из 14-го класса в 13-й является ошибкой издателей. То же встречается и в рукописных вариантах Табели

²⁶ Табель о рангах с пополнением, какие чины состоят по особливым именным высочайшим указам и по стагам сверх положенных в табели о рангах классах чинов. СПб., 1771. С. 30.

²⁷ ПСЗ. Собр. 1-е. Т. VII. СПб., 1830. № 4170.

²⁸ Там же. № 4500.

о рангах²⁹. Для 11-страничной Табели характерна следующая ошибка: в 6-м классе вместо полковника-инженера указан чин подполковника-инженера, при этом и в 7-м классе также указан чин подполковника-инженера.

Исходя из анализа изученных вариантов Табели о рангах при классификации по структурному принципу можно выделить три группы;

— первая группа: Табель о рангах без чина «архиатер» в 5-м классе. К ней относится первая московская классическая Табель о рангах от 30 января 1722 г.³⁰;

— вторая группа: Табель о рангах с чином «архиатер» в 5-м классе и остальными чинами, соответствующими классической петровской Табели. К ней относятся: классическая Санкт-Петербургская³¹ и 14-страничная Санкт-Петербургская Табель о рангах³²;

— третья группа: неканоническая Табель о рангах (с чином «архиатер», но с расхождениями в структуре чинов классической петровской Табели). К ней относятся: 11-страничная³³, 14-страничная московская³⁴ и 17-страничная Табель о рангах³⁵. Здесь можно выделить подгруппу ошибочной структуры чинов – 11-страничную Табель о рангах.

Из всего изложенного выше следует, что в 1722 г. издается два варианта классической 16-страничной Табели о рангах, отличающихся между собой чином «архиатер» в 5-м классе. В 1770-х гг. выпускается 14-страничная Табель о рангах, которая могла входить в сборник, включающий саму Табель и таблицу последующих изменений. В 1780-х гг. выходит 11-страничное издание, содержащее наибольшее количество ошибок. В 17-страничных вариантах 1790-х гг. уже полностью отсутствуют специфические признаки классических изданий, текст документа принимает соответствующий текущему времени вид. В Полном собрании законов Российской империи в 1830 г. был опубликован текст Табели о рангах второй группы (согласно нашей классификации по структурному признаку). В него включен

²⁹ Табель о рангах... РГБ ОР Ф.178.1 № 4180.

³⁰ Табель о рангах... РГБ МК СИ-2⁰/22-Т; Табель о рангах... РНБ П-660; Табель о рангах... ГПИБ ОИК 15473; Табель о рангах... ГПИБ ОИК 15507.

³¹ Табель о рангах... РГБ МК МК Спб.т.-2⁰/22-Т; Табель о рангах... РНБ П-705; Табель о рангах... ГПИБ ОИК 15474.

³² Табель о рангах... РНБ 140/506; Табель о рангах... ГПИБ ОИК 7620.

³³ Табель о рангах... РНБ П20А-8/1 (алл. 2); Табель о рангах... РНБ 18.212.1.154.

³⁴ Табель о рангах... РГБ МК Сборн. 66/1; Табель о рангах... РГБ МК Сен-2⁰/s.a.-Т; Табель о рангах... ГПИБ ОИК 39451.

³⁵ Табель о рангах... РГБ МК МК Се-2⁰/s.a.-Т; Табель о рангах... РГБ МК Се-2⁰/s.a.-Т Cum allig; Табель о рангах... ГПИБ ОИК 44608.

чин «архиатер», при этом отсутствуют ошибки и специфические особенности классической Табели.

References

Khromov O.R. *Neizvestnyye varianty pervogo izdaniya "Tabeli o rangakh" 1722 g.* [Unknown Variants of the First Edition of the 1722 "Table of Ranks"] // *Rumyantsevskiyechteniya — 2016* [Rumyantsev Readings — 2016]. Part 2. *Materialy mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii Rossiyskoy gosudarstvennoy biblioteki (12–13 aprelya 2016 g.* [The Acta of the International Scientific and Practical Conference of the Russian State Library (12–13 April 2016)]. Moscow: Pashkov dom, 2016. P. 273–276.

Opisaniye izdaniy grazhdanskoj pečati: 1708 — yanvar' 1725 g. [Description of Editions of the Civil Press: 1708 — January 1725] / Comp. by T.A. Bykova, M.M. Gurevich. Moscow; Leningrad: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1955. 627 p.

Pekarskiy P.P. *Nauka i literatura v Rossii pri Petre Velikom* [Science and Literature in Russia under Peter the Great]. Vol. II. *Opisaniye slavyano-russkikh knig i tipografij 1698–1725 godov* [Description of Slavic-Russian Books and Printing Houses in 1698–1725]. Saint Petersburg: Izdaniye Tovarishchestva "Obshchestvennaya pol'za", 1862. II, 694, XXV p.

Vinogradov A.P. *Sistema grazhdanskikh chinov po Tabeli o rangakh pri Petre I. Pervyye izmeneniya v Tabeli o rangakh po shtatskim chinam* [The System of Civil Ranks according to the Table of Ranks under Peter I. The First Changes in the Table of Ranks for Civilian Tchins] // *Vestnik arkhivista*. 2017. N 3. P. 155–167.

Vinogradov A.P., Yakovleva N.A. *Iz-pod pera velikogo Petra (k 300-letiyu Tabeli o rangakh)* [From under the Pen of the Great Peter (to the 300th Anniversary of the Table of Ranks)] // *Voyennaya bezopasnost' Rossii: istoricheskiy opyt i vzglyad v budushcheye. Materialy 8-y Mezhdunarodnoy mezhvedomstvennoy nauchno-prakticheskoy konferentsii nauchnogo otdeleniya № 10 Rossiyskoy akademii raketnykh i artilleriyskikh nauk* [Military Security of Russia: Historical Experience and a Look into the Future. Proceedings of the 8th International Interdepartmental Scientific and Practical Conference of the Scientific Department No. 10 of the Russian Academy of Rocket and Artillery Sciences]. In 3 vols. Vol. 3. Moscow: Izdatel'stvo MGTU imeni N.E. Bauman, 2023. P. 93–97.

Поступила в редакцию
16 апреля 2024 г.

DOI: 10.55959/MSU0130-0083-8-2024-65-5-27-46



М.А. Филимонова

**ОССИАН И ВОЙНА ЗА НЕЗАВИСИМОСТЬ США:
АМЕРИКАНСКАЯ ТЕМА В ПОЛИТИЧЕСКИХ
ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ДЖЕЙМСА МАКФЕРСОНА**

М.А. Filimonova

**OSSIAN AND THE AMERICAN WAR OF INDEPENDENCE:
AMERICAN THEMES IN JAMES MACPHERSON'S
POLITICAL WRITINGS**

Аннотация. Предметом данного исследования являются политические произведения Джеймса Макферсона (1736–1796), которые, в отличие от его «Поэм Оссиана», до сих пор не были проанализированы специалистами ни в России, ни в других странах. Целью статьи является выявление системы политических взглядов Макферсона, проявившихся прежде всего в его интерпретации Американской революции конца XVIII в. Pamфлеты Макферсона, написанные в период Войны за независимость США, составили источниковую базу исследования. Она дополнена британской прессой того же периода, позволяющей вписать анализируемую памфлетику в общий контекст антиамериканской пропаганды времен Войны за независимость США. Также использованы бумаги Т. Джефферсона, служившие Макферсону основным объектом критики. Pamфлеты Макферсона рассматриваются и как теоретические произведения, отчасти предвосхищающие консерватизм Э. Бёрка, и как образец пропаганды. Изучен образ Америки, созданный Макферсоном, приемы его негативизации, его связь с существовавшей литературной традицией, в частности, с повествованиями об индейском плене, составлявшими в то время отдельный литературный жанр. Этот образ создавался на основе устойчивых мотивов, таких как «неблагодарность», «жестокость», «дикость», перенесенных отчасти на Континентальный конгресс как орган революционной власти, отчасти на американцев как таковых. Военный потенциал Америки оценивался Макферсоном как

Филимонова Мария Александровна, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник научно-исследовательской лаборатории «Центр изучения США», Курский государственный университет

Filimonova Maria Alexandrovna, Doctor in History, Leading Researcher, Scientific Research Laboratory “Center for the Study of the USA”, Kursk State University

mar-filimonova@yandex.ru

ORCID 0000-0001-7212-2371

чрезвычайно низкий. Пропагандист развивал британские пропагандистские клише о трусости американских солдат, якобы способных одерживать победы лишь с помощью хитрости или внезапности. Этому образу противопоставлялся храбрость и дисциплина солдат Великобритании, хотя Макферсон подвергал сомнению профессиональные качества отдельных британских военачальников-вигов. Теоретические построения Макферсона основаны на отрицании ключевых политических идей Просвещения, легших в основу современного конституционализма: народного суверенитета, разделения и ограничения власти. Делается вывод об эффективности созданного нарратива британской пропаганды. Дополнительно рассмотрены литературные связи Макферсона с Америкой и рецепция американцами XVIII в. его «Поэм Оссиана».

Ключевые слова: Война за независимость США, британская пропаганда XVIII в., британская памфлетистика XVIII в., Джеймс Макферсон, Томас Джефферсон, тори в Великобритании, виги в Великобритании, виги в Америке.

Abstract. The subject of this study encompasses the political works of James Macpherson (1736–1796), which, in contrast to his *Poems of Ossian*, have not yet been examined by specialists in either Russia or other countries. The objective of this article is to ascertain the system of Macpherson's political views, primarily expressed in his interpretation of the American Revolution of the late 18th century. The study draws upon a set of Macpherson's pamphlets, which were written during the American War of Independence and serve as the primary source material for the investigation. These are complemented by the British press of the same period, thus enabling the analysis of the pamphleteering to be situated within the broader context of anti-American propaganda during the War of Independence. Thomas Jefferson's papers, which were the primary focus of Macpherson's criticism, have also been consulted. The pamphlets have been considered both as theoretical works, partly anticipating Edmund Burke's conservatism, and as a model of propaganda. The author examines the image of America created by Macpherson, the techniques of its negativization, and its connection with the existing literary tradition, in particular with the narratives of Indian captivity, which at that time constituted a separate literary genre. The image in question was constructed on the basis of persistent motifs such as "ingratitude", "cruelty", and "savagery", which were partly transferred to the Continental Congress as an organ of revolutionary power, and partly to the American populace. Furthermore, Macpherson's assessment of America's military potential was extremely low. The propagandist developed British propaganda clichés about the cowardice of American soldiers, allegedly capable of winning victories only with the help of cunning or surprise. This image was juxtaposed with the bravery and discipline of British soldiers, although Macpherson raised questions regarding the professional competencies of certain British Whig military leaders as part of his critique of the opposition. Macpherson's theoretical constructions are based on the denial of the key Enlightenment ideas, which formed the basis of modern constitutionalism, such as popular sovereignty, separation and limitation of power. The conclusion drawn therein asserts the efficacy of the

British propaganda narrative. Additionally, Macpherson's literary connections with America and the reception of his *Poems of Ossian* by Americans of the 18th century are considered.

Keywords: American War of Independence, the eighteenth-century British propaganda, the eighteenth-century British pamphleteering, James Macpherson, Thomas Jefferson, Tories in Great Britain, Whigs in Great Britain, Whigs in America.

* * *

Джеймс Макферсон (1736–1796) — шотландский поэт, наиболее известный как литературный мистификатор. В 1761–1763 гг. вышли его поэтические сборники «Фингал» и «Темора», которые он выдал за переводы древней гэльской поэзии, созданной легендарным героем Оссианом (Ойсином)¹. Объединенные впоследствии в «Поэмы Оссиана», они стали самым известным произведением Кельтского Возрождения XVIII в.² Современные исследователи считают «Оссиана» одним из первых примеров романтизации Горной Шотландии и в целом кельтского мира. Его воспринимали как «глас исчезнувшей цивилизации»³.

Литературная деятельность Макферсона хорошо изучена как зарубежными, так и отечественными литературоведами⁴. Однако его вклад в британскую памфлетистику во время Войны за независимость США и его политические взгляды не отражены в историографии ни в нашей стране, ни в других странах. Данная статья призвана отчасти заполнить существующий пробел. Источниковой базой исследования являются прежде всего антиамериканские памфлеты Макферсона, вышедшие в 1776 и 1779 гг.

Макферсона связывают с Америкой и рецепция «Оссиана» в колониях, а затем в независимых Соединенных Штатах, и его собственная реакция на Американскую революцию.

С рецепции «Оссиана» и будет начат анализ американской проблематики в литературной и политической биографии Макферсона.

¹ Макферсон Дж. Поэмы Оссиана. Л., 1983. С. 11–15.

² См.: Лазарева Т.Г. Антикварное движение в Британии XVIII века и Вальтер Скотт // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2009. № 4. С. 46; Шестакова Н.Ф. Кельтское возрождение в Великобритании (середина XVIII — начало XX века): идентичность и память // Вестник Удмуртского университета. Серия «История и филология». 2019. Т. 29. № 4. С. 583–592.

³ Johnson A.L. Thomas Jefferson's Ossianic Romance // Studies in Eighteenth-Century Culture. 2016. Vol. 45. N 1. P. 21–24, 26.

⁴ См., например: Black G.F. Macpherson's Ossian and the Ossianic Controversy. New York, 1926; Thomson D.S. The Gaelic Sources of Macpherson's 'Ossian'. Edinburgh, 1952; Левин Ю.Д. Оссиан в русской литературе (конец XVIII — первая треть XIX века). Л., 1980. 206 с.; и др.

Известно, что «Оссиан» стал предметом не просто невероятного увлечения, он вызвал у публики настоящую одержимость⁵. Восхищались не только рядовые читатели, но и литературная элита Великобритании. «Оссиана» высоко оценил Гораций Уолпол, находивший в этих поэмах «естественные образы и возвышенные чувства, которые существовали до того, как были изобретены правила, делающие поэзию трудной и скучной»⁶. Т. Смоллетт ввел в свой роман «Путешествие Хамфри Клинкара» (1771) эпизод в Горной Шотландии, где решительно утверждал: «Здесь у всех на устах поэмы Оссиана»⁷. В 1785 г. Макферсон был включен в число претендентов на звание поэта-лауреата. Впрочем, звание это досталось Томасу Уортону.

Всеобщая мода на произведения Макферсона добралась и до Америки. «Поэмы Оссиана» появились в Филадельфии в 1766 г.⁸ Томас Джефферсон восхищался поэмами и писал: «Я не стыжусь признаться, что считаю этого сурового барда Севера величайшим поэтом, какой когда-либо существовал»⁹. Французский маркиз де Шастеллю, путешествовавший по США в 1780–1781 гг., посетил плантацию Джефферсона Монтичелло и впоследствии с удовольствием рассказывал, как беседовал с гостеприимным хозяином за чашей пунша. Разговор зашел о поэмах Оссиана. «Словно электрическая искра пробежала от одного к другому», — вспоминал Шастеллю¹⁰. Современные исследователи пишут даже об оссианизме Джефферсона и находят следы влияния «Оссиана» в «Заметках о штате Виргиния»¹¹.

В 1773 г. Джефферсон обратился к своему шотландскому знакомому, который был в родстве с Джеймсом Макферсоном, с просьбой достать оригинал «Оссиана». В то время виргинец планировал

⁵ *McLaughlin J.* Jefferson, Poe, and Ossian // *Eighteenth-Century Studies*. 1993. Vol. 26. N 4. P. 629; *Левин Ю.Д.* Оссиан в русской литературе. С. 14–17; *Колосова Е.И.* «Поэмы Оссиана» в сравнительно-историческом контексте // *Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 7. Литературоведение: Реферативный журнал*. 2021. № 2. С. 123–135; *Еленова М.Ю.* Рецепция оссианизма в русской поэзии первой трети XIX века // *Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки*. 2012. № 2. С. 69–73.

⁶ *The Letters of Horace Walpole, Earl of Orford: 9 vols.* / Ed. by P. Cunningham. London, 1857–1859. Vol. 3. P. 284.

⁷ *Смоллетт Т.* Путешествие Хамфри Клинкара. *Голдсмит О.* Векфилдский священник. М., 1972. С. 261.

⁸ *Carpenter F.I.* The Vogue of Ossian in America: A Study in Taste // *American Literature*. 1931. Vol. 2. N 4. P. 406.

⁹ *Jefferson Th.* The Papers: 47 vols. / Ed. J.P. Boyd, B.B. Oberg. Princeton, 1950–2023. Vol. 1. P. 96.

¹⁰ *Ibid.* Vol. 7. P. 586.

¹¹ *Johnson A.L.* Thomas Jefferson's Ossianic Romance. P. 19–35; *McLaughlin J.* Jefferson, Poe, and Ossian. P. 631–632.

выучить гэльский язык¹². Но заполучить гэльский оригинал Джефферсону по понятным причинам не удалось. Макферсон рассыпался в оправданиях: «Я не могу, отказав в них стольким людям, с соблюдением приличий подарить экземпляр гэльских стихотворений из собственных рук. К тому же, это потребовало бы больших усилий. Я не знаю никого, кто мог бы их скопировать. Мой почерк и мое правописание отличаются от других»¹³.

Поклонники «Оссиана» нашлись и в Новой Англии. 22 декабря 1798 г. они устроили в Бостоне «пиршество раковин» (Feast of Shells)¹⁴. Образ был позаимствован у Макферсона. Шотландец считал, что древние кельты пили вино из раковин, которые подбирали на морском берегу¹⁵. В «Поэмах Оссиана» несколько раз встречаются эпизоды вроде следующего: «Мы повели Лартмора в его жилище, пир раковин был приготовлен, радость старца была велика»¹⁶. Реальной основы подобные эпизоды не имели, но это не помешало бостонцам осуществить своего рода псевдоисторическую реконструкцию.

Можно проследить и влияние «Оссиана» на американскую литературу как на стадии ее зарождения, так и позднее, вплоть до Э.А. По, Р.У. Эмерсона, У. Уитмена¹⁷.

В то же время многие современники высказывали сомнения в аутентичности поэм, вызванные как недоступностью гэльских оригиналов, так и господствовавшим тогда в Англии представлением о культурной неполноценности кельтов. Сэмюэль Джонсон предпринял целое путешествие в Шотландию и на Гебридские острова, чтобы в беседах с местными собирателями фольклора проверить подлинность «Оссиана». Авторитетный филолог счел поэму Макферсона подделкой. Более того, он объявил, что на грубом и бедном гэльском языке нет и не может быть древних памятников. Спор вокруг «Оссиана», начатый Джонсоном, продолжался более ста лет¹⁸.

Возможно, что с ранними нападками критиков связан американский эпизод в биографии Макферсона. По этой причине или по каким-то другим соображениям он решил на время покинуть Бри-

¹² *Jefferson Th.* The Papers. Vol. 1. P. 96–97.

¹³ *Ibid.* Vol. 1. P. 100.

¹⁴ *Conforti J.A.* Imagining New England: Explorations of Regional Identity from the Pilgrims to the Mid-Twentieth Century. Chapel Hill, 2001. P. 179–183; *Seelye J.D.* Memory's Nation: The Place of Plymouth Rock. Chapel Hill, 1998. P. 43.

¹⁵ *Макферсон Дж.* Поэмы Оссиана. С. 468, сн. 22.

¹⁶ *Макферсон Дж.* Поэмы Оссиана / Исследование, перевод и примеч. Е. В. Балобановой. СПб.: издательство журнала «Пантеон литературы», 1890. С. 285.

¹⁷ См. об этом подробнее: *Carpenter F.I.* Op. cit. P. 405–417.

¹⁸ *Johnson S.* A journey to the Western Islands of Scotland, 1775. London, 1775. P. 273–274; *Curley T.M.* Samuel Johnson, the Ossian Fraud, and the Celtic Revival in Great Britain and Ireland. Cambridge; New York, 2009. P. 101–106; *Лазарева Т.Г.* Указ. соч. С. 47.

танские острова. Такая возможность ему представилась. В 1763 г. губернатором Западной Флориды был назначен капитан Джордж Джонстон, шотландец по национальности. Он не отказался помочь земляку и сделал Макферсона своим секретарем. Ранний биограф Макферсона гадал, что привело к этому неожиданному повороту биографии его героя: литературный скандал вокруг «Оссиана» или же денежные затруднения¹⁹. В любом случае, во Флориде Макферсон не прижился и вскоре завершил свою карьеру колониального чиновника путешествием по Вест-Индии. Два года спустя он вернулся в Великобританию. Несмотря на ссору с Джонстоном, ему было разрешено сохранить свое жалованье в качестве пенсии.

На родине его ждала слава. Когда он появлялся в лондонских салонах или на фешенебельной Пэлл-Мэлл или же смешивался с толпой в Воксхолле, он привлекал к себе всеобщее внимание. На портрете, созданном Джорджем Ромни, предстает джентльмен-литератор, с затуманенным поэтической мыслью взором, в элегантном халатобаньяне, отороченном мехом (в таких обычно позировали заказчики с интеллектуальными наклонностями). Видимо, именно после возвращения в метрополию или чуть позднее определилась та позиция, которую Макферсон занял по отношению к антиколониальным протестам в Америке. Клан Макферсонов был якобитским и активно участвовал в восстании 1745 г. Но Джеймс Макферсон, хотя и внес свой (пусть спорный) вклад в развитие шотландской национальной культуры, в политике принял взгляд официального Лондона. Определяющую роль здесь сыграло покровительство, которое ему оказывал лорд Бьют, в 1762–1763 гг. занимавший пост премьер-министра. Некоторые историки оценивают такую смену политического вектора как предательство²⁰.

Во время Войны за независимость США мы находим Макферсона на службе у нового премьер-министра лорда Норта. По утверждению Горация Уолпола, он ввел в Великобритании полноценную цензуру. Автор «Оссиана» получал от правительства 800 фунтов в год за инспекцию газет (по другим данным — 600 фунтов). Он «вставлял [в газеты] любую ложь, какую желал, и не давал печатать ничего, что он не одобрял», — возмущался Уолпол²¹.

¹⁹ *Saunders B.* The Life and Letters of James McPherson. London; New York, 1892. P. 213.

²⁰ *Porter J.* “Bring Me the Head of James Macpherson”: The Execution of Ossian and the Wellsprings of Folkloristic Discourse // *The Journal of American Folklore*. 2001. Vol. 114. N 454. P. 404.

²¹ *Walpole H.* Journal of the reign of King George the Third, from the year 1771–1783: 2 vols. Vol. 2. London; Bentley, 1859. P. 483; *Saunders B.* The Life and Letters of James McPherson. P. 233; *Smart J.S.* James Macpherson: an episode in literature. London, 1905. P. 160.

Взгляды, которые Макферсон выражал в своих политических произведениях, полностью совпадали с позицией правящей партии тори. Ярким примером может служить его вышедший в 1776 г. памфлет «Защита прав Великобритании против претензий Америки». Название полемически перекликалось с известным американским памфлетом «Защита прав британских колоний», изданным за двенадцать лет до того бостонским вигом Дж. Отисом. Памфлет Макферсона имел большой успех у британской публики²². В 1779 г. вышло еще одно его произведение на американскую тему: «Краткая история оппозиции во время последней сессии парламента». Второй памфлет также был хорошо принят. Как было в обычае в XVIII в., памфлет вышел анонимно, и публика решила, что его автор — не кто иной, как знаменитый историк Э. Гиббон²³. Оба памфлета создают единый пропагандистский нарратив.

Первый из памфлетов имел подзаголовок «Ответ на декларацию генерального конгресса». Б. Саундерс, один из ранних биографов Макферсона, ошибочно решил, что речь идет о Декларации независимости²⁴. На самом деле объектом критики Макферсона стал более ранний документ — «Декларация причин и необходимости взяться за оружие», принятая Вторым континентальным конгрессом 6 июля 1775 г. Шотландский пропагандист не мог знать, кем именно написан критикуемый текст. Он в принципе не занимался вопросами авторства Декларации, позиционируя ее как коллективное высказывание Конгресса. Собственно, авторство этого документа было установлено лишь в середине XX в.²⁵ По иронии судьбы, это был тот самый поклонник Оссиана, с которым Макферсон незадолго до Войны за независимость вел любезную переписку. Основным автором Декларации был Т. Джефферсон; текст был отредактирован умеренным пенсильванским вигом Дж. Дикинсоном.

Макферсон начинал с того, что объявлял Декларацию фальшивой с начала и до конца. С его точки зрения, в документе Конгресса «факты либо намеренно, либо по незнанию искажаются, а аргументы выводятся из посылок, которые не имеют под собой никакой реальной основы»²⁶.

Декларация начиналась с того, что Конгресс ставил под сомнение неограниченную власть британского парламента в отношении

²² Saunders B. The Life and Letters of James McPherson. P. 259.

²³ Ibid. P. 265.

²⁴ Ibid. P. 259.

²⁵ Boyd J.P. The Disputed Authorship of the Declaration on the Causes and Necessity for Taking Up Arms, 1775 // Pennsylvania Magazine of History and Biography. 1950. Vol. 74. N 1. P. 51–73.

²⁶ Macpherson J. The rights of Great Britain asserted against the claims of America: being an answer to the declaration of the general congress. [Philadelphia], 1776. P. 14.

Америки²⁷. Джефферсон, ссылаясь на Декларативный акт, принятый парламентом в 1766 г., писал: «В одном из законов провозглашается, что парламент может “по праву издавать законы, обязательные для нас во всех случаях”. Что может защитить нас от такой огромной, такой неограниченной власти? Ни один человек из претендующих на нее не выбран нами и не находится под нашим контролем»²⁸.

Макферсон отвечал на это: «Они (американцы. — М.Ф.), по-видимому, намекают на то, что ни одна группа людей ни в одной империи не может обладать “неограниченной властью над другими”; мнение, противоречащее фактам при любой форме правления. Ни один политический принцип не является более общепризнанным, чем тот, что где-то в каждом государстве должна существовать верховная и неконтролируемая власть»²⁹. Прямого утверждения, что власть не должна быть неограниченной, в Декларации нет. Но, конечно, это подразумевалось: соответствующая доктрина была общим местом как английского, так и американского Просвещения.

В противовес локковской теории разделения и ограничения власти, положенной в основу Декларации, Макферсон ссылаясь на теорию суверенитета, восходящую к Ж. Бодену. Она предполагала неконтролируемую власть государства. Чтобы не быть обвиненным в защите абсолютной монархии, Макферсон оговаривал, что неограниченная власть не должна принадлежать одному человеку. Неограниченная власть парламента его не смущала. Интересно, что Э. Бёрк, в 1776 г. поддерживавший Американскую революцию, в 1790 г. отождествлял ограничение верховной власти с «гражданской неразберихой»³⁰. Правда, Бёрк при этом говорил о власти короля, а не парламента.

Совпадает у Макферсона и Бёрка также представление о социальной базе революционных властей, хотя речь у них идет о разных революциях. С точки зрения Бёрка, революционная Франция «совсем уклонилась от пути природы», поскольку страной больше не управляли собственники. «Разумеется, собственность при этом разрушается, а разумная свобода перестает существовать», — подытоживал Бёрк³¹. Макферсон высказывал сходные мысли о революционной Америке: «Люди, обладающие собственностью, в силу собственных интересов являются врагами хаоса, а разумные люди, предвидящие неизбежный исход военных действий против непобе-

²⁷ *Jefferson Th. The Papers. Vol. 1. P. 213.*

²⁸ *Ibid. P. 215.*

²⁹ *Macpherson J. The rights of Great Britain asserted. P. 14.*

³⁰ *Бёрк Э. Размышления о революции во Франции. London, 1992. С. 96.*

³¹ Там же. С. 123.

димой мощи могущественной империи, не желают вступать в борьбу, которая для американцев должна закончиться крахом. Но и те, и другие вынуждены молчать из-за тирании введенной в заблуждение толпы»³².

Обсуждая парламентские акты, относящиеся к колониям, Макферсон доказывал: «Декларативный акт, на который жалуются американцы, не содержит никаких новых, никаких присвоенных полномочий в отношении колоний»³³. В соответствии с нормами английского права, он перечислял прецеденты вмешательства парламента в дела колоний, в том числе прецеденты налогообложения колоний³⁴. При этом его сведения о законодательстве, касавшемся Британской Америки, были, по-видимому, неполными. Он ссылаясь, например, на акт о создании почты на территории империи, предусматривавший почтовые сборы, в том числе и в колониях. Но на протяжении XVIII в. парламент принимал акты, прямо вводившие налоги на те или иные виды товаров, поступавших в колонии. Таковы Паточный акт 1733 г. и Сахарный акт 1763 г. Ссылки на них как на прецеденты парламентского налогообложения в Америке были бы более убедительны.

Как последовательный тори, Макферсон отвергал теорию народного суверенитета. Здесь он также предвосхищал более поздние представления Э. Бёрка, который в своих «Размышлениях о революции во Франции» (1790) объявлял положение о народе как источнике власти и незаконным, и необоснованным³⁵. Вместе с народным суверенитетом Макферсон отвергал вытекающий из этой доктрины лозунг Американской революции «Никакого налогообложения без представительства». В подкрепление своей позиции Макферсон ссылаясь на электоральные практики самой Великобритании, где даже крупные города могли не иметь представителей в Палате общин, а также на исторический опыт Древнего Рима: «Правда в том, что представительство никогда не сопровождалось налогообложением ни в одном государстве. Римляне были свободной нацией, однако сенат, то есть большая часть знати, обладал исключительным правом облагать народ налогами»³⁶. Затем он сравнивал положение колоний с положением некоторых средневековых английских графств. Так, граф Честер и епископ Дарем обладали чем-то вроде королевской юрисдикции на своей территории, но все же жители Честера долж-

³² *Macpherson J. The rights of Great Britain asserted. P. 74.*

³³ *Ibid. P. 48.*

³⁴ *Ibid. P. 47.*

³⁵ *Бёрк Э. Указ. соч. С. 76–78, 91–92.*

³⁶ *Macpherson J. The rights of Great Britain asserted. P. 16.*

ны были подчиняться статутам парламента³⁷. Кажется, Макферсон модернизировал ситуацию XIII в., когда был создан английский парламент и когда графство Честер прекратило свое квази-независимое существование. Он преувеличивал ту власть, которой мог располагать английский парламент на столь раннем этапе. Наконец, он полагал, что если бы американцы попросили для себя представительства в парламенте, то им таковое было бы даровано. Здесь Макферсон прибегал к искажению уже не истории, а современной ему ситуации. На самом деле представительство североамериканских колоний в парламенте было предложено У. Питтом-старшим в 1766 г., но отвергнуто парламентариями³⁸.

Конечно, стоя на таких позициях, Макферсон полностью отвергал проект реформирования Британской империи, с которым американские виги выступали в 1774–1775 гг., подразумевавший создание некоторого подобия современного Британского содружества. Империю должна была объединять власть общего монарха, в то время как законодательная власть в каждой из частей империи должна была быть передана на местный уровень. Полномочия британского парламента в этих построениях ограничивались пределами самой Великобритании; законы для Америки должны были создаваться колониальными легислатурами. Для Макферсона этот проект был совершенно неприемлемым. Он риторически вопрошал: «Следует ли британскому законодательному органу смиренно изложить нужды общества *мелким* (выделено в оригинале. — М.Ф.) легислатурам Америки и просить их о помощи для общей поддержки правительства?»³⁹.

Как было принято в торийской пропаганде, Макферсон преувеличивал радикализм американских вигов и доказывал, что они с самого начала стремились к независимости. Однако его система доказательств в этом случае была довольно оригинальной. Он считал, что стремление американцев к независимости проявилось прежде всего в нарушении британского Навигационного акта. Он писал: «Теперь они публично заявляют о своей решимости не обращать внимания ни на какие парламентские ограничения их торговли, будь то давние или недавние. Теперь они открыто торгуют со всей Европой»⁴⁰. Следует признать, что поэт Макферсон видел экономические предпосылки Американской революции более ясно, чем многие совре-

³⁷ Ibid. P. 18.

³⁸ Романова М.И. Британские виги и борьба североамериканских колоний за независимость (1760-е гг.) // Вопросы истории. 2007. № 4. С. 120.

³⁹ Macpherson J. The rights of Great Britain asserted. P. 62.

⁴⁰ Ibid. P. 64.

менные историки. Стремление колоний освободиться от навязанных им меркантилистских ограничений действительно играло немалую роль.

Вообще, экономические вопросы заняли почетное место в макферсоновской пропаганде. Например, Джефферсон утверждал, что основатели американских колоний создавали свои поселения «ценой своей крови, рискуя своим состоянием, без малейших затрат для страны, из которой они уехали»⁴¹. Эта фраза настолько задела Макферсона, что он скрупулезно подсчитал затраты Великобритании на защиту колоний. Впрочем, занимаясь делами Британской Индии⁴², он действительно не понаслышке знал, каких затрат стоит имперская экспансия. Интересно, что Макферсон включил сюда же и расходы на начавшуюся Войну за независимость. По его данным, в 1714 г. на содержание английских войск в Америке было потрачено 39 478 ф. ст., в 1775 г. — 247 506 ф. ст.⁴³ Кажется, в этой ситуации передергиванием занимались обе стороны. Джефферсон, конечно, говорил о ситуации XVII в., об основании Джеймстауна и Нового Плимута, которое действительно осуществлялось усилиями частных компаний и отдельных лиц, но не государства. Макферсон же взял совершенно иную ситуацию, сложившуюся по итогам Войны за испанское наследство и последующего изменения колониальной политики Великобритании.

Экономическую тему Макферсон увязывал с одним из сквозных мотивов торийской пропаганды как в Великобритании, так и в Америке — мотивом «неблагодарности» американцев. Он писал: «Но, даже если допустить, что колонисты получили свои земли от метрополии безвозмездно, были ли они способны удержать эти земли без ее помощи? Разве не для того, чтобы защитить американцев, Великобритания ввязалась в недавнюю дорогостоящую войну? Разве не те самые “Соединенные провинции”, которые сейчас претендуют на то, чтобы бросить вызов власти нашего королевства, валялись в пыли у его ног, требуя его помощи и защиты от одной-единственной колонии? (французской Канады. — М.Ф.) <...> Разве Великобритания, подобно ангелу-хранителю, не протянула им руку помощи; и, изгнав их врагов с Американского континента, не избавила их не только от опасности, но и от самого страха перед опасностью?»⁴⁴.

⁴¹ *Jefferson Th. The Papers. Vol. 1. P. 214.*

⁴² Макферсон был агентом наваба Аркота в Лондоне и работал над историей Ост-Индской компании.

⁴³ *Macpherson J. The rights of Great Britain asserted. P. 89.*

⁴⁴ *Ibid. P. 22.* «Соединенные провинции» — название 13 восставших колоний от начала Войны за независимость до официального создания Соединенных Штатов Америки в 1776 г.

Обширные пассажи памфлета посвящены теме начала Войны за независимость и ответственности за нее. Для современников в 1775 г. начавшийся в Америке конфликт еще не был Войной за независимость. Самого понятия «Соединенные Штаты Америки» еще не существовало. На этом этапе обычным обозначением начавшихся событий был отсылавший к Древнему Риму и английскому «Великому мятежу» XVII в. термин «гражданская война». «Для благородных сердец столь неестественная война должна быть совершенно отвратительна», — писала газета “Edinburgh Advertiser” накануне первых сражений при Лексингтоне и Конкорде⁴⁵.

Поэтому так важна была тема ответственности за братоубийство. В понимании Макферсона, виновны были американские виги. Его приводило в негодование стремление американских лидеров подчеркнуть мирный характер своего протеста. Декларация Конгресса, принятая уже в военной обстановке, заверяла: «Американцы были в негодовании, это правда, но то было негодование добродетельного, лояльного и любящего народа». Джефферсон как автор документа подчеркивал, что протестующие не хотели заходить дальше, чем разрыв торговых отношений с метрополией⁴⁶. Макферсон возмущался: «Разве они не обнажали меч одной рукой, в то время как другая была протянута вперед с мольбами об облегчении мнимых обид? Разве они не закупали оружие, боеприпасы и артиллерию, не создавали склады, не вербовали солдат и не готовились во всех отношениях к восстанию и войне, когда делали вид, что говорят на языке покорности и мира?»⁴⁷.

Макферсон создавал предельно тенденциозную картину начала войны. Разумеется, всю вину за начало боевых действий он возлагал на американскую сторону. Единственная вина английского генерала Гейджа состояла, с точки зрения шотландского пропагандиста, в том, что он промедлил и не подавил «мятеж» в колониях вовремя. Он всего лишь намеревался конфисковать оружие, хранившееся в арсенале Лексингтона, чтобы предотвратить его использование против имперской власти. Макферсон уверял, будто английские солдаты подошли к Лексингтону с незаряженными мушкетами и столкнулись с неспровоцированным нападением американцев⁴⁸.

К моменту, когда Макферсон взялся за написание своего памфлета, британская пропаганда уже создала образ «американских

⁴⁵ The Edinburgh Advertiser. April 4–7. 1775.

⁴⁶ Jefferson Th. The Papers. Vol. 1. P. 215.

⁴⁷ Macpherson J. The rights of Great Britain asserted. P. 56.

⁴⁸ Ibid. P. 65–66.

дикарей», якобы скальпировавших английских солдат. Источник этого образа был, скорее всего, литературным: подробности были заимствованы из популярных в XVIII в. рассказов о плене у индейцев и об индейских обычаях войны. Здесь они переносились на белых американцев. О фольклорно-литературной природе сюжета говорит то, что столь сенсационные обстоятельства не были включены в первые же известия о событиях при Лексингтоне, публикуемые в Великобритании. Впервые они появились в середине июня 1775 г.

Макферсон на этой основе создал мрачную сагу. Он живописал скальпированных солдат, чьи тела лежали на Лексингтонском мосту. Двоих из них сослуживцы якобы нашли еще живыми. «Судя по следам крови, они катались в муках ужасной смерти в нескольких ярдах от того места, где с них сняли скальпы», — прибавлял автор «Оссиана». Дальнейшее он предоставлял воображению читателя: «Гуманность запрещает нам дольше задерживаться на этой ужасной сцене»⁴⁹. Нельзя не признать, что это был эффективный прием, позволявший читателю нарисовать себе картину жестокостей, которые, возможно, даже не подразумевались автором. Интересно, что тот же прием с успехом использовали классики готической прозы. Лучший комментарий в этом случае дал Гораций Уолпол, который, будучи создателем жанра готического романа, знал цену выдуманному ужасам. Он насмешливо отзывался о «ежедневной колонке лжи Макферсона»⁵⁰.

В то же время Макферсон даже не пытался отрицать жестокость, проявляемую английскими солдатами в Америке, в частности, сожжение дотла нескольких новоанглийских городков и поощрение индейцев к нападениям на американский фронт. Шотландец хладнокровно заявлял: «Определенно, все эти вещи могли произойти». Он лишь доказывал, что первопричиной всех действий английской армии был американский мятеж. Разве американцы не напали на англичан при Конкорде и Лексингтоне, не захватили форты на западной границе, не вторглись в Канаду?⁵¹

Таким образом, он представлял американцев неблагодарными и жестокими дикарями, без всяких причин и без всякого права восставшими против своей метрополии. Он писал: «Они (американцы. — М.Ф.) больше не разговаривают как подданные. Они используют язык соперников и действуют как враги. Вопрос между

⁴⁹ Ibid. P. 67.

⁵⁰ Цит. по: *Smart J.S. James Macpherson. P. 160.*

⁵¹ *Macpherson J. The rights of Great Britain asserted. P. 72–73.*

ними и Великобританией (поскольку он больше не стоит между ними и правительством) заключается в зависимости или независимости, в связи или отсутствии связи... Они уже присвоили себе все суверенные функции. Они сформировали большой совещательный совет. Они взяли всю исполнительную власть в свои руки. Они ввели новую валюту, собрали армии, назначили генералов; и то, что они не выбрали *другого государя* (выделено в оригинале. — М.Ф.), следует приписать скорее их республиканским принципам, чем каким-либо остаткам верности их законному монарху»⁵². Стоит отметить, что это писалось до того, как была принята Декларация независимости США или, во всяком случае, до того, как о ней стало известно в Великобритании. В июле 1776 г. большинство политически активных американцев поддержало Декларацию независимости и, соответственно, установление республики в США. Но в июле 1775 г., когда была принята «Декларация причин и необходимости взяться за оружие», разбираемая Макферсоном, среди американских лидеров почти не было республиканцев.

Кроме американских вигов, Макферсон обрушивался на их английских единомышленников. Партию вигов он обвинял в лицемерии, приписывая их инициативам чуть ли не всё законодательство, которым возмущались американцы. В частности, именно с партией вигов и лично с У. Питтом-старшим он связывал принятие Декларативного акта, а заодно и Квебекского акта, расширявшего границы Квебека и одновременно устанавливавшего там права католической церкви и феодальных сеньоров. «И все же сейчас все они — истинные американцы, ярые протестанты, виги древнего образца, решительные защитники общественной свободы, открытые враги *угнетения, папы римского и произвола* (выделено в оригинале. — М.Ф.)!» — иронизировал торийский памфлетист⁵³.

Макферсон использовал двойственную позицию британских вигов. Действительно, виги не сомневались в праве парламента создавать законы для колоний. Декларативный акт был предложен лидером этой партии маркизом Рокингемом⁵⁴. Позицию У. Питта-старшего историки оценивают по-разному. По утверждению М.И. Романовой, великий коммонер поддержал Декларативный акт⁵⁵. Л.В. Сидоренко приводит данные (правда, относящиеся к 1773 г.) о том, что именно в этом законодательном акте Питт

⁵² Ibid. P. 20.

⁵³ Ibid. P. 54.

⁵⁴ Романова М.И. Указ. соч. С. 119–120.

⁵⁵ Там же.

видел причину обострения англо-американских отношений⁵⁶. А вот Квебекский акт виги на самом деле не поддержали. Выступая в Палате лордов, Питт-старший назвал законопроект деспотичным и отвратительным⁵⁷. Здесь Макферсон искажал действительные события.

Одновременно он пытался найти связь между вигами в метрополии и в колониях. По его убеждению, «Конгресс — всего лишь эхо крайней фракции в нашем королевстве»⁵⁸. Эту тему Макферсон развил далее в своем более позднем памфлете.

Второй памфлет, как и первый, обвинял оппозицию в экстремизме и лицемерии. Ко времени его публикации шел уже четвертый год войны. Американцы успели нанести англичанам ряд тяжелых поражений, в том числе особенно тяжелое — в 1777 г. при Саратоге, где сдалась в плен целая британская армия во главе с генерал-лейтенантом Дж. Бергойном. В этих условиях позиция британских вигов была предельно уязвима. Макферсон особенно негодовал при попытках вигов представить Войну за независимость как братоубийственный конфликт. Он писал: «С извращением терминов, неизвестным в другие времена, они утверждали, что к людям, чьи руки ежедневно обгряются кровью их соотечественников, следует относиться не как к врагам, а как к мирным согражданам и друзьям»⁵⁹.

В 1776 г. Макферсон доказывал, что американцы не смогут вести войну, во всяком случае, полномасштабную, так как не смогут произвести у себя необходимое количество оружия и боеприпасов и не смогут закупить их в Европе за обесцененную бумажную валюту⁶⁰. Ту же позицию он отстаивал в 1779 г., хотя после Саратоги это было затруднительно. Похожую тему развивали и другие британские пропагандисты. Например, «Обращение народа Великобритании к обитателям Америки» (1775) Джона Далримпла так интерпретировало военную обстановку, адресуясь к американцам: «У вас нет ни одного укрепленного города, ни одного дисциплинированного полка, ни одного военного корабля... ваш годовой доход так мал, что его едва ли можно назвать доходом... Как вы можете рассчитывать

⁵⁶ Сидоренко Л.В. Английская контрреволюция против Американской революции: идейная и политическая борьба в Великобритании в период войны за независимость североамериканских колоний. СПб., 2020. С. 263–264.

⁵⁷ Нохрин И.М. Канада: английская или французская? Утверждение британской колониальной администрации в Квебеке и первые попытки урегулирования межэтнических противоречий (1763–1791 гг.). Челябинск, 2013. С. 29–31.

⁵⁸ Macpherson J. The rights of Great Britain asserted. P. 78.

⁵⁹ Macpherson J. A short history of the opposition during the last session of Parliament: Dublin, 1779. P. 8–9.

⁶⁰ Macpherson J. The rights of Great Britain asserted. P. 75.

на успех в подобной войне? Да и какой успех? Вас неминуемо ждет гибель»⁶¹.

После первых сражений при Лексингтоне и Конкорде имперская пропаганда начала формировать образ «трусливых» американских ополченцев, которые воюют «неправильно». В одном из офицерских писем, опубликованном в “Edinburgh Advertiser” и описывавшем сражение при Лексингтоне, звучало искреннее негодование: «Мы только хотели, чтобы они выступили вперед, а не прятались подло за живыми изгоролями»⁶². Та же тема проявлялась и в пропаганде Макферсона.

Реально существовавшие в американской Континентальной армии проблемы также были отличной темой для британской пропаганды. Макферсон не прошел мимо нее: «Наши войска были хорошо дисциплинированы и всегда имели самый лучший и воинственный вид. Враг был недисциплинированным сбродом, без порядка, без оружия, без одежды; хотя, затягивая войну, они добивались дисциплины и приобретали военные знания. Британские войска во всех случаях выполняли свой долг энергично, храбро и эффективно. Американские войска ни при каких обстоятельствах не проявляли солдатского духа, твердости и бесстрашия»⁶³. Разумеется, перед Макферсоном вставала проблема нарушения логики: если американская армия настолько небоеспособна, то почему война не закончилась в 1775 г.? Он решал возникшее затруднение за счет введения пропагандистского мотива: американцы побеждают, потому что воюют нечестно. Он продолжал свое сравнение англичан и американцев: «Первые одерживали победы в каждом наступлении и честной битве. Вторые получали преимущество не иначе, как благодаря военной хитрости или внезапности»⁶⁴.

Еще одним его доводом было установление связи между незадачливыми генералами и оппозицией. По мнению Макферсона, которого, впрочем, трудно назвать военным экспертом, главнокомандующий английскими войсками в Америке генерал-лейтенант Хоу мог добиться решающей победы на Лонг-Айленде, «если бы ее должным образом использовали»⁶⁵. Макферсон намекал на то, что в августе 1776 г. Хоу разбил Континентальную армию в сражении на Лонг-Айленде, но не смог воспрепятствовать отступлению американцев к Нью-Йорку. К концу сражения у англичан заканчивались

⁶¹ The Edinburgh Advertiser. May 30 – June 2. 1775.

⁶² The Edinburgh Advertiser. June 16–20, 1775.

⁶³ Macpherson J. A short history of the opposition. P. 33.

⁶⁴ Ibid. P. 33.

⁶⁵ Ibid. P. 34.

боеприпасы, а их основные части были измотаны сражением, так что преследовать отступающего противника было невозможно. Но Макферсон не учитывал этих обстоятельств. Еще одна претензия к Хоу заключалась в том, что, одержав над американцами победу на реке Брендивайн в сентябре 1777 г. и заняв Филадельфию, он оставался пассивным до следующей весны. Макферсон писал: «Зима в Филадельфии, если и не свидетельствовала о недееспособности [Хоу], то в целом была примером достойного порицания бездействия»⁶⁶. По его убеждению, Бергойн сдался в плен, а Хоу бездействовал, потому что оба были вигами. Эти доводы звучали не слишком убедительно, тем более что сменивший Хоу на посту главнокомандующего генерал Ч. Корнуоллис также был вигом, протеже лорда Рокингема. Между тем на Корнуоллиса Макферсон возлагал надежды.

Союз США с Францией, заключенный в 1778 г., также осложнял положение Великобритании. Страна оказалась в международной изоляции. Э. Бёрк, как уже говорилось, занявший проамериканскую позицию, критиковал тори: «Они отвратились ... от всех союзников, которые у нас были, и с этого времени по сию пору у нас нет в Европе друзей»⁶⁷. Но Макферсон пытался преуменьшить значение неблагоприятной международной конъюнктуры. В 1779 г. французская эскадра д'Эстена, направленная на помощь американским союзникам, начала боевые действия в Вест-Индии. Британская пропаганда пыталась успокоить публику в этом отношении. Эдинбургская "Caledonian Mercury" разбирала возможные цели экспедиции д'Эстена (Чарльстон, Нью-Йорк, Чесапикский залив) и в конце делала успокоительный вывод: «Не вижу, чтобы друзьям правительства нужно было особенно бояться такой экспедиции, тем более что флот д'Эстена будет подвергаться опасности бурь, бушующих на южном побережье в сентябре и начале октября»⁶⁸. Того же мнения держался Макферсон. Он писал: «В Вест-Индии мы по-прежнему превосходим наших врагов. Мы полностью вытеснили их из Ост-Индии, и у нас есть радужные перспективы скорейшего прекращения сопротивления в Северной Америке»⁶⁹.

Несмотря ни на что, Макферсон не терял веры в конечную победу Великобритании и ободрял читателей: «Сами римляне не всегда были непобедимы. Они часто теряли провинции и армии, но все же

⁶⁶ Ibid. P. 35.

⁶⁷ Цит. по: Соколов А.Б. «Правь, Британия, морями»? Политические дискуссии в Англии по вопросам внешней и колониальной политики в XVIII веке. СПб., 2015. С. 169.

⁶⁸ The Caledonian Mercury. November 10. 1779.

⁶⁹ Macpherson J. A short history of the opposition. P. 58.

превосходили все нации. Выгоды и потери от войны можно оценить только в тот день, когда будет заключен мир. Давайте будем единомышленными между собой, и этот день не может быть отдаленным, невыгодным или бесчестным; напротив, это будет сопровождаться той славой, которую не могут не снискать дух и усилия великого государства»⁷⁰.

Как уже говорилось, оба памфлета Макферсона были хорошо приняты британской публикой. Его пропаганда работала.

В 1780 г. Макферсон был избран в парламент от «гнилого местечка» Камелфорд в Корнуолле. Возможно, такова была награда правительства за его пропагандистские усилия. Он занимал место в Палате общин до самой смерти. Его прах погребен в Вестминстерском аббатстве.

Джеймс Макферсон в политике воплощал принципы Старого порядка с его представлениями о неизбежности любой иерархии и не слишком строгими требованиями к честности политиков. В чем-то его история отсылает к знаменитой «робинократии» Р. Уолпола, когда коррупция считалась естественной частью британской политики. Возможно, и Макферсон не видел ничего зазорного в том, чтобы получать ежегодный пенсион за свои убеждения. Он отстаивал абсолютную власть парламента, не задаваясь вопросом об источнике этой власти. Парламент в его теоретических построениях легитимен, потому что существует, и располагает неограниченными полномочиями в любой части империи просто по факту. Макферсон противостоял английскому и шотландскому Просвещению, их теориям общественного договора и неотъемлемых прав человека. В какой-то мере он предвосхищал построения ведущих теоретиков консерватизма, таких как Э. Бёрк или Ж. де Местр. С Джефферсоном они говорили на разных языках. Их способы интерпретации политики отличались коренным образом. Отчасти поэтому Макферсон воспринимал любые высказывания американской стороны как лицемерие и искажение реальности. Над ним довлел создаваемый им же самим стереотип. Он стремился к максимальной дегуманизации американцев, представляя их как антитезу европейским ценностям и европейской цивилизации и, конечно, как мятежников. По отношению к такому противнику он считал оправданными любые средства. Во многом его пропагандистская риторика совпадала с тем дискурсом, который создавала британская пресса его времени. Связано ли это с предполагаемым контролем над прессой, который осуществлял Макферсон, трудно судить.

⁷⁰ Ibid. P. 58.

Его пропагандистские усилия, по-видимому, были успешны. Он эффективно решал поставленную задачу: способствовать сплочению британского общества в его противостоянии Американской революции.

References

Black G.F. Macpherson's Ossian and the Ossianic Controversy. New York: The New York Public Library, 1926. 48 p.

Boyd J.P. The Disputed Authorship of the Declaration on the Causes and Necessity for Taking Up Arms, 1775 // *Pennsylvania Magazine of History and Biography*. 1950. Vol. 74. N 1. P. 51–73.

Burke E. *Razмышleniya o revolyutsii vo Frantsii* [Reflections on the Revolution in France.]. London: Overseas Publications Interchange Ltd, 1992. 412 p.

Carpenter F.I. The Vogue of Ossian in America: A Study in Taste // *American Literature*. 1931. Vol. 2. N 4. P. 405–417.

Conforti J.A. *Imagining New England: Explorations of Regional Identity from the Pilgrims to the Mid-Twentieth Century*. Chapel Hill: The University of North Carolina Press, 2001. 400 p.

Curley T.M. *Samuel Johnson, the Ossian Fraud, and the Celtic Revival in Great Britain and Ireland*. Cambridge; New York: Cambridge University Press, 2009. 338 p.

Elepova M.Yu. *Retseptsiya ossianizma v russkoy poezii pervoy treti XIX veka* [Reception of Ossianism in Russian Poetry in the First Third of the 19th Century] // *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta*. Series *Gumanitarnyye i sotsial'nyye nauki*. 2012. N 2. P. 69–73.

Johnson A.L. Thomas Jefferson's Ossianic Romance // *Studies in Eighteenth-Century Culture*. 2016. Vol. 45. N 1. P. 19–35.

Kolosova E.I. "Poemy Ossiana" v *sravnitel'no-istoricheskom kontekste* ["Poems of Ossian" in Comparative-Historical Context] // *Sotsial'nyye i humanitarnyye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura*. Series 7. *Literaturovedeniye. Referativnyy zhurnal*. 2021. N 2. P. 123–135.

Lazareva T.G. *Antikvarnoye dvizheniye v Britanii XVIII veka i Walter Scott* [Antiquarian Movement in Britain in the 18th Century and Walter Scott] // *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya*. 2009. N 4. P. 45–50.

Levin Yu.D. *Ossian v russkoy literature (konets XVIII— pervaya tret' XIX veka)* [Ossian in Russian Literature (Late 18th and First Third of the 19th Century)]. *Leninograd: Nauka*, 1980. 206 p.

McLaughlin J. Jefferson, Poe, and Ossian // *Eighteenth-Century Studies*. 1993. Vol. 26. N 4. P. 627–634.

Nokhrin I.M. *Kanada: angliyskaya ili frantsuzskaya? Utverzhdeniye britanskoy kolonial'noy administratsii v Kvebeke i pervyye popytki uregulirovaniya mezhnatsionnykh protivorechiiy (1763–1791 gg.)* [Canada: English or French? Approval of the British Colonial Administration in Quebec and the First Attempts to Settle Interethnic Contradictions (1763–1791)]. *Chelyabinsk: Entsiklopediya*, 2013. 160 p.

Porter J. "Bring Me the Head of James Macpherson": The Execution of Ossian and the Wellsprings of Folkloristic Discourse // *The Journal of American Folklore*. 2001. Vol. 114. N 454. P. 396–435.

Romanova M.I. *Britanskiye vigi i bor'ba severoamerikanskikh koloniy za nezavisimost' (1760-ye gg.)* [British Whigs and the Struggle of the North American Colonies for Independence (1760s)] // *Voprosy istorii*. 2007. N 4. P. 117–125.

Saunders B. *The Life and Letters of James McPherson*. London; New York: Macmillan, 1892. 348 p.

Seelye J.D. *Memory's Nation: The Place of Plymouth Rock*. Chapel Hill: The University of North Carolina Press, 1998. 699 p.

Shestakova N.F. *Kel'tskoye vozrozhdeniye v Velikobritanii (seredina XVIII — nachalo XX veka): identichnost' i pamyat'* [Celtic Revival in Great Britain (from Mid-18th through the Early 20th Century): Identity and Memory] // *Vestnik Udmurtskogo universiteta*. Series *Istoriya i filologiya*. 2019. Vol. 29. N 4. P. 583–592.

Sidorenko L.V. *Angliyskaya kontrrevolyutsiya protiv Amerikanskoy revolyutsii: ideynaya i politicheskaya bor'ba v Velikobritanii v period voyny za nezavisimost' severoamerikanskikh koloniy* [English Counter-Revolution against the American Revolution: Ideological and Political Struggle in Great Britain during the War for Independence of the North American Colonies.]. Saint Petersburg: RKhGA, 2020. 337 p.

Smart J.S. *James Macpherson: An Episode in Literature*. London: David Nutt, 1905. 224 p.

Sokolov A.B. "Prav', Britaniya, moryami?" *Politicheskiye diskussii v Anglii po voprosam vneshney i kolonial'noy politiki v XVIII veke* ["Britannia, Rule the Waves?" Political Discussions in England on Foreign and Colonial Policy in the 18th Century]. Saint Petersburg: Aleteia, 2015. 296 p.

Thomson D.S. *The Gaelic Sources of Macpherson's "Ossian"*. Edinburgh: Oliver and Boyd, 1952. 106 p.

Поступила в редакцию
21 февраля 2024 г.

DOI: 10.55959/MSU0130-0083-8-2024-65-5-47-69



И.В. Лиджиева

ИНСТИТУТ ПРИСТАВСТВА В СИСТЕМЕ УПРАВЛЕНИЯ ОКРАИНАМИ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

I.V. Lidzhieva

THE PRISTAVSTVO IN THE ADMINISTRATIVE SYSTEM OF THE OUTSKIRTS OF THE RUSSIAN EMPIRE

Аннотация. Результаты внешнеполитической деятельности России на ее южных рубежах позволили центральным властям в первой четверти XIX в. активизировать процесс моделирования управленческой системы в регионе. Предметом предлагаемого исследования является институт приставства в системе управления окраинами Российской империи, учрежденный для введения периферийных, полиэтничных и поликонфессиональных территорий государства в общероссийское социально-экономическое и политико-правовое пространство в указанный период. Являясь переходной формой имперской администрации в инородческой среде, приставство первоначально было призвано обеспечить для центральных властей восполнение информационного вакуума, преодоление языкового барьера и создание общих правил взаимодействия в имперских коммуникациях. В последующем посредством данного института транслировались цели и задачи имперской политики в регионе, которые предусматривали, в том числе, преодоление экономической замкнутости периферийных обществ. В этом многокомпонентном процессе немаловажную роль играла личность имперского чиновника, прежде всего главного пристава. На основе анализа законодательных актов и источников из фондов центрального и региональ-

Лиджиева Ирина Владимировна, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Южного научного центра РАН, Ростов-на-Дону

Lidzhieva Irina Vladimirovna, Doctor in History, Leading Researcher, Southern Scientific Centre, Russian Academy of Sciences, Rostov-on-Don

irina-ig@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-5699-1021

Публикация подготовлена в рамках реализации Государственных заданий Федерального исследовательского центра Южного научного центра РАН, номер государственной регистрации проекта 122020100347-2.

The publication is prepared as part of the project for realization of the State Objectives of the Federal Research Center of the Southern Scientific Center of RAS, under the state registration number 122020100347-2.

ных архивов в статье восстановлена хронологическая последовательность событий, а также смены самих персон, в разное время занимавших должности главных приставов. Первоначально кандидатуры главных приставов утверждались именными императорскими указами и находились в ведомстве Коллегии иностранных дел, а затем — Министерства внутренних дел. Эти должностные лица подчинялись главноуправляющему на Кавказе, а позже — гражданскому губернатору. Представители разных сословных и даже этнических групп в своем большинстве состояли на военной службе на Северном Кавказе. В заключении автор приходит к выводу, что главные приставы играли посредническую роль, продиктованную не только природой должности, но и условиями, в которых они пребывали. Своей службой они должны были обеспечивать эффективный коммуникативный канал, одновременно и соответствующий принципам политики России в отношении инородческих окраин, и не ущемлявший привилегированное положение местной элиты.

Ключевые слова: система государственного управления, приставство, главный пристав, окраины Российской империи, инородцы, интеграция окраин.

Abstract. The results of Russia's foreign policy activities on its southern borders enabled the central authorities to intensify the process of modeling the administrative system in the region during the first quarter of the 19th century. The subject of the proposed research is the institute of *pristavstvo* in the system of administration of the peripheries of the Russian Empire. This institute was established to introduce the peripheral, multi-ethnic and multi-confessional territories of the state into the all-Russian socio-economic and political-legal space. The *pristavstvo* functioned as a transitional form of imperial administration in the foreign environment. Its initial design was to ensure that the central authorities filled the information vacuum, overcoming the language barrier and creating common rules of interaction in imperial communications. Subsequently, the institution was utilized to communicate the objectives of imperial policy in the region, including the endeavor to overcome the economic isolation of peripheral societies. In this multi-component process, the personality of the imperial official, first and foremost the chief *pristav*, played an instrumental role. The article utilizes a comprehensive analysis of legislative acts and sources from both central and regional archives to meticulously reconstruct the chronological sequence of events, as well as the changes in individuals who held the post of chief *pristav*. Initially, the issuance of chief *pristavs* was conducted through of nominal imperial decrees, and they were attached to the department of the Collegium of Foreign Affairs. Subsequently, however, they came under the jurisdiction of the Ministry of Internal Affairs. These officials were subordinate to the chief administrator in the Caucasus, and subsequently to the civil governor. Representatives of different class and even ethnic groups were mostly in military service in the North Caucasus. The author concludes that chief *pristavs* played an intermediary role, dictated not only by the nature of their position, but also by the conditions in which they operated. The objective of their service was to establish a reliable communication conduit that would be consistent with Russia's policy towards the foreign outskirts, whilst not compromising the prerogatives of the local elite.

Keywords: system of state administration, *pristavstvo*, chief *pristav*, outskirts of the Russian Empire, foreigners, integration of the outskirts.

* * *

Результаты внешнеполитической деятельности России на южных ее рубежах позволили центральным властям в первой четверти XIX в. активизировать процесс построения управленческой системы в регионе. Основным концептом региональной политики стало полное инкорпорирование подданных в общеимперское пространство. Однако поставленная цель затруднялась рядом факторов, прежде всего — связанных с иноэтничным и иноконфессиональным составом новых подданных, а также отсутствием комплексных знаний и о народах, и о территории их проживания. Кроме того, как утверждают современные исследователи, «колониальные чиновники не готовы были отступить от неких политических и идеологических стереотипов в угоду системе знаний и фактов, с помощью которых можно было ускорить свои имперские реформы»¹. В этих условиях процесс инкорпорации не только затруднялся, но и растягивался на целое столетие. Именно в этот период по-новому происходит взаимное узнавание друг друга, способы и методы которого имели и колониционный характер, и аккультурационный. При этом основным способом являлось сочетание элементов унитаризма и федерализма, т.е. не допускалось фактическое создание автономий внутри страны, а национальным регионам лишь делегировались полномочия по внутреннему самоуправлению в рамках традиционной системы, формально сохраняющие форму национально-территориальной автономии.

Несмотря на значительный исследовательский интерес к рассматриваемой проблеме, отдельные ее аспекты все еще остаются вне пределов изучения². Целью данной статьи является анализ политики имперских властей на южной окраине Российского государства

¹ *Сартори П., Шаблей П.* Эксперименты империи: адат, шарият и производство знаний в Казахской степи. М., 2019. С. 43.

² *Блиева З.М.* Становление российского бюрократического аппарата на Кавказе в конце XVIII — первой трети XIX вв. Владикавказ, 2001; *Горяев М.С., Команджаев А.Н.* Организация управления калмыцким народом после упразднения Калмыцкого ханства (1771–1825 гг.) // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия «История. Политология». 2012. № 7 (126). С. 114–124; *Кидирниязов Д.С.* Первые административные реформы российских властей на Северном Кавказе в конце XVIII — 20-е г. XIX вв. // Вестник Института истории, археологии и этнографии. 2014. № 2 (38). С. 18–32; *Избасарова Г.Б., Любичанковский С.В.* Приставства на окраинах Российской империи в XVII — первой половине XIX в.: от административного лица к системе управления // Российская история. 2018. № 2. С. 13–21; *Абазов А.Х., Нахушева И.П.* Приставские управления на Северном Кавказе в последней трети XVIII — первой половине XIX века: эволюция деятельности // Научный диалог. 2020. № 8. С. 278–300.

по моделированию управленческой системы на примере института приставства в первой четверти XIX в.

Калмыки Большого Дербета в соответствии с указом Павла I, подписанного 11 августа 1800 г., получили статус самостоятельного субъекта независимого от донцов и напрямую зависящего от императора, с правом избрания себе начальника, по делам имея сношение с коллегией Иностранных дел, а земельные вопросы разрешать с генерал-прокурором³.

Для ведения дел азиатских народов, к коим были причислены калмыки, кабардинцы, трухменцы и ногайцы Астраханской губернии и близлежащих территорий, именным указом Павла I, данным коллегии Иностранных дел 29 августа 1800 г., назначался коллежский советник И.М. Макаров. Снабженный наставлениями он был отправлен к астраханскому военному губернатору, чтобы совместно с ним обсудить вопрос, касающийся его места пребывания. Гражданский губернатор обязывался сообщить Макарову необходимые сведения. В соответствии с этим же указом были определены штат в составе секретаря, переводчика, писца и двух толмачей. Всего, включая жалованье, канцелярские расходы и сумму на пересылку, бюджет составлял 2650 руб., отнесенные на доходы Астраханской губернии⁴.

В практике назначения и отправки приставов к инородческим племенам на юге России в начале XIX столетия особое место заняли инструктивные документы, выдаваемые Коллегией иностранных дел и содержащие точные указания по исправлению должности и отражающие основные концепты имперской политики в регионе. Так, 30 сентября 1800 г. подготовленная для И.М. Макарова инструкция гласила: «... иметь ласковое обхождение и оказывать пристойную учтивость ...»⁵. Кроме того, приставленные к новым подданным имперские чиновники обязаны были достичь консенсуса с местной элитой, так как их «кооптация была важнейшей частью политики властей»⁶. В последующем в каждом именном указе, которым назначались главные приставы при калмыцком и трухмянском народах,

³ Привилегии, данные депутатам калмыцкой орды Большого Дербета // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1-е (ПСЗ-1). Т. XXVI. СПб., 1830. № 19511.

⁴ Об определении коллежского советника Макарова к управлению делами калмык, кабардинцев, трухменцев, и ногайцев и других азиатских народов // ПСЗ-1. Т. XXVI. № 19536. С. 280-282.

⁵ Извлечение из наставления, данного из Государственной коллегии иностранных дел определенному в делах калмык и других азиатских народов, кол. с. Макарову // Акты, собранные Кавказскою археографическою комиссиею (далее — АКАК) / Под ред. А.Д. Берже. Т. 1. Тифлис, 1866. С. 231.

⁶ Ходарковский М. Степные рубежи России: как создавалась колониальная империя 1500–1800. М., 2019. С. 322.

несмотря на его детализированное содержание, предписывалось следующее: «пристойность от вас требует, чтобы вы, каждого владельца известя особенно, приличным образом о прибытии вашем, старались дружески приласкать к себе доверенности»⁷. В сложившихся условиях пристав выступал посредником между имперской администрацией и народом-подданным. Согласно утверждению специалиста в области сравнительных исследований цивилизаций Ш. Эйзенштадта, сотрудничество элит центра и периферии возможно только после создания общеимперской «символики коллективной идентичности»⁸.

19 мая 1802 г. была высочайше утверждена «Инструкция Главному Приставу при кочующих в Астраханской губернии кабардинцах, тухменцах, ногайцах, абазинцах и других народах», согласно которой давалось четкое наставление приставам: «...поведение ваше должны вы располагать таким образом, чтоб оно, приобретая вам личную доверенность тех народов, соответствовало намерению определения вас при них для предохранения их пользы и должного благоустройства»⁹.

14 октября 1800 г. императорскими двумя грамотами восставливался, для осуществления судопроизводства в калмыцком обществе, Совет, именуемый Зарго, учреждался институт наместничества в лице владельца Малого Дербета Чучей тайши Тундутова, определялась территория Калмыкии «от Царицына по рекам Волге, Сарпе, Салу, Манычу, Куме и взморью простирающиеся»¹⁰, а также предоставлялось право на свободу вероисповедания, с назначением Собин бакши главой калмыцкого духовенства¹¹.

В связи с восстановлением суда Зарго и определения для ведения дел калмыков коллежского советника И.М. Макарова, указом от 19 июня 1801 г. существующее в Астрахани Калмыцкое правление упразднялось, а чиновники распределены по вакантным местам или в ожидании назначения получали половину жалованья¹².

⁷ Национальный архив Республики Калмыкия (НАРК). Ф. И-1. Оп. 1. Д. 148. Л. 14.

⁸ *Эйзенштадт Ш.* Структура отношений центра и периферии в имперских и имперско-феодальных режимах // Сравнительное изучение цивилизаций. Хрестоматия. М., 1998. С. 176–179.

⁹ Инструкция Главному Приставу при кочующих в Астраханской губернии кабардинцах, тухменцах, ногайцах, абазинцах и прочих народах // ПСЗ–1. Т. XXVII. СПб., 1830. № 20.271. С. 144–146.

¹⁰ О восстановлении на прежнем основании Сета, именуемого Зарго, для судебного разбирательства калмыков // ПСЗ –1. Т. XXVI. № 19.599. С. 340–341.

¹¹ О свободном отпращивании всех духовных обрядов калмыков // ПСЗ –1. Т. XVI. № 19.600. С. 341.

¹² Об уничтожении Калмыцкого Правления в Астрахани // ПСЗ–1. Т. XXI. СПб., 1830. № 19.921. С. 701.

Начало правления императора Александра I кардинально изменило правовой статус Калмыкии, лишь подтверждались ранее пожалованные права и привилегии, акцентируя внимание на ее подчинении Коллегии иностранных дел¹³. Этим же указом повелевалось назначить главным приставом при всем калмыцком народе служащего советником при Мануфактур-конторе коллежского советника Николая Страхова. Коллегия иностранных дел обязывалась обеспечить вновь назначенного чиновника всеми необходимыми инструкциями и средствами для проезда и обоснования на новом месте, как и ранее было сделано при назначении И.М. Макарова, который был оставлен для продолжения службы при остальных народах. Так данным нормативным актом осуществлялось законодательное оформление должности, фактически введенной в управленческую систему в конце XVIII в.

Именным указом, данным 11 марта 1802 г. Государственному казначейству, определялся штат и содержание чиновников при главном приставе калмыцкого народа¹⁴. Годовое содержание главного чиновника калмыцкого приставства составлял 1200 руб. и «столько же на угощение калмыцких владельцев, духовенства и старшин». Штат состоял из семи приставов, секретаря, переводчика, писца и двух толмачей. Один из приставов определялся к безотлучному пребыванию при наместнике, другие шесть при владельцах, с содержанием 450 и 350 руб. соответственно. Итого, годовое содержание всех чиновников в степи при калмыцком народе составило, включая канцелярские расходы, пересылку, наем помещения для главного пристава и канцелярии, 8500 руб., отпускаемые из доходов Астраханской губернии.

Наставление, данное Коллегией иностранных дел 5 мая 1802 г., состояло из 22 пунктов и включало широкий круг вопросов, направленных на достижение согласия в обществе и расширение сведений для правительственных учреждений о регионе. Так, в вводной части «Наставления» отмечается, что определение главного пристава при калмыцком народе состоялось ходатайством наместника Чучея Тундутова «для защиты и охранения польз калмыцкого народа». Согласно инструктивному документу, Страхову предписывалось объявить в присутствии наместника всех владельцев и членов

¹³ О утверждении прав и преимуществ калмыцкому народу присвоенных; о восстановлении всех сношений по делам сего народа в прежнем их порядке, правам ему данным сообразным и от внешних начальства, кроме сей Коллегии независимом // ПСЗ-1. Т. XXVI. № 20.037. СПб., 1830. С. 808–809.

¹⁴ О производстве жалованья определенному к калмыцкому народу Главному приставу и находящимся при нем чиновникам // ПСЗ-1. Т. XXVII. № 20.180. С. 73–74.

Зарго в соответствии «с приличными по тамошнему обыкновению обрядами» о своем назначении и стремлении заслужить их доверенность, проявляя усердие при исполнении своих обязанностей. Следующим шагом, предписанным Коллегией, являлось изучение состояния калмыцкого народа, а также достижение согласия между наместником и владельцами. Документ содержал четкую регламентацию полномочий наместника, заключенные в контроле над подвластным населением, поставке, в случае необходимости, войск и своевременном и беспристрастном разрешении дел в суде Зарго. Наместник наделялся правом письменного обращения лично к императору по вопросам обо всех нуждах калмыцкого народа. В свою очередь категорически не допускалось обременение народа самопроизвольными налогами, захваты и отгон скота и истязания. Для недопущения «несогласия» в среде калмыцких владельцев в случае крайней необходимости Страхову предписывалось просить содействия астраханского военного губернатора¹⁵. А уже в следующем году именованным указом, данным Коллегии иностранных дел 26 октября 1803 г., с целью «лучшего устройства в калмыцком народе и большей удобности к прекращению частных их распрей» главный пристав калмыцкого народа и суд Зарго, оставаясь в ведомстве Коллегии, подчинялись астраханскому военному губернатору. Последний обязывался представлять каждые полгода краткие ведомости о состоянии калмыцкого народа¹⁶.

Направляемые И.М. Макаровым в Санкт-Петербург донесения о положении автохтонного кочевого населения степной зоны Предкавказья вызывали озабоченность правительства, что отразилось в переписке министра внутренних дел В.П. Кочубея и главнокомандующего на Кавказе П.Д. Цицианова. Обращая пристальное внимание на устройство южных территорий, В.П. Кочубей в одном из писем отмечает, что «с открытием в тамошнем краю наместничества, благосостояние народов сих приметным образом начало упадать, с тех пор стали делать им различные утеснения, отбирая кочевные места и реки во владение помещиков и под оброчные статьи, наконец, самые приморские берега, заливы и ильмени, где растущий камыш единственное было для них место во время зимы убежище и спасение, под предлогом неудобных мест у них отобраны; оставлена только пустая и безводная степь, в которой с великою трудностью посредством рытья копаней достают нездоровую и горькую

¹⁵ Наставление, данное из Государственной коллегии Иностранных дел Главному калмыцкому приставу коллежскому советнику Страхову // ПСЗ-1. Т. XXVII. Приложения. № 202.55а. С. 1–9.

¹⁶ О подчинении Главного пристава при калмыцком народе и суда их Зарго Астраханскому Военному Губернатору // ПСЗ-1. Т. XXVII. № 21.011. С. 955.

воду»¹⁷. Модификация традиционной управленческой системы в среде кочевников обусловила изменение порядка их жизнедеятельности, что негативно отразилось на уровне материального благосостояния, за счет сокращения пастбищ и доступа к водным источникам. Единственным выходом из сложившейся ситуации, по мнению имперской администрации, должен был стать учет местных особенностей, что закреплялось на законодательном уровне.

Главный пристав при калмыцком народе Н.И. Страхов, обвиненный в злоупотреблениях по должности, спустя два года после назначения вынужден был покинуть калмыцкую степь. На этом посту в том же году его сменил П.П. Крупинский, чья деятельность, особенно по оспопрививанию в среде кочевников, отмечалась в отношении графа И.В. Гудовича от 29 августа 1806 г. к министру внутренних дел графу В.П. Кочубею. Своего рода пилотным проектом стал Хошеутовский улус, где прибывший в декабре 1805 г. штаб-лекарь Решетников совместно с Арши-гелюнгом, овладевшим знаниями по оспопрививанию, смогли «распространить спасательное средство». По мнению П.П. Крупинского, это могло послужить примером для других владельцев¹⁸.

Согласно императорскому указу, данному Коллегии иностранных дел 21 мая 1806 г., полковник А.И. Ахвердов был определен главным приставом при калмыцком народе, «с поручением сверх того назиданию его кумыков и мирных чеченцев, по ту сторону Терека обитающих». Ранее он проходил службу в должности коменданта Кизляра и шефа Кизлярского гарнизонного полка. Это подтверждает мнение Л.Г. Свечниковой, что приставы назначались из числа русских офицеров, «ознакомившихся с обычаями и характером горцев»¹⁹. Как и при назначении предыдущих кандидатов на должность главного пристава, внешнеполитическое ведомство 14 июля 1806 г. разработало инструкцию для руководства²⁰.

6 июля 1809 г. под управление главного пристава А. И. Ахвердова поступило 836 кибиток трухменцев, вместе с состоящим при них приставом майором Ростовановым²¹. Позднее к ним присоеди-

¹⁷ Отношение гр. Кочубея к кн. Цицианову 15 сентября 1803 г., № 4408 // АКАК. Т. II / Под ред. А.Д. Берже. Тифлис, 1868. С. 993.

¹⁸ Отношение гр. Гудовича к гр. Кочубею от 29 августа 1806 года, № 15 // АКАК. Т. III / Под ред. А.Д. Берже. Тифлис, 1868. С. 682–683.

¹⁹ *Свечникова Л.Г.* Обычай в правовой системе (на материалах правового развития народов Северного Кавказа в XIX в.) Ставрополь, 2003. С. 74–75.

²⁰ Инструкция Государственной Коллегии иностранных дел главному приставу при калмыках и мирных чеченцах полковнику Ахвердову, от 14 июля 1806 г. // АКАК. Т. III. С. 678–682.

²¹ Рапорт полк Ахвердова ген. Торماسову от 12 июля 1809 года, № 485. Кизляр // АКАК. Т. IV / Под ред. А. Д. Берже. Тифлис, 1870. С. 913–914.

нились прибывшие с Мангышлака 2300 семей Чавдурова рода, чьи старшины в декабре 1811 г. в Астрахани изъявили о своем желании вступить в российское подданство. Получив монаршее соизволение о совместной их кочевке с единоверцами и родственниками, старшины «по сношению с Главным приставом подполковником Халчинским лично осмотрели те места»²².

Являясь уроженцем Северного Кавказа, имея опыт взаимодействия с разными местными народами и владея несколькими языками, А.И. Ахвердов в 1804 г. составил описание Дагестана²³, а в 1809 г. в рапорте Н.Ф. Ртищеву привел подробное описание ногайцев, указав статистические сведения о численности населения, особенностях хозяйственного уклада и выполняемых повинностях²⁴. Уже спустя менее чем три года после назначения Ахвердова главнокомандующий войсками в Грузии и Дагестане И.В. Гудович направил князю Н. И. Салтыкову ходатайство о награждении его чином генерал-майора, отмечая, что «служба Главным приставом при калмыках, кумыках и мирных чеченцах он управляет ими с 1806 г. похвально с примерным устройством; снисканная им от них доверенность и доброе обращение имеет следствием то, что народы сии прежде беспокойные и коих к исполнению казенных повинностей нередко должно было приводить с принуждением а иногда и экзекуциею, ныне исполняют оные беспрекословно и с послушанием...»²⁵.

Подполковник С. Л. Халчинский (1810–1814 гг.) стал последним главным приставом, под чьей юрисдикцией, кроме калмыков, находились мирные чеченцы и кумыки. Используя собранные им сведения об этих народах, он подготовил и представил в апреле 1811 г. в губернское правление в городе Георгиевске «Краткое описание об образе жизни калмык, трухмен, кумык и чеченцев»²⁶. Сменивший С.Л. Халчинского Я.К. Ваценко (1814–1817 гг.) занимал уже должность главного пристава при калмыцком и трухменском народах, он также составил их описание²⁷.

В соответствии с ранее данными Коллегией иностранных дел инструкциями главные приставы находились в подчинении у главно-

²² Письмо гр. Румянцева к ген. Ртищеву от 6 февраля 1812 года // АКАК. Т. V / Под ред. А.Д. Берже. Тифлис, 1873. С. 883–884.

²³ Российский государственный архив древних актов. Ф. 1406. Оп. 1. Д. 319. Л. 1–22.

²⁴ Описание о народах, под управлением главного пристава н.с. Ахвердова состоящих как-то: караногойцах, джембулуковцах и едиданцах // АКАК. Т. V / Под ред. А.Д. Берже. Тифлис, 1873. С. 877–879.

²⁵ Отношение гр. Гудовича к гр. Салтыкову, от 21 февраля 1809 года, № 26 // АКАК. Т. III. С. 688.

²⁶ НАРК. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 97. Л. 82–85 об.

²⁷ Там же. Д. 161. Л. 11–24.

командующего в Грузии и на Кавказской линии. При нахождении генерала от инфантерии Н.Ф. Ртищева в Грузии по делам калмыков, как отмечено в указе, возникли некоторые неудобства, особенно при заготовке соли. Так, в 1816 г., спустя более чем десятилетие по причине того, что калмыки являлись единственными солеломцами в губернии, главный пристав по вопросам, связанным с соляной частью, вводился в подчинение астраханского гражданского губернатора, в остальном подчиняясь прежнему начальству²⁸. Данное распоряжение, по мнению генерала А.П. Ермолова, «не могло не дать повода к беспорядкам. Главный пристав, почитая себя более подчиненным Азиатскому Департаменту, уклоняется от повиновения Астраханскому гражданскому губернатору, а сей требует неотложного исполнения его предписаний. Народ калмыцкий в употребляемых им по сему мерах видит ослабление власти главного пристава и теряет к нему уважение ...». Решением проблемы могло стать выведение управления калмыцким народом из-под юрисдикции Коллегии иностранных дел, передача ведомству Министерства внутренних дел с подчинением непосредственно астраханскому гражданскому губернатору²⁹. Открытый конфликт, как следствие законодательно оформленного дуализма, возник между астраханским гражданским губернатором И.И. Поповым и главным приставом А.В. Кахановым.

О назначении Каханова главным приставом в августе 1820 г. ходатайствовал перед К.В. Нессельроде главноуправляющий на Кавказе генерал от инфантерии А.П. Ермолов, отмечая, что «он отличил себя особенною расторопностью и наклоном к порядку, и вообще имея полезные способности, и деятельность, может в народе закоснелом в беспорядке ввести устройство»³⁰. Процедура назначения начиналась с выдвижения ходатайства о назначении конкретной кандидатуры, которая в дальнейшем, после соблюдения формальных норм, обозначалась в императорском указе. Так, 9 июня 1821 г. император Александр I подписал указ о назначении служащего в Тифлисе полицмейстером надворного советника А.В. Каханова главным приставом при калмыцком и трухмянском народах. Астраханский гражданский губернатор И.И. Попов 28 октября того же года сообщил главному приставу Каханову об уведомлении губернского правления о приведении его к присяге на верность службе и сообщении

²⁸ О подчинении Главного при калмыках пристава Астраханскому гражданскому губернатору // ПСЗ-1. Т. XXXIII. № 26196. 14 марта 1816 г. СПб., 1830. С. 555–556.

²⁹ Всеподданнейший рапорт ген. Ермолова от 11 декабря 1822 г., № 300 // АКАК. Т. VI / Под ред. А.Д. Берже. Тифлис, 1869. С. 526–527.

³⁰ Отношение ген. Ермолова к гр. Нессельроде от 3 августа 1820 года // АКАК. Т. VI. Ч. II / Под ред. А.Д. Берже. Тифлис, 1875. С. 521.

всем присутственным местам по Астраханской губернии, а также владельцам улусов, правителям и старшинам о новом назначении³¹.

Но уже в течение апреля–мая 1823 г. А.П. Ермолов направил четыре рапорта К.В. Нессельроде, в которых обосновывал отстранение от должности А.В. Каханова. Зревшее в калмыцком обществе противостояние между владельцами улусов обострилось в ходе так называемого Зинзилинского собрания, созванного по инициативе властей для кодификации норм обычного права. Главный пристав А.В. Каханов, выступая модератором этого мероприятия, не смог обеспечить консенсуса всех сторон, кроме того войдя в конфликт с гражданским губернатором, тем самым предрешил свою отставку. На основании высочайшего повеления от 12 мая 1828 г. он лишился права занимать какие-либо должности³². И только вследствие просьбы, поданной им в июне 1839 г. на имя главного начальника III Отделения собственной Е.И.В. канцелярии графа А.Х. Бенкендорфа, статус его изменился. Указ императора Николай I от 31 июля 1840 г. восстанавливал его права на службу от короны и по выборам, а также засчитывал в срок действительной службы все время отстранения от нее.

В первой четверти XIX в. имперские власти в поисках эффективной модели управления народами на окраинах продолжали политику их перераспределения в системе приставств. Так, 8 сентября 1822 г. генерал А.П. Ермолов уведомил астраханского гражданского губернатора И. И. Попова «о новом предположении по управлению Кавказской области, народ трухменский по единоверию с ногайцами будет состоять под одним управлением главного пристава кочующих здесь магометан»³³. Соответственно губернаторская канцелярия 9 сентября направила главному приставу при калмыцком и трухменском народах А.В. Каханову предписание о передаче дел по трухменскому народу³⁴ в ведомство бывшего Караногайского и ныне главного пристава магометанских народов, надворного советника П.С. Балужева³⁵. Активная его деятельность как чиновника Азиатского департамента Коллегии иностранных дел, а в дальнейшем тесное взаимодействие с ногайцами позволили ему собрать подробные сведения о быте, традициях и обычаях этого народа. Практическое

³¹ НАРК. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 178. Л. 4–4 об.

³² Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1286. Оп. 7. Д. 517. Л. 8.

³³ НАРК. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 194. Л. 2.

³⁴ Там же. Л. 1.

³⁵ О принятии дел до калмыков касающихся от секретаря Смирнова, о сдаче трухмянских дел Караногайскому приставу Балужеву // НАРК. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 216. Л. 56.

применение эти материалы нашли при разработке законодательного акта, регулирующего систему управления в Кавказской области, составной частью которого являлся «Устав для управления ногайцев и других магометан, кочующих в Кавказской области»³⁶.

Таким образом, уже первоначальные мероприятия царского правительства привели к падению жизненного уровня автохтонного населения, что осознавалось и рассматривалось как проблема, которую попытались решить на законодательном уровне путем установления системы управления, учитывавшей местные особенности, но, к сожалению, кадровый вопрос оставался одним из актуальных практически до начала XX в. В июне 1811 г. канцелярия главного начальника войск, расположенных на Кавказской линии и в губерниях Астраханской и Кавказской, Н.Ф. Ртищева по его поручению направила письмо коллежскому советнику М. Д. Скибневскому с просьбой о рекомендации чиновников «более других имеющих способности и желающих быть занятыми по делам с соседственными народами, снискав знание их в языке ...»³⁷. Михаил Данилович Скибневский более десяти лет прослужил в Закавказье, состоял на службе в Коллегии иностранных дел, а в 1810 г. стал автором первой известной в России грамматики арабского языка.

Имперские законодатели в первой четверти XIX в. в рамках реформы управления, в том числе национальными окраинами, разработали «Правила для управления калмыцкого народа»³⁸, 10 марта 1825 г. высочайше утвержденные императором. Данный нормативный правовой акт стал первым в ряду имперского законодательства, посвященного непосредственно организации системы государственного аппарата на территории Калмыцкой степи Астраханской губернии. В соответствии с «Правилами» была сформирована четырехступенчатая система управления калмыками: главное, областное, окружное, улусное. Во главе иерархической пирамиды власти находилось Главное управление, функции которого принадлежали министру внутренних дел, чье ведомство «надзирает вообще за благосостоянием калмыцкого народа, охраняя права его и пользы...». Инициация передачи дел о калмыках из Азиатского департамента Министерства иностранных дел под юрисдикцию Министерства внутренних дел исходила от командира отдельного Кавказского

³⁶ Устав для управления ногайцев и других магометан, кочующих в Кавказской области // ПСЗ–2. Т. II. № 878. 6 февраля 1827 г. С. 145–155.

³⁷ Государственный архив Астраханской области (ГААО). Ф. 1. Оп. 13. Д. 47. Л. 1.

³⁸ Правила для управления калмыцкого народа // ПСЗ–1. Т. XL. Ч. 1. СПб., 1830. № 30.290. С. 155–161.

корпуса, генерала от инфантерии А.П. Ермолова, который в своем рапорте министру внутренних дел докладывал о таковой необходимости по причине «неудобств настоящего управления калмыков, кочующих в Астраханской губернии и Кавказской области ...»³⁹. По представлению последнего, т. е. главноуправляющего в Кавказском крае, Главное управление назначало и увольняло главного пристава, а также, что немаловажно, финансировало содержание управленческого аппарата. В связи с многочисленностью калмыцкого народа (25 тыс. кибиток) и обширностью территории их кочевания в помощь главному приставу учреждались должности двух его помощников.

Определение, увольнение и перемещение чиновников калмыцкого управления относилось к компетенции губернатора, но с утверждением главноуправляющим. К власти последнего относилось наблюдение за чиновниками, чтобы «должность свою отправляли в порядке и с успехом». Так, например, 19 июня 1826 г. в соответствии с предписанием главноуправляющего на одну из вакантных должностей помощника главного пристава был определен бывший обер-аудитор 1 Кирасирской пехотной дивизии Буров⁴⁰.

Право внесения предложений по введению изменений в системе управления калмыками принадлежало Комиссии калмыцких дел и губернатору, которые могли внести проекты для «предварительного соображения» главноуправляющему.

Областное управление относилось к специально учрежденной в Астрахани Комиссии калмыцких дел, основной целью которой являлось «введение калмыков постепенным образом в состав общего гражданского управления». Комиссия являлась коллегиальным учреждением, и в ее состав под председательством гражданского губернатора входили вице-губернатор, главный пристав при калмыках, губернский прокурор, один депутат со стороны владельцев, другой — духовенства.

Для производства дел при Комиссии учреждались должности секретаря, переводчиков, писцов и толмачей. Общий штат по управлению калмыцким народом приведен в таблице 1 с указанием размера годового жалованья. Авторы фундаментального исследования по истории Калмыкии «Очерки истории Калмыцкой АССР» отмечают, что «Правила 1825 г. усилили роль правительства в управлении калмыками, которое на две трети было составлено из царских чиновников ...»⁴¹.

³⁹ НАРК. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 236. Л. 159.

⁴⁰ ГААО. Ф. 13. Оп. 1. Д. 41258. Л. 1.

⁴¹ Очерки истории Калмыцкой АССР. Дооктябрьский период. М., 1967. С. 243.

Штат чиновников по управлению калмыцким народом⁴²

	Рубли
Главному приставу жалованья	1200
Столовых	1200
На наем квартиры	500
На канцелярский расход	200
На пересылку дел	300
Двум помощникам Главного пристава по 800 руб.	1600
Канцелярия Главного пристава	
Секретарю	450
Переводчику	400
Трем писцам по 200 руб.	600
Двум толмачам по 100 руб.	200
Частным приставам в Калмыцких улусах: шести по 350 руб. и одному 450 руб.	2550
Переводчику калмыцкого языка в Канцелярии Министерства внутренних дел	1500
В Астраханском Калмыцком училище	
Учителю Российской Грамматики	500
Учителю Калмыцкого языка	500
Шести ученикам, каждому по 300 руб.	1800
Итого:	13 500

Необходимо добавить, что уже спустя три года главный пристав калмыцкого народа подполковник И.А. Захаревич направил первый рапорт от 25 октября 1828 г. в Министерство внутренних дел о затруднениях, связанных с крайним недостатком чиновников по калмыцкому управлению. Второй его рапорт датируется 12 июля 1829 г., а в декабре этого же года Астраханская Комиссия калмыцких дел обращается с донесением, указывая, что основная причина дефицита кадров заключается в небольшом размере жалованья, определенном «Правилами» 1825 г.

25 января 1830 г. Министерство внутренних дел, сообщив о поставленной региональными властями проблеме главнокомандующему на Кавказе, предложило продумать временные меры для

⁴² Штат чиновникам по управлению калмыцким народом // ПСЗ-1. Т. 44. Ч. 2. СПб., 1830. С. 216.

решения указанной проблемы, так как оно не может принять каких-либо решений до утверждения проекта о реорганизации управления калмыцким народом. В декабре 1830 г. генерал-фельдмаршал, граф И.Ф. Паскевич предложил управляющему Министерством внутренних дел определить в канцелярию главного пристава способных чиновников, с производством им жалованья из свободных окладов помощника главного пристава, учителя российской грамматики и одного ученика, в размере 1600 руб.

Мнение И.Ф. Паскевича было принято во внимание, так как выход из положения путем использования всех остатков от неполного комплекта штатных чиновников не обременял государственную казну, и 14 февраля 1831 г. получило высочайшее утверждение⁴³. Между тем для главного пристава, на наш взгляд, оно не стало эффективным решением, проблема дефицита квалифицированных чиновников, способных и желающих проживать в условиях отсутствия комфорта на региональной окраине, на протяжении всего столетия сохранялась.

Несмотря на нехватку кадров, в соответствии с «Правилами» Комиссия наделялась рядом полномочий широкого спектра от контрольно-надзорных и исполнительно-распорядительных до судебно-апелляционных. При этом по своей природе Комиссия калмыцких дел еще и обладала элементами сословно-представительного органа.

Проведение заседаний Комиссии предусматривалось, за исключением чрезвычайных случаев, обязательно один раз в неделю с указанием председателем места и времени.

Главный пристав, являясь высшим должностным лицом, вносил в пределах своей компетенции на рассмотрение Комиссии записки со своим мнением по делам, требующим разрешения. Эти записки регистрировались в особом входящем журнале и вносились в повестку заседания Комиссии, протокол которой с отметкой о решении считался актом действия. При голосовании голос губернатора считался решающим по исполнительным делам, кроме тяжёбных и уголовных. Копия протокола направлялась в Министерство внутренних дел. В случае отсутствия главного пристава его обязанности исполняли помощники.

Ежемесячно главный пристав представлял отчет по всем принятым решениям в Министерство внутренних дел. Независимо от этой отчетности ему вменялось в обязанность информировать главного управляющего обо всех чрезвычайных случаях, требующих особого разрешения или внимания.

⁴³ Положение Комитета Министров об усилении канцелярии Главного пристава калмыцкого управления // ПСЗ–2. Т. VI. Ч. 1. СПб., 1832. № 4353. С. 159–160.

Главному приставу калмыцкого народа вменялось в обязанность один раз в год «непременно обозревать все калмыцкие кочевья». Результаты командировки доводились им до сведения Комиссии. Законодателем в «Правилах» была предусмотрена система сдержек и противовесов. Так, например, губернатор по согласованию с главноуправляющим мог дополнительно отправить чиновника особых поручений «для удостоверения, не происходит ли каких-либо важных беспорядков или притеснений народу, кои могут быть или не досмотрены главным приставом, или же представлены в противном виде». Кроме того, сам гражданский губернатор имел право осуществить своего рода ревизионную поездку по калмыцким кочевьям.

Особое предназначение Комиссии заключалось в изучении древнего калмыцкого законодательства и приведении его, предварительно согласовав с владельцами улусов и лучшими представителями духовенства, в соответствие к «общим правам, дополняя недостаток или неудобство из законов российских».

Правительство нуждалось в точных сведениях о народонаселении региона, в связи с чем Комиссии вменялось в обязанность составление списков всех привилегированных лиц, нойонов, зайсангов и высшего духовенства, по родам. В отношении податного населения, не проводя переписи или ревизии, необходимо было уточнить сведения о количестве кибиток в каждом улусе и в управлении каждого зайсанга. Кроме того, постепенно коллегиальный орган управления должен был обладать всей информацией о сословной структуре и внутри коммуникационных связях в среде калмыков, особенно их экономической составляющей и роли духовенства.

Высшим органом окружного управления выступал суд Зарго, местопребывание которого определялось Комиссией в зависимости от времени года, максимально приближенно к кочевьям калмыков.

Суд Зарго состоял из восьми членов: двух от духовенства и шести от каждого улуса из числа владельцев и зайсангов, избираемых сроком на три года, кандидатуры которых утверждались Комиссией. В соответствии с «Правилами» сформированный орган управления попадал под надзор одного из помощников главного пристава, приставленного «для наблюдения за успешным и порядочным отправлением дел». Кроме того, с целью ведения делопроизводственной документации из штата главного пристава назначался один переводчик с учеником калмыцкого языка.

К компетенции суда Зарго, являвшегося высшей апелляционной инстанцией в Калмыцкой степи, относилось рассмотрение гражданских дел трех категорий: 1) гражданские дела, стоимость иска

которых составляла не менее 200 и не свыше 400 руб.; 2) преступления, связанные с кражей имущества и мошенничеством на сумму не свыше 400 руб. и совершенные одним и тем же лицом не более трех раз, а также по отлучкам или самовольным переходам калмыков от одного владельца к другому; 3) жалобы по личным имущественным и неимущественным отношениям зайсангов.

Судопроизводство осуществлялось на основе норм обычного калмыцкого права. При недостатке имевшихся в древних законоположениях правовых норм допускалось использование положений Устава 1822 г.

Уголовные дела остались вне пределов компетенции суда Зарго. При этом разработчиками «Правил» к уголовным преступлениям были отнесены: измена; неповиновение власти; возмущение; побег за границу со злым намерением и связи со злодеями; смертоубийство; грабеж, насилие и подвод злодеев; делание ложной монеты; воровство свыше трех раз (§ 37).

Входя в состав суда Зарго, представители буддийского духовенства лишались законодателем права участия в слушаниях по гражданским делам за исключением дел, касающихся до веры, правоотношения в сфере семейного права. Кроме того, они могли привлекаться в случаях, связанных с недостатком доказательств и улик, при необходимости убеждения по совести и если имелась общая связь с духовными делами.

В § 40 обосновывается необходимость нижней инстанции в иерархии власти в лице улусного управления, призванного обеспечить «облегчение в действиях суда Зарго и доставления ближайшей удобности калмыцкому народу получать в маловажных делах своих скорее решение».

В каждом улусе, в казенных при правителе, во владельческих при кочевье старшего из владельцев, определялся частный пристав. Отдельно учреждалась должность частного пристава при Калмыцком базаре в Астрахани. При частном приставе предусматривалась должность толмача, а для посылок — казаки. Законодатель не наделил частного пристава существенными полномочиями, кроме охраны правопорядка, для чего он мог заключать подозреваемых под стражу, проводить расследование, но в присутствии владельца или зайсанга, отсылать дело с виновным в ближайшие присутственные места. Между тем его основная функция заключалась в сборе информации о нойонах, зайсангах и духовенстве, количестве кибиток и семейств калмыков-простолюдинов, состоящих под управлением зайсангов, и местах их кочевков. Особое внимание с его стороны должно быть проявлено к системе налогообложения и исполнения государствен-

ных повинностей. О полученных им сведениях, по происходившим событиям докладывать главному приставу и Комиссии.

19 февраля 1827 г. управляющий Министерством внутренних дел на заседании Комитета министров представил записку об определении частного пристава при калмыках разных улусов, проживавших в разливах, образуемых устьем Волги. Предложения главного пристава при калмыцком народе 1 марта того же года получили императорское утверждение с внесением дополнений в штат должности частного пристава при мочагах Каспийского моря с жалованьем 700 руб., толмача, также исправляющего обязанности писаря в 400 руб. и единовременного выделения 250 руб. с целью постройки лодки для разъездов чиновника. Для его квартирования и казаков на улусы возлагалась ежегодная обязанность по предоставлению четырех кибиток⁴⁴.

Функциональная нагрузка введенных «Правилами» должностных лиц и учреждений по управлению калмыцким народом в первой четверти XIX в. характеризует имперскую политику в регионе в рассматриваемый период как осторожную, направленную на познание народа, территории его проживания, традиций и обычаев. Такие тактика и стратегия описаны американским антропологом, исследователем британского колониализма Б. Коном на примере англичан, которые, вторгшись в Индию, столкнулись с несоответствием условий этого пространства со своими, знакомыми условиями. Ими был разработан метод изучения новой территории. Процедура включала сбор соответствующих знаний, их упорядочение и классификацию, завершаясь преобразованием в пригодные для использования формы, такие как статистические отчеты, исторические справочники, юридические кодексы и энциклопедии. Полученные знания обусловили эффективность управления⁴⁵. Несмотря на более чем двухвековое пребывание калмыков в подданстве русских государей сведения о них были весьма отрывочными и требовали совершения постепенных шагов для достижения их полной интеграции в общее имперское пространство.

Если имперские чиновники осуществляли надзор, то внутреннее управление калмыками возлагалось на владельцев и правителей, наблюдавших за порядком, пресекавших все разногласия как между простолюдинами, так и зайсангами. В октябре 1828 г. главноуправ-

⁴⁴ Об определении частного пристава при калмыках, от улусов их отделившихся // ПСЗ–2. Т. II. № 936. СПб., 1830. С. 217–219.

⁴⁵ *Cohn B. Colonialism and its forms of knowledge: The British in India. Princeton, 1996. P. 4–5.*

ляющий гражданской частью и пограничными делами в Грузии, Астраханской и Кавказской областях А.П. Ермолов в связи с возникшим конфликтом между правителями дербетовских улусов, признавая бессилие имперской администрации в рамках действующего законодательства, писал: «Главное местное управление калмыками всех улусов сосредоточено в Астрахани, не может действовать на обуздание сих беспорядков в кочевьях калмыков, отдаленных на 500 и более верст от Астрахани, пристава же частные и главные быв ограничены в средствах употреблять при подобных случаях силу, остаются токмо зрителями сих неурядиств»⁴⁶.

Разбор частных дел между калмыками, а также между калмыками и не калмыками рассматривались улусными судьями, избираемыми сроком на один год из числа зайсангов и почетных людей. Данная судебная инстанция имела всесловный характер и окончательно рассматривала дела, если размер иска не превышал 200 руб.; если стороны достигали консенсуса и если в течение года после вынесения решения не будет подана жалоба в суд Зарго. В противных случаях жалоба могла быть подана в течение года по калмыцким обрядам и не на гербовой бумаге.

Преступления, оговоренные в § 37 «Правил», не относились к компетенции улусных судов, рассматривавших на основе норм обычного права только незначительные правонарушения, в том числе кражу скота, при ущербе не свыше 200 руб. включительно, и совершенные не более трех раз, с ведома владельца, или правителя и частного пристава.

10 июля 1826 г. в Астрахани в присутствии вице-губернатора, губернского прокурора и главного пристава калмыцкого народа была проведена процедура выборов членов Комиссии по одному от калмыцких владельцев улусов и духовенства. В ходе голосования из пяти владельцев по большинству шаров был избран депутатом в Комиссию на три года дербетовский владелец, капитан Джамбо тайши Тундутов, кандидатом к нему — брат владельца Хошеутовского улуса, полковника Серебджаба Тюменя, Церен Дондок. Из числа духовенства депутатом стал лама Икицохуровского улуса Генин Цембель.

26 июля 1826 г. в зале Казенной палаты Астрахани состоялось торжественное открытие Комиссии калмыцких дел, о чем в своем рапорте сообщал гражданский губернатор А.С. Осипов генералу А.П. Ермолову. В церемонии приняли участие «Вице-губернатор, со-

⁴⁶ НАРК. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 239. Л. 2.

ветник Казенной Палаты, коллежский ассессор Караулов, губернский прокурор, коллежский советник Сучков, главный пристав калмыцкого народа, надворный советник Карсаков, депутаты от калмыцкого народа: Владелец Дербетовского улуса, капитан, имеющий золотую саблю с надписью “За храбрость” Джабмо Тайши Тундутов и Лама Генин Цембель. С сим вместе прибыли несколько членов из владельческих семейств, почетные зайсанги и гелюнги. Сверх сего воинские и гражданские чиновники, почетные города граждане и некоторые почетные же лица из пребывающих в Астрахани инородцев армян, татар, персиян и индейцев и проч.»⁴⁷. Церемония открытия началась с молебнов, совершенных сначала протоиереем астраханского кафедрального собора, а затем калмыцким ламой. По завершении молебнов председатель Комиссии калмыцких дел и ее члены заняли свои места вокруг стола, накрытого желтым сукном («во вкусе калмыцком»), а остальные присутствующие — на расставленных в зале в несколько рядов креслах. В это время в исполнении музыкантов играла музыка. Как только все участники торжества расположились в зале, был зачитан императорский указ об утверждении Правил для управления калмыцким народом и об учреждении Комиссии. Главный при калмыцком народе пристав П. Карсаков, выступив с речью, отметил «великую пользу, дарованную в Бозе почивающим Государем императором Александром Первым калмыцкому народу настоящею переменою управления»⁴⁸. Это выступление было повторено переводчиком при гражданском губернаторе на калмыцком языке. Обсуждения выступлений завершились принятием решения начать работу Комиссии в 6.00 час. 27 июля. По окончании торжественной части ее участники были приглашены на завтрак к губернатору.

Таким образом, институт приставства учреждался властями для введения окраинных территорий империи в общероссийское социально-экономическое и политико-правовое пространство как временный инструмент. На протяжении первой четверти XIX в. он неоднократно подвергался изменениям, в ходе которых вводились и выводились из-под его юрисдикции разные народы. Являясь переходной формой имперской администрации в инородческой среде, приставство первоначально было призвано обеспечить для центральных властей восполнение информационного вакуума, преодоление языкового барьера и создание общих правил взаимодействия в имперских коммуникациях. В последующем посредством данно-

⁴⁷ НАРК. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 236. Л. 83 об.

⁴⁸ Там же. Л. 85.

го института транслировались цели и задачи имперской политики в регионе, одновременно преодолевая экономическую замкнутость периферийных обществ. В этом многокомпонентном процессе немаловажное значение имела личность имперского чиновника, прежде всего главного пристава, который выполнял посредническую роль, продиктованную не только природой должности, но и теми условиями, в которых он пребывал. Своей службой чиновники должны были обеспечить эффективный коммуникативный канал, одновременно соответствующий принципам политики России в отношении инородческих окраин и не ущемлявший привилегированное положение местной элиты. Но, к сожалению, не всегда они могли соответствовать тем социальным нормам, которые к ним предъявлялись. По утверждению С.С. Белоусова, главные приставы долго на своих постах не задерживались. С 1801 г. и до 10 марта 1825 г. сменилось 9 человек, средний срок службы которых не превышал 2,5 года⁴⁹.

Проблема отсутствия квалифицированных кадров стала основной темой доклада астраханского губернатора, генерал-майора И.С. Тимирязева, который при вступлении в должность посетил Калмыцкую степь. 21 июня 1834 г. он направил рапорт министру внутренних дел, сообщая, что нашел «калмыцкое управление в самом расстроенном положении касательно производства дел», и ходатайствовал об увеличении штата чиновников и назначении им «приличного содержания»⁵⁰. Предложения вновь назначенного чиновника нашли отклик в министерстве, так как они «без сомнения могли бы содействовать к устройству калмыцкого управления». Однако именно в этот момент, как пишет министр Д.Н. Блудов в своем предписании на имя И.С. Тимирязева, им был направлен на рассмотрение в Государственный совет проект калмыцкого положения, и «поэтому необходимо подождать, а до того времени приискать способных и благонадежных чиновников, и если кто из чинов изъявит желание служить по калмыцкому управлению, то в то же время определить туда в приличную должность»⁵¹.

Несмотря на отдельные проблемы, возникавшие в ходе взаимодействия чиновников с местным населением, приставства стали формой, позволившей создать условия, по мнению А.И. Миллера, «для перехода от политики непрямого правления, основанной на

⁴⁹ История Калмыкии с древнейших времен до наших дней. В 3 т. Т. 1. Элиста, 2009. С. 486.

⁵⁰ НАРК. Ф. И-1. Оп. 2. Д. 98. Л. 1.

⁵¹ Там же. Л. 3.

признании широкой автономии традиционных элит окраин, к политике более централизованной, опирающейся на современную бюрократию»⁵². Реализовав поставленные задачи посредством приставства в среде кочевых инородцев, правительство переходит к следующему этапу — попечительству.

References

Abazov A.Kh., Nakhushcheva I.R. *Pristavskiye upravleniya na Severnom Kavkaze v posledney treti XVIII — pervoy polovine XIX veka: evolyutsiya deyatelnosti* [Pristav Administrations in the North Caucasus in the Last Third of the 18th and First Half of the 20th Century: Activity Evolution] // *Nauchnyy dialog*. 2020. N 8. P. 278–300.

Bliyeva Z.M. *Stanovleniye rossiyskogo byurokraticheskogo apparata na Kavkaze v kontse XVIII — pervoy treti XIX vv.* [Formation of the Russian Bureaucratic Apparatus in the Caucasus in the Late 18th and the First Third of the 19th Centuries]. Vladikavkaz: Izdatel'stvo Severo-Osetinskogo gosudarstvennogo universiteta imeni K.L. Khetagurova, 2001. 284 p.

Cohn B. *Colonialism and Its Forms of Knowledge: The British in India*. Princeton: Princeton University Press, 1996. 191 p.

Eisenstadt Sh. *Struktura otnosheniy tsentra i periferii v imperskikh i impersko-feodal'nykh rezhimakh* [The Structure of Relations between the Center and Periphery in Imperial and Imperial-Feudal Regimes] // *Sravnitel'noye izucheniye tsivilizatsiy. Khrestomatiya* [Comparative Study of Civilizations. An Anthology]. Moscow: Aspekt Press, 1999. P. 176–179.

Goryayev M.S., Komandzhayev A.N. *Organizatsiya upravleniya kalmytskim narodom posle uprazhneniya Kalmytskogo khanstva (1771–1825 gg.)* [Organization of Administration of the Kalmyk People after the Abolition of the Kalmyk Khanate (1771–1825)] // *Nauchnyye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Series Istoriya. Politologiya*. 2012. N 7 (126). P. 114–124.

Istoriya Kalmykii s drevneyshikh vremen do nashikh dney [History of Kalmykia from Ancient Times to the Present Day]. In 3 vols. Vol. 1. Elista: Gerel, 2009. 848 p.

Izbasarova G.B., Lyubichankovskiy S.V. *Pristavstva na okrainakh Rossiyskoy imperii v XVII — pervoy polovine XIX v.: ot administrativnogo litsa k sisteme upravleniya* [Pristavstvos on the Outskirts of the Russian Empire from the 17th through the First Half of the 19th Century: From the Administrative Person to the Administrative System] // *Rossiyskaya istoriya*. 2018. N 2. P. 13–21.

Khodarkovskiy M. *Stepnyye rubezhi Rossii: kak sozdavalas' kolonial'naya imperiya, 1500–1800* [Russia's Steppe Frontier: The Making of a Colonial Empire, 1500–1800]. Moscow: Novoye literaturnoye obozreniye, 2019. 352 p.

Kidirniyazov D.S. *Pervyye administrativnyye reformy rossiyskikh vlastey na Severnom Kavkaze v kontse XVIII — 20-ye gg. XIX vv.* [The First Administrative Reforms of the Russian Authorities in the North Caucasus from the Late 18th to the 1820s] // *Vestnik Instituta istorii, arkheologii i etnografii*. 2014. N 2 (38). P. 18–32.

⁵² *Миллер А.И.* Империя Романовых и национализм. Эссе по методологии исторического исследования. М., 2010. С. 213.

Miller A.I. *Imperiya Romanovykh i natsionalizm. Esse po metodologii istoricheskogo issledovaniya* [The Romanov Empire and Nationalism. Essays on the Methodology of Historical Research]. Moscow: Novoye literaturnoye obozreniye, 2010. 320 p.

Ocherki istorii Kalmytskoy ASSR. Dooktyabr'skiy period [Essays on the History of the Kalmyk ASSR. Pre-October Period]. Moscow: Nauka, 1967. 479 p.

Sartori P., Shablei P. *Eksperimenty imperii: adat, shariat i proizvodstvo znaniy v Kazakhskoy stepi* [Empire Experiments: Adat, Sharia and Knowledge Production in the Kazakh Steppe]. Moscow: Novoye literaturnoye obozreniye, 2019. 280 p.

Svechnikova L.G. *Obychay v pravovoy sisteme (na materialakh pravovogo razvitiya narodov Severnogo Kavkaza v XIX v.)* [Custom in the Legal System (according to the Materials of Legal Development of the Peoples of the North Caucasus in the 19th Century)] Stavropol': AGRUS, 2003. 231 p.

Поступила в редакцию
21 мая 2023 г.

DOI: 10.55959/MSU0130-0083-8-2024-65-5-70-96



И.К. Богомолов

КИНЕМАТОГРАФИЧЕСКАЯ ЦЕНзуРА В РОССИИ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

I.K. Bogomolov

FILM CENSORSHIP IN RUSSIA DURING THE FIRST WORLD WAR

Аннотация. В центре внимания статьи — цензура кинематографа в России в период Первой мировой войны и революции 1917 г. Хотя история кино в России уже достаточно освещена в научной литературе, еще не до конца выясненными остаются структура и полномочия кинематографической цензуры в 1914–1918 гг. Между тем по сравнению с предвоенным периодом эти изменения были существенными. С разделением страны на территории «полной» и «частичной» военной цензуры командование прифронтовых губерний получило в том числе и полномочия по контролю над кинопрокатом, которые ранее находились в руках гражданской администрации. В тыловых губерниях порядок остался в целом прежним. На общем фоне выделялся Петроград, где цензура за годы войны разрослась в крупную и сложную структуру. Одним из ее многочисленных подразделений осенью 1914 г. стал кинематографический отдел. Сотрудники отдела выдавали и отзывали разрешения на прокат, предварительно просматривали готовящиеся к премьере картины (в том числе невоенного содержания). При этом в осуществлении цензуры кино продолжали принимать участие Министерство императорского двора, полиция, инспекция типографий и др. Особую роль играл Скобелевский комитет, в годы войны претендовавший не только на производство военных картин, но и на их цензуру. Однако, как и в других видах цензуры, в кино было решено не отходить от ведомственного принципа. В результате Министерство императорского двора по-прежнему цензуровало картины с участием членов императорской фамилии, отдельно работала военная цензура в Петрограде, а на театре военных действий и в тылу контроль осуществляли местные органы власти.

Богомолов Игорь Константинович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института научной информации по общественным наукам РАН

Bogomolov Igor' Konstantinovich, PhD Candidate in History, Senior Research Fellow, Institute of Scientific Information on Social Sciences, Russian Academy of Sciences

bogomolov@inion.ru

ORCID: 0000-0001-8381-0284

Эта разобщенность киноцензуры была характерна еще в довоенные годы и вызывала недовольство представителей киноотрасли. Временное правительство не пошло на отмену военной цензуры, оставалась и цензура кино, однако реальных шагов по ее упорядочению новая власть предпринять не успела.

Ключевые слова: дореволюционный кинематограф, военная цензура, Петроградская военно-цензурная комиссия, Министерство императорского двора, Скобелевский комитет, Николай II, С.М. Прокудин-Горский, А.А. Ханжонков, Г.К. Ерошевич

Abstract. The article explores the censorship of cinema in Russia during the First World War and the 1917 Revolution. While the history of cinema in Russia has been comprehensively addressed in scientific literature, the structure and powers of cinematographic censorship during the period 1914–1918 remain to be fully elucidated. It is evident that these alterations were of considerable significance when compared to the pre-war period. The nation was divided into territories subject to “full” and “partial” military censorship, and the command of the front-line provinces was granted, among other things, the authority to control film distribution, a power previously held by the civil administration. In the rear provinces, the prevailing order remained largely unaltered. Petrograd, however, was distinguished by its notable deviation from this norm. This was attributable to the establishment of a substantial and intricate censorship apparatus within the city during the war years. The Cinematographic Department became one of its numerous subdivisions in the autumn of 1914. Its employees were responsible for the issuance and revocation of distribution permits, as well as the screening of films (including those with non-military content) prior to their release. Concurrently, the Ministry of the Imperial Court, the police, the inspection of printers, and other entities persisted in their involvement in film censorship. A notable role was played by the Skobelev Committee, which during the war claimed not only to produce war films, but also to censor them. However, as in other forms of censorship, the departmental principle was upheld in the context of cinema. Consequently, the Ministry of the Imperial Court retained the censorship of films involving members of the imperial family, while military censorship in Petrograd operated autonomously and local authorities exercised control in the theatre of war and in the rear. This fragmentation of film censorship was a characteristic feature of the pre-war years and gave rise to a degree of dissatisfaction among representatives of the film industry. The Provisional Government refrained from abolishing military censorship, and film censorship remained in place.

Keywords: pre-revolutionary cinema, military censorship, Petrograd Military Censorship Commission, Ministry of the Imperial Court, Skobelev Committee, Nicholas II, S.M. Prokudin-Gorsky, A.A. Khanzhonkov, G.K. Eroshevich.

* * *

Производство кино и его цензура появились в России практически одновременно. Съемки коронационных торжеств в 1896 г., а также кинохроники жизни царской семьи в последующие годы

находились под пристальным контролем Министерства императорского двора (МИДв). Ведомственный циркуляр 1898 г. устанавливал, что киноленты с участием членов императорской фамилии должны демонстрироваться «не под музыку и каждый раз в особом отделении программы, после некоторого промежутка, не в связи и не вперемешку с показыванием остальных видов»¹. Фильмы просматривались чиновником канцелярии МИДв, который обычно одобрял их к демонстрации, удаляя лишь некоторые моменты и сцены, признанные «неудачными», а время от времени в цензуре кинохроники участвовали и сами Николай II и Александра Федоровна².

Быстрый рост числа кинотеатров, развитие кинопромышленности, появление первых русских игровых фильмов подтолкнуло власти установить административный контроль над новым видом искусства. Циркуляр петербургского градоначальника от ноября 1907 г. предписывал приставам участков «иметь неослабное наблюдение» за репертуаром синемаграфов, не допускать «явно соблазнительных изображений, а равно картин, несовместимых с требованиями об ограждении общественной нравственности»³. В следующем году полиция была привлечена к контролю над кинопрокатом в Москве⁴, а затем и во всех городах страны, где появлялись синемаграфы. С этого времени установились особенности киноцензуры в России: она не имела централизованного руководства, решения по каждому конкретному фильму и кинотеатру принимали приставы участков⁵. В таком виде цензура с самого начала вызывала много вопросов и нареканий со стороны прокатчиков и владельцев синемаграфов. Особенное недовольство вызывала непоследовательность цензоров. Разрешенная в одном городе картина могла быть запрещена в другом, часто подобные случаи имели место в разных частях города, а иногда — и на соседних улицах⁶.

Проблема цензуры усугублялась на фоне взрывного роста кинорынка в империи. К 1910 г. кинотеатры появились в большинстве городов и активно распространялись в сельской местности, в прокате увеличивалось число как российских, так и зарубежных картин. Полиции в крупных городах становилось все труднее контролировать синемаграфы, множились примеры противоречивых решений.

¹ Цит. по: Григорьев С.И. Придворная цензура и образ верховной власти (1831–1917). СПб., 2007. С. 221–222.

² Там же. С. 222–223.

³ Сине-фоно. 1907. № 2. С. 9.

⁴ Там же. 1908. № 12. С. 10.

⁵ См., например: Хроника иркутского кино. 1897–1917. Иркутск, 2022. С. 129, 133.

⁶ Сине-фоно. 1908. № 2. С. 3.

На I Всероссийском съезде кинематографических деятелей в августе 1911 г. явственно оформился запрос представителей отрасли на централизацию и упорядочение цензуры, введение единых и понятных правил работы. Характерно, что вопрос о цензуре стал одним из немногих, которые не вызвали острых споров: в специальной резолюции съезд единогласно выступил за сосредоточение цензуры в Москве как центре кинопромышленности России⁷.

Помимо приставов фактическими цензорами выступали представители местной власти, нередко препятствовавшие прокату фильмов, которые им не понравились по тем или иным причинам. Массовое недовольство репертуаром, представленным преимущественно «легкими» комедиями и драмами, резко контрастировало с быстрым ростом посещаемости кинотеатров, их популярностью как места досуга. Последовательными противниками нового искусства выступали многочисленные ревнители нравственности и многие представители Церкви, видевшие в кино символ упадка культуры и источник «развращения» населения⁸. Частое посещение кино детьми и подростками вызывало беспокойство родителей и представителей учебных заведений, которые видели в этом причину падения успеваемости, ухудшения зрения и распространения «пошлости и разврата» в неокрепших молодых умах⁹. В 1912–1914 гг. руководство учебных заведений и округов принимало различные ограничительные меры, вплоть до полного запрета посещения кинематографов учащимися¹⁰.

Несмотря на эти во многом стихийные предложения по усилению контроля над кино, этот вопрос так и не был всерьез поставлен в предвоенные годы. Основная причина заключалась в том, что «низовой» запрос в этой сфере поначалу не встречал официального отклика «сверху». До Первой мировой войны российская власть в вопросе цензуры кино предпочитала следовать за общественными настроениями, избегая общих решений и возлагая ответственность на местную администрацию и полицию. В этом — значимое отличие кинематографической цензуры от печатной и драматической, в которых инициатива изначально принадлежала государству.

Война вынудила правительство спешно пересмотреть политику во многих сферах внутренней жизни, и цензура не была исключением. Однако в историографии достаточно слабо освещено развитие

⁷ Вестник кинематографии. 1911. № 17. С. 10; № 19. С. 18–19.

⁸ См., например: Вестник кинематографии. 1911. № 19. С. 18.

⁹ Карпова В.В. «...он отравляет детскую душу»: учащиеся и российский кинематограф в начале XX в. // История повседневности. 2023. № 1. С. 78–95.

¹⁰ Вестник кинематографии. 1914. № 9. С. 31.

цензуры кинематографа в последние предреволюционные годы, не учитывается фактор военной цензуры, не проанализированы особенности контроля над кино в прифронтовых губерниях и в тылу. Наконец, кинематографическая цензура в революционном 1917 г. также исследована фрагментарно, без учета изменений в законодательной базе и повседневной практике. Основанная на впервые вводимых в научный оборот архивных документах, материалах периодической печати и мемуарах, данная статья призвана восполнить эти пробелы и показать тенденции развития цензуры кино в России на изломе исторических эпох.

Введение военной цензуры и контроль над кинематографом

С началом Первой мировой войны в России было введено в действие Временное положение о военной цензуре, разрабатывавшееся с 1909 г.¹¹ Как в черновых, так и в окончательном варианте кинематограф в нем не упоминался, военная цензура распространялась только на произведения тиснения, эстампы, рисунки, почтовые отправления и телеграммы, тексты речей и докладов¹². Контроль над кинематографом, таким образом, оставался на усмотрении местных властей, однако ситуация отныне зависела и от того, находилась ли губерния на территории «полной» или «частичной» военной цензуры.

В прифронтовых губерниях даже при сохранении «гражданского» управления реальная власть сосредоточилась в руках военного командования. То же касалось и цензурных вопросов: военно-цензурные комиссии при штабах округов имели больший вес и полномочия, чем довоенные органы почтово-телеграфного и печатного контроля. Хотя комиссии имели межведомственный характер, на практике они подчинялись военным властям. Соответственно изменился здесь и контроль над кино: командующий округом или фронтом мог ограничить показ того или иного фильма своим приказом, без согласования с «гражданскими» властями¹³.

В тылу цензура кинолент оставалась в ведении местной военной или гражданской администрации. Обычно ее осуществляли инспекторы типографий и книжной торговли, участковые приставы,

¹¹ О разработке документа см. подробнее: *Богомолов И.К.* Временное положение о военной цензуре: проект 1910 г. // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 5: История. 2022. № 3. С. 7–24; *Он же.* Накануне войны. Проект «Положения о военной цензуре» 1912 г. // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 5: История. 2022. № 4. С. 48–64.

¹² Временное положение о военной цензуре. Одесса, 1914. С. 5.

¹³ См., например: *Сине-фоно.* 1917. № 9–10. С. 72.

полиция. Соответственно, и проблемы здесь были прежними: непоследовательность, избирательная жесткость, зависимость от вкусов и взглядов чиновников и полицейских. Очередную попытку упорядочить эту сферу предпринял в январе 1915 г. министр внутренних дел Н.А. Маклаков. По его проекту кинематографическая цензура должна была быть сосредоточена в руках Главного управления по делам печати, при котором для этих целей создавалось особое отделение. Разрешенные ленты предполагалось вносить в специальный список и публиковать ежемесячно в официальной печати. Картины делились на две категории — для общего просмотра и разрешенные для детей¹⁴. Однако дальше проекта дело вновь не пошло, вероятно — из-за особенностей сложившейся в годы войны системы управления империей. МВД не имело реальной власти в губерниях «театра военных действий», и вопрос подчиненности местной цензуры не решался из-за затяжного межведомственного противостояния правительства и военного командования.

В феврале 1915 г. были опубликованы «Главные указания гг. инспекторам при просмотре кинематографических лент», которые составил старший инспектор типографий, литографий и т.п. заведений в Петрограде В.В. Познанский. Автор предпринял попытку стандартизировать работу приставов, просматривавших фильмы, дать четкие и универсальные указания, когда кино может быть допущено в прокат, а когда — нет. В первом пункте указывалось, что появление на экране царской семьи и особ императорской фамилии необходимо было согласовывать с МИДв. Картины «из военной жизни или в которых участвуют воинские чины всех рангов» допускались только после просмотра военной цензуры.

Подробно в документе освещены вопросы религии. Запрещалось исполнение киноактерами ролей Иисуса Христа, Богоматери, ангелов и святых угодников, православных духовных лиц (священников, монахов, монахинь, епископов, патриархов), а также демонстрацию Евангелия, хоругвей и «всякой церковной утвари». Иконы, крест или распятие в углу комнаты или на стене могли быть показаны, «если окружающая обстановка не является оскорбительной для священных предметов». Разрешалось демонстрировать памятники с изображением святых, наружный вид храмов всех вероисповеданий и внутренний вид всех храмов, кроме православных. Кладбища и погосты могли изображаться при условии, что могилы будут закрыты и что там «не происходило сцен, не соответствующих данному месту и не инсценировались бы явления умерших». Разрешалось де-

¹⁴ Сине-фоно. 1915. № 8. С. 49.

монстрировать все религиозные процессии, за исключением православных, показывать богослужение запрещалось для «всех христианских вероисповеданий». Исключение делалось лишь для венчаний «по обряду не православного вероисповедания».

«Область политики» включала запрет изображать и инсценировать «политические процессии и сборища» (кроме оставшихся в далеком прошлом), забастовки и политические убийства. Не допускалось на экраны изображение трупов, гробов и «всяких действий с ними», пыток, казней (расстрел и повешение), посягательств к «изнасилованию или обольщению», медицинских операций, психических больных и сумасшедших. Исключение делалось для «литературных типов выдающихся произведений, как напр. Офелия, Король Лир и т. п.». Разрешалось изображать убийства и самоубийства (кроме «самоповешения»), частную жизнь (при согласии самих прототипов или их родственников), а также сцены ухаживания, объяснения в любви и поцелуи, если они не заключали в себе «никаких признаков развращенности»¹⁵.

Параллельно предпринимались попытки усилить контроль через наделение ответственных лиц новыми полномочиями, установление единого порядка контрольных просмотров фильмов и создание на местах коллегиальных органов, принимавших решение по поводу той или иной киноленты. К примеру, в январе 1915 г. в Москве было запрещено допускать на предварительные показы картин кого-либо, кроме цензора и представителей кинофирм и кинотеатров¹⁶. В Казани 29 августа 1914 г. были отменены киносеансы в связи с приближением всероссийского праздника трезвости¹⁷. Распоряжением попечителя Западно-Сибирского учебного округа школьникам в 1914 г. запрещалось посещать кинотеатры¹⁸. В Новочеркасске в декабре 1915 г. члены родительских комитетов всех средних школ города на специальном собрании приняли решение избрать для посещения детьми два кинотеатра и «организовать предварительную цензуру картин родительскими педагогическими организациями»¹⁹. О необходимости цензуры лент заявил в конце 1916 г. съезд директо-

¹⁵ Ковалова А., Семенов В. Кино, цензура и власть в Петербурге–Петрограде 1890–1910-х годов // Apparatus. Film, Media and Digital Cultures in Central and Eastern Europe. 2017. N 4. — URL: <https://www.apparatusjournal.net/index.php/apparatus/article/view/36/119> (дата обращения 20.03.2024).

¹⁶ Сине-фоно. 1915. № 8. С. 48.

¹⁷ Кинематограф в Казани, 1897–1917 гг. Сб. документов и материалов / Сост. Е.П. Алексеева. Казань, 2007. С. 102.

¹⁸ Ватолин В.А. Синема в Сибири: очерки истории раннего сибирского кино (1896–1917 гг.). Новосибирск, 2003. С. 70.

¹⁹ Сине-фоно. 1916. № 5–6. С. 83.

ров народных училищ²⁰. В то же время Синод предложил полностью воспретить частные киносеансы, а съезд «трудового союза христиан-трезвенников» потребовал чаще показывать просветительские, в том числе трезвеннические картины²¹.

Военная цензура кино в Петрограде и в провинции

На общем фоне выделялся Петроград, военная цензура в котором за годы войны разрослась в сложную и разветвленную структуру. Петроградская военно-цензурная комиссия (ПВЦК) к началу 1916 г. руководила работой 11 отделов, общее число сотрудников в которых превысило тысячу человек²². Углубление специализации было вызвано огромным объемом задач и необходимостью охватывать самые разные направления: цензура писем и телеграмм, цензура печати, портовая и таможенная цензура. В 1915–1916 гг. обсуждалась организация контроля над граммофонными пластинками и телефоном²³.

Вопрос о военной цензуре кино поднимался еще до войны. В 1913 г. при Скобелевском комитете был открыт кинематографический отдел с целью поставки в воинские части проекторов и кинолент, содержание которых «соответствует вкусам и потребностям нижних чинов». С 25 сентября 1913 г. в части допускались только фильмы Скобелевского комитета, куда фирмы и прокатчики обращались за разрешением показывать свои ленты. В августе 1914 г. комитет предложил Главному управлению Генерального штаба свое руководство военной цензурой и кандидатуры пятерых офицеров в качестве цензоров²⁴.

Вскоре к этой работе подключилась ПВЦК. 4 сентября 1914 г. председатель комиссии генерал-майор Д.П. Струков обратил внимание начальника штаба Петроградского военного округа на то, что до сих пор не была установлена цензура кинолент²⁵. По договоренности с руководством Скобелевского комитета он привлек к просмотру группу военных чинов, во главе которой с 17 сентября 1914 г. как старший военный цензор был поставлен полковник Г.К. Ерошевич, офицер-воспитатель 2-го кадетского императора Петра Велико-

²⁰ Сине-фоно. 1917. № 7–8. С. 69.

²¹ Там же. С. 60.

²² Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 13836. Оп. 1. Д. 44. Л. 97.

²³ Там же. Ф. 13836. Оп. 1. Д. 108. Л. 205–209; Д. 254. Л. 354–355.

²⁴ Там же. Д. 20. Л. 1.

²⁵ Там же. Д. 19. Л. 101.

го корпуса²⁶. Его фактическим помощником с начала работы был А.В. Лебедев, секретарь великого князя Александра Михайловича²⁷. К октябрю 1914 г. в группу, помимо Ерошевича, входили офицер-воспитатель 2-го кадетского императора Петра Великого корпуса подполковник Н.П. Жерве и офицер-воспитатель 1-го кадетского корпуса подполковник Г.Н. Смирнов. К ноябрю 1915 г. к группе присоединились также старший инспектор типографий В.В. Познанский, подполковник И.И. Защук и капитан 2-го ранга М.И. Дунин-Барковский²⁸. Изначально существовало разделение обязанностей, часть офицеров использовалась для цензуры узкоспециальных лент. К примеру, Дунин-Барковский просматривал хронику войны на море и в целом фильмы морской тематики²⁹.

Работа новым цензорам предстояла большая: к началу войны в Петрограде действовало около 60 кинематографических фирм³⁰. Необходимо было не только сохранить, но и усилить контроль над кинопрокатом, для чего привлекались инспекторы типографий, литографий и книжной торговли. Цензоры просматривали также диапозитивы и картинки, демонстрировавшиеся на лекциях, разрешенных градоначальством. Цензуровались и материалы к лекциям не на военную тематику, например — картинки с экспедиции Г.Я. Седова к Северному полюсу³¹. К работе петроградской военной цензуры подключился и Скобелевский комитет, который отсылал список просмотренных за неделю лент помимо ПВДК также в петроградское градоначальство для последующего напечатания списков в официальной прессе³².

Установившийся осенью 1914 г. процесс киноцензуры в Петрограде в основном остался неизменным до конца войны. Фирмы направляли цензорам уведомления о готовности ленты, время ее просмотра цензором согласовывалось заранее. В отличие от цензоров печати или корреспонденции, цензоры кино не имели четко установленного времени и места работы, ежедневно разъезжая по кинотеатрам и фирмам³³. Ерошевич, к примеру, обычно просматривал ленты в период с 16 до 22 часов. В отдельных случаях фирмы присили

²⁶ Там же. Д. 6. Л. 199.

²⁷ Там же. Д. 44. Л. 127. Несколько раз Ерошевич выдвигал кандидатуру Лебедева как военного цензора, однако его просьбы остались без удовлетворения.

²⁸ Там же. Л. 59, 87.

²⁹ Там же. Д. 126. Л. 486.

³⁰ Там же. Д. 44. Л. 1-2.

³¹ Там же. Л. 51.

³² Там же. Д. 442. Л. 54.

³³ Там же. Д. 44. Л. 137.

посмотреть их фильмы вне очереди, так как подходил момент премьеры в кинотеатрах³⁴. Так, в сентябре 1914 г. торговый дом «А. Ханжонков и Ко» пригласил Ерошевича в только что открывшийся театр «Паризиана» (Невский пр., 80) на показ исторических картин «Волга и Сибирь» и «Ермак Тимофеевич»³⁵. В случае положительного решения фирмы получали специальные разрешения, где вписывалось название картины и указывалось, что она «к публичному демонстрированию в кинематографах Петрограда разрешается»³⁶. Помимо цензора разрешение на показ подписывал В.В. Познанский³⁷. Кинематографический отдел был единственным в петроградской цензуре, у которого не было собственных штемпелей³⁸.

Начало войны вызвало всплеск производства игровых и документальных картин, посвященных сражениям на фронтах, преступлениям вражеских армий и героизму союзных войск. С августа 1914 г. по декабрь 1915 г. Скобелевский комитет снял 52 картины военного содержания, например «Стрельба из пулеметов Ингерманландского ополка», «Покорение Кавказа», «Парад войскам Царско-сельского гарнизона», «Работа прожекторов», «Его императорское величество Государь император в завоеванном крае», «Бомбардировка Босфора» и др.³⁹

Частные производители также снимали кинохронику с фронтов, военные драмы и комедии. Цензоры просматривали в это время ленты: «Не так страшен немец как его малюют», «Трофеи наших побед», «Энвер-паша — предатель Турции», «В кровавом зареве войны», «Под Льежем», «Осада Лувена», «Немецкое засилье», «Как бабы немца одолели», «Рождество в окопах» и др. При этом даже на пике производства и импорта зарубежного военного кино его доля в общем прокате была невелика. Подсчет разрешений, отложившихся в делах ПВЦК, показывает, что в сентябре 1914 г. из 135 поступивших на просмотр цензуры картин только 36 были посвящены войне и связанным с нею темам. В статистике за октябрь разница еще заметнее: только 28 фильмов из 184. В дальнейшем удельный вес военных фильмов неуклонно снижался, отражая нараставшую усталость общества от войны, тяготение к комедиям и драмам с легкими, незамысловатыми сюжетами на бытовые и «вечные» темы любви, верности, семьи, дружбы и т.д.

³⁴ Там же. Л. 15, 19.

³⁵ Там же. Л. 24.

³⁶ Там же. Л. 6.

³⁷ Там же. Л. 22–23.

³⁸ Там же. Л. 149.

³⁹ Там же. Д. 30. Л. 1–2.

Следует отметить, что Ерошевич и его подчиненные должны были просматривать весь кинорепертуар в столице. Предполагалось, что под вывеской комедий, приключенческих фильмов, любовных и исторических драм могли оказаться военные ленты и хроника. Необходимо было также удостовериться, что в фильмах нет фактов, попадающих под общецензурные запреты, аморальных сцен и «нежелательных» сюжетов, связанных с войной (например, тоска солдата по дому, грусть родных в отсутствие ушедшего на войну главы семьи и т.п.). В результате на военную цензуру поступали такие фильмы, как «Таинственная укротительница», «Таковы мужчины», «Яд алчности», «Сонька — золотая ручка»⁴⁰. Подавляющее большинство кинолент допускались столичной цензурой в широкий прокат. В случае запрета цензор давал разъяснения и рекомендации фирмам⁴¹.

Понимая, сколь сильное влияние кино оказывает на психологическое состояние и настроение зрителя, цензоры большое внимание уделяли визуальным эффектам, художественным приемам, характерам актеров, деталям быта, одежды и другим мелочам. Особенно цензоров привлекали познавательные и документальные фильмы о помощи раненым и больным воинам. Характерно в этом смысле заключение Ерошевича о ленте торгового дома А.О. Дранкова, изображающей заботы Комитета о раненых и увечных воинах в 1916 г. В течение полутора часов в ней демонстрировались перевозка раненых с полей сражений, уход за ними, снятие мерок для протезов. Хотя картина была одобрена великой княгиней Марией Павловной и председателем комитета сенатором Д.Б. Нейдгартом, Ерошевич просил председателя ПВЦК генерал-майора М.А. Адабаша⁴² задержать ленту, так как она «в целом оставляет тяжелое впечатление». Адабаш разделял видение Ерошевича и предоставил фильм на окончательное решение начальника штаба Петроградского военного округа⁴³.

Попытки обойти цензуру

С первых лет существования кинематографа владельцы кинотеатров и кинофирм предпринимали попытки обойти цензурные ограничения. Заинтересованные в привлечении зрителя, они устраивали закрытые сеансы, где показывали запрещенные ленты, широкое распространение получили подпольные электротeatры. Военное время

⁴⁰ Там же. Л. 26, 28, 30, 31, 42, 54, 83.

⁴¹ Там же. Д. 44. Л. 3.

⁴² М.А. Адабаш сменил Д.П. Струкова на посту председателя ПВЦК в январе 1916 г.

⁴³ РГВИА. Ф. 13836. Оп. 1. Д. 44. Л. 130, 132.

в этом смысле не внесло принципиальных изменений. Несмотря на введение специальной цензуры кино, сохранялись многочисленные «лазейки» для театровладельцев и прокатчиков. Так, под названием разрешенной картины в кинематографах нередко демонстрировались другие, такой же продолжительности, но не представленные в цензуру. В других случаях в картину вносились изменения уже после просмотра цензором: добавлялись новые сцены, в том числе запрещенные⁴⁴. Некоторые прокатчики показывали один и тот же фильм под разными названиями разным цензорам с перерывом в один-два месяца, в надежде получить положительное заключение. Чтобы не попадаться на эту уловку, цензоры регулярно обменивались информацией о просмотренных картинах и их сюжетах⁴⁵. На волне высокой популярности темы войны прокатчики нередко шли на игнорирование цензуры как таковой и демонстрировали картины, несмотря на прямой запрет. Так, посетивший один из сеансов цензор Петроградского комитета по делам печати К.Е. Кометс сообщал коллегам о незаконных показах в электротeatрах “Parisiana” хроники последствий бомбардировки турецким флотом черноморских портов⁴⁶.

На этом фоне 20 октября 1914 г. Ерошевич в докладе председателю ПВЦК констатировал, что военная цензура кинематографа «не вполне достигает своей цели», т.к. ленты, выпущенные до войны, беспрепятственно демонстрируются во всех электротeatрах. Цензор просил направить его помощников во все кинотеатры города для полной перепроверки репертуара. Желательным Ерошевич считал усиление контроля над кинотеатрами в Москве, где военная цензура кино фактически отсутствовала, а предварительный просмотр фильмов по-прежнему производил чиновник градоначальства. Московские власти направляли ленты на просмотр в ПВЦК, однако это была почти бесполезная работа: даже в случае неодобрения прокатчики Москвы зачастую игнорировали решения военной цензуры⁴⁷.

Прокат довоенных фильмов в целом представлялся большой проблемой, так как в новых условиях они могли содержать «неуместные» сцены. Уже на второй день войны в одном из московских кинотеатров была показана хроника с участием Вильгельма II, что едва не привело к разгрому заведения⁴⁸. Частым явлением был показ филь-

⁴⁴ Там же. Л. 45, 46, 70.

⁴⁵ Там же. Л. 156.

⁴⁶ Там же. Д. 20. Л. 260.

⁴⁷ Там же. Л. 17.

⁴⁸ Янгиров Р.М. Другое кино: статьи по истории отечественного кино первой трети XX века. М., 2011. С. 41.

мов германского производства. Чтобы получить на них разрешение, прокатчики нередко выдавали их за датские и шведские⁴⁹. Цензор Смирнов в ноябре 1915 г. докладывал в ПВДК, что датская фирма “Nordisk” выкуплена немцами, но клейма остаются прежними, что позволяло беспрепятственно привозить ленты через Скандинавию и «собирать обильную жатву (особенно — с России) даже во время настоящей великой войны»⁵⁰. Подобные факты вызывали сильное недовольство печати, выступавшей за борьбу с «немецким засильем» во всех сферах русской жизни. К примеру, в мае 1916 г. столичное «Вечернее время» сообщало, что в одном из кинотеатров была показана немецкая лента «Фаворитка сановника»⁵¹. Проблема вышла и на правительственный уровень. На заседании Совета министров 8 мая 1915 г. министр путей сообщения С.В. Рухлов обратил внимание, что в Россию ввозятся сотни тысяч германских кинолент и отметил, что тем самым поощряется развитие германской промышленности⁵².

Отсутствие единой киноцензуры в империи играло на руку прокатчикам. Так, запрещенные в Петрограде ленты нередко приобретались и демонстрировались в окрестностях столицы, где местные исправники и приставы, как правило, не были оповещены о решениях группы Ерошевича. В связи с этим цензорам предоставлялся беспрепятственный допуск в кинотеатры по билетам, которые регулярно присылали в цензуру приставы участков⁵³.

Попытки обойти цензуру были вызваны в том числе растущими рисками из-за возможного запрета картины или остановки проката. Владельцы кинофирм и кинотеатров одной из действенных мер еще до войны называли цензуру не самих фильмов, а их сценариев. Однако у нее было много недостатков. Наиболее спорным вопросом была оценка адаптации сценария на экране. «Петроградский курьер» отмечал в июне 1915 г., что «при чтении сценария нельзя уловить некоторых недопустимых с точки зрения цензуры сцен. Кроме того, артисты, разыгрывая сценарий, незаметно могут изменить содержание и смысл картины»⁵⁴. В итоге к сценарной цензуре в дореволюционном кинематографе так и не приступили.

⁴⁹ РГВИА. Ф. 13836. Оп. 1. Д. 44. Л. 66, 67, 75. См. также: Янгиров Р.М. Указ. соч. С. 41; Ковалова А.О. Кинематограф в Петербурге 1896–1917. Кинотеатры и зрители. СПб., 2011. С. 128.

⁵⁰ РГВИА. Ф. 13836. Оп. 1. Д. 44. Л. 76.

⁵¹ Немецкие кинематографические ленты // Вечернее время. 1916. 27 мая.

⁵² Совет министров Российской империи в годы Первой мировой войны. Бумаги А.Н. Яхонтова. СПб., 1999. С. 164.

⁵³ РГВИА. Ф. 13836. Оп. 1. Д. 44. Л. 44.

⁵⁴ Кинематограф // Петроградский курьер. 1915. 23 июня.

Контроль над ввозом и цензура иностранных кинолент

Опосредованно в киноцензуре участвовали также работники таможи и жандармерии, время от времени находившие киноленты при досмотрах багажа пассажиров поездов. К примеру, 17 августа 1915 г. Петроградское губернское жандармское управление обнаружило у мещанина Воскресенского при въезде в Россию три ленты невоенного содержания («Крейцера соната», «Вавочка», «Доктор Никольсон»). Уже 20 августа фильмы, после просмотра их военной цензурой, были возвращены хозяину⁵⁵.

Во многих случаях быстрый просмотр таких лент затруднялся из-за особенностей пленки. 2 мая 1916 г. заведующий военной цензурой при Петроградской портовой таможе писал Адабашу о задержании пяти лент, шедших из Англии в Россию через Архангельск. Задержаны они были, так как просмотр их должен был производиться в «абсолютно темной комнате и при лампе из кобальтового стекла, коей у нас не имеется». Проблема была актуальной и в связи с периодическим завозом через порты якобы «чистых» пленок, которые таможенники не имели технической возможности проверить на месте. Адабаш просил Ерошевича просмотреть эти фильмы в какой-либо конторе⁵⁶.

К лету 1916 г. посылки с кинолентами уже регулярно передавались в отдел Ерошевича. Например, 30 апреля 1916 г. было передано 74 ящика с 12 лентами⁵⁷. Ерошевич жаловался, что отвозить их обратно в портовую таможеню у него и его подчиненных не было никакой возможности и предлагал организовать цензуру в самом порту, однако таможня отказывалась брать на себя эту ответственность⁵⁸. К концу 1916 г. этот вопрос удалось решить за счет организации осмотра лент цензорами на месте, в порту. Ерошевич или другой цензор вручали расписку о вскрытии посылок и просмотре лент с указанием названия и принятого решения⁵⁹.

Расширение специализации цензуры потребовало привлечения специалистов, в том числе и в просмотре непроявленных пленок на предмет наличия секретных сведений. С ноября 1916 г. к этой работе в петроградской военной цензуре привлекался известный фотограф С.М. Прокудин-Горский. Поначалу он работал вне штата и выполнял заказы военной цензуры по досмотру задержанных в порту и на

⁵⁵ РГВИА. Ф. 13836. Оп. 1. Д. 44. Л. 73, 74.

⁵⁶ Там же. Л. 1, 2.

⁵⁷ Там же. Л. 5.

⁵⁸ Там же. Л. 3, 4.

⁵⁹ Там же. Л. 33, 38, 43, 58, 61, 65 и др.

Финляндском вокзале посылок с кинолентами, светочувствительными пластинками и бромосеребряной бумагой. После просмотра в лаборатории Прокудина-Горского⁶⁰ ленты и пластинки возвращались в жандармерию при таможне, либо в городские почтовые отделения, смотря по принадлежности и адресу, куда отправлялась посылка⁶¹.

Проблема довоенных фильмов и контроля над прокатом в целом оставалась актуальной и острой весь период войны. Одной из главных причин было большое (более 300) количество синематографов и высокая нагрузка немногочисленного штата кинематографической цензуры. Несмотря на все эти трудности, при запросе ПВЦК в свои отделения о дополнительных штатах Ерошевич дважды (в 1916 и 1917 гг.) сообщал, что в кадровом усилении отдел не нуждается⁶². Фактически единственной просьбой Ерошевича было производство Жерве и Смирнова в полковники, что соответствовало бы их вкладу и объему работы, которая вредно отражалась на их зрении⁶³.

Придворная киноцензура в 1914–1917 гг.

С началом Первой мировой войны хроники, запечатлевшие августейших особ на фронте и в прифронтовых губерниях, также должны были проходить военную цензуру. Просматривалась, к примеру, хроника посещения Николаем II лазаретов, позиций и траншей на фронте⁶⁴. Изменился и порядок предварительного просмотра таких материалов. Помимо МИДв в цензуре участвовали Скобелевский комитет и кинематографический отдел ПВЦК.

Скобелевский комитет, со своей стороны, с самого начала войны претендовал на монополизацию официальной военной кинохроники и минимизацию роли придворного ведомства. Участие последнего нередко замедляло цензуру кинолент, что вызывало недовольство как Скобелевского комитета, так и командования армии. Отголоском этого конфликта стала телеграмма начальника штаба Верховного главнокомандующего генерала Н.Н. Янушкевича от 13 октября 1914 г.: «Необходимо поставить широко серьезную цензуру на ответственности Совета комитета. Никому другому разрешение не давалось. Благоволите заявить это официально подлежащей цензурной власти»⁶⁵. Вопрос, тем не менее, был отложен, но 25 августа 1915 г.,

⁶⁰ Находилась по адресу: Петроград, Волоколамский переулочек, д. 1, кв. 12.

⁶¹ РГВИА. Ф. 13836. Оп. 1. Д. 519. Л. 6, 23, 29.

⁶² Там же. Д. 20. Л. 119; Д. 44. Л. 161об.

⁶³ Там же. Д. 44. Л. 151.

⁶⁴ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 472. Оп. 49. Д. 1441. Л. 4.

⁶⁵ Там же. Л. 69.

сразу после смены верховного командования армии, Скобелевский комитет вновь напомнил о своих притязаниях на сосредоточение цензурных полномочий. В письме в канцелярию МИДв он просил отзыв о картине «Ставка Верховного главнокомандующего 19 августа 1915 года» завершить иначе, «без указания о разрешении к демонстрированию вышеуказанной картины»⁶⁶. Иными словами, придворной цензуре указывалось на ее второстепенную роль: запрещать фильмы она не могла, лишь указывать на отдельные их недостатки. На практике это проявилось в ряде решений помимо рекомендаций и замечаний канцелярии МИДв⁶⁷.

Тем не менее, за МИДв оставалось последнее слово в случае, если с военной точки зрения картина не вызывала сомнений. Так, Ерошевич после предварительного просмотра лент с участием царской семьи докладывал в ПВЦК о результатах и направлял фильм в МИДв⁶⁸. Ленты, пересылавшие почтой за границу, также при необходимости подлежали придворной цензуре⁶⁹.

В годы Первой мировой войны по-прежнему большое внимание чиновников придворного ведомства привлекало то, как изображался царь и его семья. Могли быть вырезаны «неудачные» кадры или сцены, в отдельных случаях запрещалась вся картина. Если лента изображала других особ императорской фамилии, то запросы делались в их канцелярии⁷⁰. Сохранялось и введенное в 1902 г. указание на необходимость «медленнее» прокручивать пленку при показе фильмов с царской семьей в связи с опасением, что быстрые движения вызовут смех широкой публики⁷¹. Как и до войны, цензором время от времени выступали сами Николай II и Александра Федоровна, оценивавшие, насколько уместными и «удачными» были те или иные кадры кинохроники⁷².

Дискуссии о киноцензуре накануне революции 1917 г.

Нерешенность вопроса с цензурой вызывала всё большее раздражение представителей кинопромышленности, что отражалось и на публикациях в прессе. «Сине-фоно» в июньском номере 1916 г. негодовал по поводу инициативы нижегородской думы ввести в городе специальную цензуру кино, хотя фактически она существовала

⁶⁶ Там же.

⁶⁷ Там же. Л. 80 об, 83.

⁶⁸ РГВИА. Ф. 13836. Оп. 1. Д. 44. Л. 20, 34, 35, 36 и др.

⁶⁹ Там же. Л. 40–42.

⁷⁰ РГИА. Ф. 472. Оп. 49. Д. 1441. Л. 65.

⁷¹ Там же. Л. 133.

⁷² Там же. Л. 122, 122об.

уже «чуть ли не особо в каждом городе, полицейской властью»⁷³. Такое же предложение в Москве со стороны гласного городской думы Н.А. Шамина журнал трактовал как новое наступление на кинематограф. Попытка Шамина не увенчалась успехом: городская дума постановила, что у нее есть много других забот и нерешенных проблем⁷⁴. В Москве, как отмечалось, уже существовала цензура — «строгая, даже чрезмерно строгая»⁷⁵.

Несмотря на неоднократные и публичные жалобы кинопромышленников, ситуация менялась мало. Об этом свидетельствует, к примеру, справочник «Вся кинематография» за 1916 г. В нем отмечается, что повторная цензура и непоследовательные решения вносят «значительный беспорядок в дело продажи проката» и требуют «непроизводительной затраты труда и времени со стороны целого ряда лиц, призванных цензурировать одну и ту же картину в разных городах России; если бы можно было подсчитать только количество электрической энергии, затраченной на цензурные просмотры, составила бы очень красноречивая цифра...»⁷⁶. Столь же критично цензурные проекты оценивала либеральная печать. Так, казанская «Камско-Волжская речь» 27 февраля 1916 г. сетовала, что план по введению предварительной киноцензуры в Казани приведет к двойному контролю (в столице и провинции), что ухудшит и без того трудную жизнь кинотеатров⁷⁷.

Но для многих представителей киноотрасли положительной новостью было бы не уничтожение цензуры, а ее упорядочение и централизация. Журнал «Проектор» признавал в 1916 г.: «В то время как представители других отраслей искусства мечтают о полном освобождении от каких бы то ни было стеснительных пут, ибо искусство — свободно, одни лишь горьким опытом наученные кинообыватели умоляют г-жу Цензуру: “Ради Бога, ограничивайте нас, искореняйте, режьте (в прямом и переносном смысле), но только одним, общим для всех способом, в одном, твердо установленном, ясном, для каждого обязательном, порядке”»⁷⁸.

Вопрос о киноцензуре поднимался в печати часто, однако в основном в контексте необходимости многократно усилить контроль

⁷³ Сине-фоно. 1916. № 15–16. С. 37–38.

⁷⁴ Михайлов В.П. Рассказы о кинематографе старой Москвы. М., 2003. С. 255.

⁷⁵ Сине-фоно. 1916. № 15–16. С. 42–43.

⁷⁶ Вся кинематография: настольная справочная книга. 1916 / Под ред. Ц. Сулиминского. М., 1916. С. 67–68.

⁷⁷ Алексеева Е.П. Развитие и становление кинематографа в Казани и Казанской губернии: 1897–1917 гг. Дис. ... канд. ист. наук. Казань, 2004. С. 186.

⁷⁸ Цит. по: Ковалова А., Семенов В. Указ. соч.

над «распустившимся» кинорынком. В этой оценке консервативная и либеральная пресса в целом сходилась как до, так и после начала мировой войны. К примеру, «Вечернее время» регулярно обращало внимание на «растлевающее влияние кинематографов, инсценирующих порнографические произведения». «Дом разврата не сходит с экрана, — с негодованием отмечал обозреватель. — Вот героиня в одном притоне, вот в другом, вот на квартире у какого-то типа. Омерзительные подробности всего происходящего отталкивают и вызывают чувство отвращения»⁷⁹.

Неоднократно на вред кино для народа указывали представители Церкви, в годы войны в разных городах империи продолжали возникать конфликты в связи с открытием кинотеатров и их репертуаром. В сентябре 1914 г. был издан указ Синода, категорически запрещавший производить фотографии и киносъёмку памятников церковной старины⁸⁰. Архиепископ Никон (Рождественский) писал в 1916 г.: «Когда я был в Вологде, против самой семинарской церкви был открыт такой кинематограф: протестовали мы, но бесплодно, ибо сказала лишняя сажень расстояния, дававшая право хозяевам учреждения открыть его... Останавливаю внимание на кинематографе и твердо заявляю: это много опаснее театра уже по тому одному, что легче устраивается, всюду может легко проникать, а главное — до сего времени нет никакой цензуры для его лент...»⁸¹.

В печати подчеркивалась неуместность в военное время развлекательных картин на больших экранах. А. Ксюнин на страницах «Нового времени» в феврале 1917 г. обратил внимание на прокат фильма «Первая отечественная война 1812 года», где изображалось в том числе и сожжение Москвы французами. Ленту позже запретил московский градоначальник. Сравнивая русский и англо-французский военный кинематограф, журналист посетовал на недостаток понимания «текущего момента», важности кино для поддержания внутреннего единства. На этом фоне «наша публика... пробавлялась обывательской пошлятиной, в кинематографах обязательно изображалось все самое гадкое и унижительное, чаще всего совращение или изнасилование, а что происходит война, что каждый день родит подвиги и героев — об этом как-то забывали». Отдельно Ксюнин отметил неуместность картины о победе над французами в 1812 г.:

⁷⁹ Цит. по: Наш кинематограф // Новые дни. 1915. 26 июня.

⁸⁰ Подробнее см.: Чернышов А.В. Кино и религия. Ч. 1. Из истории взаимоотношений русского православия с кинематографией, 1897–1977. Липецк, 1977. С. 44.

⁸¹ Архиепископ Никон (Рождественский). «Козни врагов наших сокруши...»: дневники. М., 2008. С. 1047.

«Не слышно, чтобы французы и англичане показывали сейчас в кинематографах взятие Севастополя»⁸².

Продолжали появляться и инициативы «снизу» по ограничению работы кинотеатров. Епископ Никон в ноябре 1916 г. возбудил ходатайство о запрещении спектаклей и кинопоказов в канун праздников и воскресных дней, считая, что «недопустимо в православной стране допускать исполнение сомнительных игрищ в часы предпраздничного богослужения»⁸³. Однако попытки ограничить посещение кинотеатров, особенно молодежью, скептически оценивались представителями как киноотрасли, так и образовательных учреждений. Учитель-словесник Н.Ф. Шубкин писал в своем дневнике 12 марта 1915 г.: «... внешкольный надзор привел только к одному: учащиеся изощряются в обмане: переодеваются так, что их даже родные не узнают, и ходят везде, куда им хочется, подвергаясь при этом гораздо большим соблазнам, чем в форме. <...> Не лучшие результаты даст и установленная комитетом цензура кинематографических картин. На днях, например, цензора-педагога одобрили для учащихся картину с самым отчаянным танго, председатель разослал одобрения по всем учебным заведениям. И потом даже сами ученики и родители возмущались этой картиной»⁸⁴.

Нельзя при этом сказать, что военные и гражданские власти не осознавали проблему и не делали шагов по улучшению цензуры кино. Однако системные действия начали предприниматься уже на излете существования «старого порядка». Так, в декабре 1916 г. царь по докладу начальника штаба Верховного главнокомандующего повелел «отказаться от монополии Скобелевского комитета в деле производства кинематографических снимков в районе военных действий». Главнокомандующим армиями отныне предоставлялась возможность разрешать частным фирмам и предпринимателям производство фильмов⁸⁵.

К 8 декабря 1916 г. были составлены и в январе 1917 г. утверждены «Руководящие указания о порядке допуска на фронт частных фирм и предпринимателей для производства кинематографических снимков и по выполнению военной цензуры последних»⁸⁶. Согласно им, представители частных фирм подавали заявление в штабы

⁸² наброски // Вечернее время. 1917. 1 февраля.

⁸³ Цит. по: *Дадамян Г.Г.* Театр в культурной жизни России в годы Первой мировой войны. М., 1987. С. 19.

⁸⁴ Повседневная жизнь старой русской гимназии. Из дневника словесника Н.Ф. Шубкина за 1911–1915 годы / Подгот. В.Н. Шубкин. СПб., 1998. С. 402.

⁸⁵ РГВИА. Ф. 13836. Оп. 1. Д. 599. Л. 102.

⁸⁶ Сине-фоно. 1917. № 9–10. С. 54.

фронтов с приложением ряда документов. В частности, не допускались иностранные подданные, лица еврейской и немецкой национальности, лица, перешедшие в русское подданство после 1 января 1880 г., и лица, «не заслуживающие доверия». Фирмам, получившим разрешение, выдавалось особое удостоверение⁸⁷. Фильмы предоставлялись в цензуру в «готовом для демонстрирования виде, с точной формулировкой всех заглавий, надписей и сопроводительного текста». При этом военная цензура просматривала весь снятый материал, включая обрывки лент, неудачные и испорченные снимки. На разрешенные фильмы также выдавалось отдельное удостоверение. Если лента или часть ее не могла быть допущена к прокату, но разрешался ее показ через определенное время, то копия оставалась на хранении в штабе фронта⁸⁸.

Обсуждение «безнравственности» кинематографа в годы войны сопровождалось дискуссиями и слухами о предстоящей монополизации всего кинопроизводства и кинотеатров⁸⁹. Так, В.М. Дементьев в своей нашумевшей брошюре «Кинематограф как правительственная регалия» (1915 г.) отстаивал необходимость национализации кинофирм и кинотеатров. Одной из причин он считал низкое качество подавляющего большинства фильмов, что не позволяет поставить кинематограф на службу обществу и государству. Цензура, по его мнению, здесь мало помогает: «При установлении цензуры частных кинематографов правительство будет вынуждено не создавать то, что ему нужно, а лишь выбирать из того, что ему будет предоставлено, т.е. из ряда скверных и вредных картин цензор выберет то, что наименее скверно и вредно, а ловкий предприниматель, имея инициативу в своих руках, будет по-прежнему стремиться заработать на сенсационных и пикантных представлениях»⁹⁰. Предложения Дементьева были восприняты во властных «верхах» вполне серьезно: в 1915–1916 гг. появились проекты по усилению государственного контроля над киноотраслью и репертуаром кинотеатров⁹¹. На рубеже 1916 и 1917 гг. предпринимались и шаги по упорядочению киноцензуры. 19 января 1917 г. на заседании военно-цензурного отделения штаба Петроградского военного округа обсуждались новые правила

⁸⁷ РГВИА. Ф. 13836. Оп. 1. Д. 599. Л. 99–100.

⁸⁸ Сине-фоно. 1917. № 9–10. С. 54.

⁸⁹ Подробнее см.: Чернышов А.В. Указ. соч. С. 54–61.

⁹⁰ Дементьев В.М. Кинематограф как правительственная регалия. Пг., 1915. С. 31–32.

⁹¹ Подробнее см.: Рыбалко В.П. Информационная политика правительства России: 1905 — февраль 1917 гг.: дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2002. С. 160–164.

цензуры кинематографов⁹². Однако до Февральской революции конкретные шаги в этом направлении власти предпринять не успели.

В целом отношение к цензуре как к средству решения проблем кинопромышленности за годы войны изменилось. Цензура ассоциировалась с «темными силами», которые мешают стране победить и душат последние ростки свободы. Непоследовательность и строгость цензуры привела к утере веры в то, что даже ее централизация поможет выправить положение. Накануне Февральской революции неприятие цензуры со стороны интеллигенции прорывалось в печать. А.Н. Бенуа в статье для февральского номера «Сине-фоно» за 1917 г. отмечал: «Что-то поговаривали одно время о монополизации и о цензуре кинематографов. Сейчас разговоры замолкли, но это еще не значит, чтобы они не возобновились завтра и не привели бы к мероприятиям в этой области, соответствующим всему порабощительному духу нашей эпохи и нашего отечества. Я стал ужасным пессимистом в этом отношении и надежд на какую-то благородную и мудрую терпимость перестал питать совершенно. А наивным приверженцам иллюзий я только посоветую взглянуть в то, что делается не только у нас, но на всем свете (и делается, — о, злая ирония — “во имя свободы”). И вот, будучи убежденным, что кинематограф доживает (у нас, по крайней мере) свои последние дни, что недалек тот момент, когда наш исконный отечественный герой — г. квартальный надзиратель закроет и этот безобидный храм искусства, я поднимаю голос протеста»⁹³.

Цензура кинематографа после Февральской революции

Вслед за событиями в Петрограде в конце февраля 1917 г. кинотеатры на время опустели и открылись по большей части лишь к 11 марта⁹⁴, когда политическая реальность уже совершенно изменилась⁹⁵. 4 марта помощник столичного общественного градоначальника С.Г. Сватиков на совещании с инспекторами типографий поднял вопрос об «уничтожении цензуры кинематографических лент». В результате цензура была оставлена только в отношении «порнографии»⁹⁶. В марте сохранялось ограничение работы кинотеатров до 11 часов вечера. Кроме того, «в день похорон жертв рево-

⁹² Там же. Д. 44. Л. 150.

⁹³ Сине-фоно. 1917. № 9–10. С. 48.

⁹⁴ Театры и кинематографы открываются с 11 марта // Петроградская газета. 1917. 12 марта.

⁹⁵ Подробнее см.: *Бобровиков В.В.* Театр и кино в повседневной жизни населения Петрограда в феврале–октябре 1917 года // Вестник Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина. 2022. № 2 (75). С. 51–59.

⁹⁶ Цензура кинематографа // Петроградская газета. 1917. 5 марта.

люции, в знак общественного траура» театры и кинотеатры должны были быть закрыты весь день⁹⁷.

Февральская революция с восторгом и надеждами была встречена кинематографическим сообществом, воспринималась как начало новой жизни для кино, которое теперь будет развиваться более свободно и без лишних стеснений. Превалировала уверенность, что кинорынок сможет заменить «старую» цензуру и успешно регулировать собственный репертуар. «Кинематография, отныне не стесненная никакими административными и цензурными рамками, должна проявить себя достойной носительницей Свободы», — подчеркивалось в передовице мартовского номера журнала «Сине-фоно»⁹⁸. «Сознательными глазами мы... будем смотреть на сознательные картины, и наш разум подскажет нам лучше всякой полицейской цензуры все “можно и нельзя” экрана», — вторил другой автор⁹⁹.

Однако в первые месяцы после революции о самоцензуре фактически речи не шло. Напротив, падение «оков» рассматривалось как новая возможность для привлечения зрителя. В репертуаре появились полные версии картин. Делались и намеки, по какой причине цензоры старались: попытка скрыть влияние «темных сил», работавших на победу Германии; появление в картинах образов, напоминавших царскую семью и придворную камарилью. Революция вызвала фактически обратную реакцию в виде многочисленных «обличительных» фильмов о представителях свергнутой власти. Такие ленты, как «Семья Обмановых», «Позор дома Романовых», «Торговый дом “Романов, Распутин, Сухомлинов, Мясоедов, Протопопов и Ко”», «Царь Николай II, самодержец всероссийский» заполонили кинотеатры по всей России¹⁰⁰. Особое внимание было приковано к фигуре Г.Е. Распутина, многочисленные фильмы о котором (например, «Святой черт», «Люди греха и крови», «Любовные похождения Гришки Распутина») начали выходить на экраны уже в марте 1917 г.¹⁰¹

Несмотря на низкое в основном качество лент «Распутиниады», они привлекали огромный интерес публики. Журналист «Петроградского листка» писал: «У ворот домов по Невскому расклеены огромные плакаты с изображением “старца”. Публика облепила их как мухи сладкое. У касс кинематографов, где идет сенсационная

⁹⁷ Театры и кинематографы открываются с 11 марта // Петроградская газета. 1917. 12 марта.

⁹⁸ Сине-фоно. 1917. № 11–12. С. 47.

⁹⁹ Там же. С. 65.

¹⁰⁰ На троне и на экране. Аннотированный каталог фильмов (1907–2007). М., 2007. С. 29–31.

¹⁰¹ Граценкова И.Н. Кино Серебряного века: русский кинематограф 10-х годов и кинематограф русского послеоктябрьского зарубежья 20-х годов. М., 2005. С. 135.

драма «Темные силы — Григорий Распутин» — целые хвосты»¹⁰². Появлялись картины на ранее запретные темы, например — о жизни сектантов или «политические» фильмы о жизни евреев в России¹⁰³. Пал и дореволюционный запрет на хронику похорон, показ которых после Февраля стал, напротив, неотъемлемой частью пропаганды Временного правительства, а затем и советской власти¹⁰⁴.

Интерес публики вызывал и прокат ранее запрещенных цензурой картин. Упоминание об этом в рекламе в первые месяцы после революции использовалось кинофирмами и прокатчиками как конкурентное преимущество. К примеру, в конце апреля 1917 г. на экранах появилась картина «Вера Чибиряк», запрещенная ранее из-за упоминания «дела Бейлиса»¹⁰⁵. В Новониколаевске в прокат вышла картина «Сибирская атаманша». В рекламе особо отмечалось, что она «раньше не разрешалась старым правительством»¹⁰⁶. На экранах появился и фильм «Отец Сергей» Я. Протазанова, не допущенный до больших экранов в связи с запретом изображать духовных лиц¹⁰⁷.

На этом фоне военная цензура продолжала действовать, не был отменен и контроль над кинематографом. Отдел под руководством полковника Ерошевича продолжал свою работу, просматривая фильмы, в том числе — не военные по содержанию. Кадровый состав вплоть до июля оставался прежним и даже увеличился¹⁰⁸. В конце апреля 1917 г. Ерошевич направлял в ПВЦК прошение как можно скорее признать Прокудина-Горского военным цензором¹⁰⁹. Несмотря на важность и сложность работы, выполнявшейся фотографом, официально военным цензором он был назначен только в октябре 1917 г.¹¹⁰

После революционного месяца началось постепенное возвращение к цензурным будням. 5 апреля 1917 г. Ерошевич в письме в бюро Союза прокатодателей Петрограда напомнил, что все киноленты подлежат военной цензуре и просил сообщать цензору о выходе новой картины в прокат хотя бы за день до первого показа¹¹¹. Однако

¹⁰² Цит. по: *Бобровиков В.В.* Указ. соч. С. 6.

¹⁰³ *Янгиров Р.М.* Указ. соч. С. 52, 70.

¹⁰⁴ Там же. С. 154–155.

¹⁰⁵ Великий кинемо: каталог сохранившихся игровых фильмов России, 1908–1919. М., 2002. С. 370.

¹⁰⁶ *Ватолин В.А.* Указ. соч. С. 168.

¹⁰⁷ *Гращенкова И.Н.* Указ. соч. С. 18.

¹⁰⁸ РГВИА. Ф. 13836. Оп. 1. Д. 44. Л. 90; Д. 417. Л. 106.

¹⁰⁹ Там же. Д. 657. Л. 176.

¹¹⁰ Там же. Д. 633. Л. 16.

¹¹¹ Там же. Д. 44. Л. 177.

судя по повторному напоминанию, отправленному в мае, прокатчики не спешили вновь подчиняться цензурным ограничениям¹¹².

Как и в других направлениях военной цензуры, кинематографическая цензура подстраивалась под новые политические реалии. Выразилось это и в формулировке стандартного разрешения проката. Перед фразой «К публичному демонстрированию в кинематографах Петрограда разрешается» теперь прибавлялись слова «С военной точки зрения...»¹¹³. Однако цензоры продолжали руководствоваться и другими дореволюционными правилами, учитывали и возможные последствия от показа той или иной картины. 8 апреля 1917 г. Ерошевич одобрил киноленту «Мясоедовщина» (о разоблаченном полковнике-«шпионе»), выход которой до революции был невозможен. В то же время цензор исключил кадры с портретом бывшего царя, кадр «Поручик у телефона» и сцену ведения Мясоедова на казнь¹¹⁴.

Хотя военная цензура продолжала действовать, отдельные запреты и ограничения военной тематики мало влияли на ситуацию: прокат оказался фактически бесконтрольным. В результате характерная еще для довоенных лет широкая критика кинорепертуара после Февраля лишь усилилась¹¹⁵. 21 июня «Петроградская газета» сообщила о демонстрации в некоторых кинотеатрах картин, «представляющих собою явное глумление и издевательство не только над духовенством, но даже над религией, и возбуждающие справедливое негодование православного населения». В связи с этим Временное правительство поручило комиссарам установить «неослабный надзор» за кинематографом в целом¹¹⁶.

На фоне ослабления цензурного контроля «сверху» активизировались ограничительные инициативы «снизу». Наиболее очевидным было признание необходимости усилить военный контроль над прокатом. 1 июня 1917 г. состоялось общее собрание группы прокатодателей Союза петроградских кинодеятелей, на котором присутствовали Ерошевич и Жерве. Собрание постановило, что все ленты «специфически военного характера, воспроизведение военных инсценировок, военные хроники и т.п. военные картины, а также картины с погромной и пораженческой тенденцией обязательно подлежат просмотру петроградской военной цензуры»¹¹⁷. Общественную

¹¹² Там же. Л. 181.

¹¹³ Там же. Д. 508. Л. 274.

¹¹⁴ Там же. Л. 280.

¹¹⁵ См., например: *Гнедич П.* Из дневника // Петроградская газета. 1917. 8 июня; *Темные силы* // День. 1917. 9 июня.

¹¹⁶ Надзор за кинематографами // Петроградская газета. 1917. 21 июня.

¹¹⁷ РГВИА. Ф. 13836. Оп. 1. Д. 44. Л. 8.

реакцию вызвало и распространение «порнографии» на больших экранах, с чем боролся, например, Союз работников художественной кинематографии¹¹⁸.

Июльский кризис власти подтолкнул Временное правительство к реформе военной цензуры в целом. 26 июля были утверждены «Временные правила о специальном военном почтово-телеграфном контроле», отдельно учреждалась «специальная военная цензура печати»¹¹⁹. Кинематографическая цензура вновь не была выделена в отдельный орган, однако как подразделение кинематографический отдел сохранялся и перешел в подчинение Главной военно-цензурной комиссии печати¹²⁰.

Поднимался вопрос упорядочения киноцензуры и в профессиональном сообществе, однако в отличие от довоенного периода он уже не занимал значимое место среди других проблем отрасли. Характерно, что на II Всероссийском кинематографическом съезде 22–24 августа 1917 г. вопрос цензуры был поднят лишь на второй день работы: докладчик П.С. Антик упомянул о давно обсуждавшемся проекте ввести единую киноцензуру с центром в Москве¹²¹. Однако до Октябрьской революции каких-либо значимых шагов в этом направлении Временное правительство не предприняло.

Заключение

С приходом к власти большевики последовательно проводили политику усиления контроля над кинематографом, централизации и упорядочения цензуры кинопроката. 15 марта 1918 г. Союз петроградских кинодеятелей выступил за возобновление цензурного контроля над фильмами «в целях оздоровления кинематографии». Характерно, что для этой работы пригласили бывших цензоров кино Г.Н. и М.Е. Смирновых как «зарекомендовавших себя по своей прежней работе в этой области.... опытных, беспристрастных и строго лояльных»¹²². Знаковым в истории уже советской киноцензуры стало вышедшее 17 июля 1918 г. постановление президиума Московского совета рабочих и красноармейских депутатов «О цензуре над кинематографами». Согласно ему, администрация всех электротeatров и тому подобных предприятий как частных, так и советских, обязана была, «не позднее как накануне», представить в Кинематографиче-

¹¹⁸ Россоловская В.С. Русская кинематография в 1917 г. М.; Л., 1937. С. 59.

¹¹⁹ Подробнее см.: Батулин П.В. Военная цензура в период Первой мировой войны и революции 1917–1918 гг.: проблема сущности и преемственности // Проблемы истории, филологии, культуры. 2006. № 16/3. С. 146.

¹²⁰ РГВИА. Ф. 13836. Оп. 1. Д. 44. Л. 197.

¹²¹ Сине-фоно. 1917. № 17–20. С. 79.

¹²² РГВИА. Ф. 13836. Оп. 1. Д. 722. Л. 21.

ский комитет в 2 экземплярах плакаты, афиши и либретто предполагаемых к демонстрированию картин¹²³. Обязательное постановление Кинематографического комитета Наркомпроса о цензуре кинопродукции 6 сентября 1918 г. предписывало заранее извещать обо всех изменениях в названии картины, а также в обязательном порядке удалять все места кинолент, признанные комитетом недопустимыми к показу¹²⁴.

Таким образом, завершился начатый еще до Первой мировой войны процесс централизации киноцензуры, установления полного контроля над репертуаром, рекламой и прокатом кинематографических лент. В этом деле созданные большевиками цензурные органы в значительной степени опирались на опыт, а в ряде случаев — и на кадровый состав своих предшественников.

References

Alekseeva E.P. *Razvitiye i stanovleniye kinematografa v Kazani i Kazanskoj gubernii: 1897–1917 gg.: dissertatsiya ... kandidata istoricheskikh nauk* [Development and Formation of Cinema in Kazan' and Kazanskaya Guberniya: 1897–1917: PhD Candidate in History Dissertation]. Kazan': KGTU imeni A.N. Tupoleva, 2004. 219 p.

Batulina P.V. *Voyennaya tsenzura v period Pervoy mirovoy vojny i revolyutsii 1917–1918 gg.: problema sushchnosti i preymstvennosti* [Military Censorship during the First World War and the Revolution of 1917–1918: Essence and Continuity] // *Problemy istorii, filologii, kul'tury*. 2006. N 16/3. P. 141–155.

Bobrovnikov V.V. *Teatr i kino v povsednevnoy zhizni naseleniya Petrograda v fevrale–oktyabre 1917 goda* [Theatre and Cinema in the Everyday Life of the Population of Petrograd in February–October 1917] // *Vestnik Ryazanskogo gosudarstvennogo universiteta imeni S.A. Esenina*. 2022. N 2 (75). P. 51–59.

Bogomolov I.K. *Nakanune vojny: proyekt “Polozheniya o voyennoy tsenzure” 1912 g.* [On the Eve of War: The 1912 Draft “Provisions on Military Censorship”] // *Sotsial'nyye i gumanitarnyye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura*. Series 5. *Istoriya*. 2022. N 4. P. 48–64.

Bogomolov I.K. *Vremennoye polozheniye o voyennoy tsenzure: proyekt 1910 g.* [Temporary Regulations on Military Censorship: The 1910 Draft] // *Sotsial'nyye i gumanitarnyye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura*. Series 5. *Istoriya*. 2022. N 3. P. 7–24.

Chernyshov A.V. *Kino i religiya* [Cinema and Religion]. Part 1. *Iz istorii vzaimootnosheniy russkogo pravoslaviya s kinematografiyey, 1897–1977* [From the History of Relations between Russian Orthodoxy and Cinematography, 1897–1977]. Lipetsk: Lipetskaya oblastnaya organizatsiya obshchestva “Znaniye” RSFSR, 1977. 96 p.

Dadamyants G.G. *Teatr v kul'turnoy zhizni Rossii v gody Pervoy mirovoy vojny* [Theatre in the Cultural Life of Russia during the First World War]. Moscow: GITIS, 1987. 76 p.

¹²³ Кино: организация управления и власть. 1917–1938 гг. Документы. М., 2016. С. 29.

¹²⁴ Там же.

- Dement'yev V.M. *Kinematograf kak pravitel'stvennaya regaliya* [Cinematography as a Governmental Regalia]. Petrograd: Tipografiya Usova, 1915. 48 p.
- Grashchenkova I.N. *Kino Serebryanogo veka: russkiy kinematograf 10-kh godov i kinematograf russkogo posleoktyabr'skogo zarubezh'ya 20-kh godov* [The Silver Age Cinema: Russian Cinema of the 1910s and the Cinema of the Russian Post-October Abroad in the 1920s]. Moscow: Izdatel' A.A. Mozhayev, 2005. 432 p.
- Grigor'yev S.I. *Pridvornaya tsenzura i obraz verkhovnoy vlasti (1831–1917)* [Court Censorship and the Image of Supreme Power (1831–1917)]. Saint Petersburg: Aleteia, 2007. 476 p.
- Karpova V.V. “...on otravlyayet detskuyu dushu”: *uchashchiyesya i rossiyskiy kinematograf v nachale XX v.* [“...It Poisons the Children's Soul”: Students and the Russian Cinematography in the Early 20th Century] // *Istoriya povsednevnosti*. 2023. N 1. P. 78–95.
- Khronika irkutskogo kino. 1897–1917* [Chronicle of the Irkutsk Cinema. 1897–1917]. Irkutsk: Izdatel'stvo IRNITU, 2022. 162 p.
- Kovalova A.O. *Kinematograf v Peterburge 1896–1917. Kinoteatry i zriteli* [Cinematography in Saint Petersburg, 1896–1917. Cinemas and Spectators]. Saint Petersburg: Masterskaya SEANS, 2011. 236 p.
- Kovalova A., Semenov V. *Kino, tsenzura i vlast' v Peterburge-Petrograde 1890–1910-kh godov* [Cinema, Censorship and Power in Saint Petersburg–Petrograd, 1890–1910s] // *Apparatus. Film, Media and Digital Cultures in Central and Eastern Europe*. 2017. N 4. – URL: <https://www.apparatusjournal.net/index.php/apparatus/article/view/36/119>
- Mikhaylov V.P. *Rasskazy o kinematografe staroy Moskvy* [Tales about Cinematography of Old Moscow]. Moscow: Materik, 2003. 277 p.
- Na trone i na ekrane. Annotirovannyi katalog fil'mov (1907–2007)* [On the Throne and on the Screen. Annotated Catalogue of Films (1907–2007)] / Compiled by E.M. Barykin. Moscow: Interreklama, 2007. 206 p.
- Rossolovskaya V.S. *Russkaya kinematografiya v 1917 g.* [Russian Cinematography in 1917]. Moscow; Leningrad: Iskusstvo, 1937. 200 p.
- Rybalko V.P. *Informatsionnaya politika pravitel'stva Rossii: 1905 — fevral' 1917 gg.: dissertatsiya ... kandidata istoricheskikh nauk* [Information Policy of the Russian Government: 1905 — February 1917: PhD Candidate in History Dissertation]. Saint Petersburg: Sankt-Peterburgskiy gosudarstvennyy universitet, 2002. 190 p.
- Vatolin V.A. *Cinema v Sibiri: ocherki istorii rannego sibirskogo kino (1896–1917 gg.)* [Cinematography in Siberia: Essays on the History of Early Siberian Cinema (1896–1917)]. Novosibirsk: [s. n.], 2003. 172 p.
- Velikiy kinemo: katalog sokhranivshikhsya igrovykh fil'mov Rossii, 1908–1919* [Great Cinema: Catalogue of Preserved Feature Films of Russia, 1908–1919]. Moscow: Novoye literaturnoye obozreniye, 2002. 568 p.
- Yangirov R.M. *Drugoye kino: stat'i po istorii otechestvennogo kino pervoy treti XX veka* [Other Cinema: Articles on the History of Russian Cinema of the First Third of the 20th Century]. Moscow: Novoye literaturnoye obozreniye, 2011. 409 p.

Поступила в редакцию
23 марта 2024 г.

DOI: 10.55959/MSU0130-0083-8-2024-65-5-97-117



А.В. Хорошева

ПОЕЗДКА ФУТБОЛИСТОВ ИЗ ХАРЬКОВА В ГЕРМАНИЮ В 1925 Г. В КОНТЕКСТЕ РАЗВИТИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ СПОРТИВНЫХ СВЯЗЕЙ

A. V. Khorosheva

THE TRIP OF FOOTBALL PLAYERS FROM KHARKOV TO GERMANY IN 1925 IN THE CONTEXT OF THE DEVELOPMENT OF INTERNATIONAL SPORTS RELATIONS

Аннотация. Цель данного исследования — охарактеризовать механизмы и цели установления и развития международных связей советского физкультурного движения в первой половине 1920-х гг. как важной составляющей культурной дипломатии. Рассматриваются международные спортивные встречи, в которых советские спортсмены принимали участие за рубежом, в первую очередь, поездка харьковских футболистов в 1925 г., которая имела особое значение. Интерес исследователей к проблемам культурной дипломатии растет, при этом большинство работ посвящено противостоянию СССР капиталистическому миру в спортивной сфере в годы холодной войны. Однако именно в 1920-е гг. формируются институциональные основы советского спорта и формы его взаимодействия с внешним миром. Характерной чертой рассматриваемого периода является классовый подход в спорте, в рамках которого происходило противопоставление рабочего физкультурного движения буржуазному. Главная задача развития пролетарского спорта виделась в подготовке бойцов для будущих революционных сражений. Международные спортивные встречи советских физ-

Хорошева Анна Владимировна, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России XX–XXI веков исторического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова

Khorosheva Anna Vladimirovna, PhD Candidate in History, Associate Professor, Department of History of Russia in the Twentieth and Twenty First Centuries, Faculty of History, Lomonosov Moscow State University

khoroshevaa@yandex.ru

ORCID: 0009-0001-8189-8742

Исследование выполнено в рамках государственного задания МГУ имени М.В. Ломоносова.

The study was conducted under the state assignment of Lomonosov Moscow State University.

культурников с иностранными рабочими спортсменами являлись прежде всего способом завязать более тесные связи с ними с целью привлечения их на свою сторону и расширения благодаря этому рядов коммунистических сил, поэтому собственно результаты спортивных соревнований были не столь важны. Другой характерной чертой периода является наличие двух центров, организовывавших взаимодействие с рабочими командами из-за рубежа: это Красный спортивный интернационал и Высший совет физической культуры, которые находились в состоянии конфликта, из-за чего международные мероприятия часто срывались или не получали должного размаха. Поездка в Германию футбольной команды из Харькова в 1925 г. стала переломным моментом в процессе установления международных связей, который позволил советскому руководству осознать, насколько большой политический потенциал могут иметь победы в международных соревнованиях и правильно выстроенная пропагандистская компания вокруг них, что со временем станет активно использоваться для повышения престижа СССР в глазах мирового сообщества.

Ключевые слова: Красный спортивный интернационал, Коминтерн, Высший совет физической культуры, советский спорт, И.А. Жолдак, футбол.

Abstract. The objective of this study is to characterize the mechanisms and goals of the establishment and development of international relations of the Soviet physical culture movement in the first half of the 1920s as a significant component of cultural diplomacy. The focus is on international sports meetings in which Soviet athletes participated abroad, with a particular emphasis on the 1925 trip of Kharkov footballers, which was of special significance. The growing interest among researchers in the issues of cultural diplomacy is evident, with the majority of works focusing on the USSR's confrontation with the capitalist world in the sports sphere during the Cold War. However, it was in the 1920s that the institutional foundations of Soviet sport and the forms of its interaction with the outside world were formed. A distinctive characteristic of the period under consideration is the class approach to sport, within the framework of which the working-class physical culture movement was opposed to the bourgeois one. The primary objective of fostering proletarian sports was to cultivate combatants for imminent revolutionary confrontations. International sports meetings between Soviet and foreign proletarian athletes were primarily a means of forging closer ties with them in order to attract them to the Soviet side and thereby expand the ranks of the communist forces, so the actual results of sports competitions were not so important. A further distinctive characteristic of this period was the presence of two organizations, Red Sports International and the Supreme Council of Physical Culture, which were responsible for coordinating interactions with foreign workers' teams. However, these two entities often experienced discord, resulting in the disruption or inadequate promotion of international events. The 1925 football tour of the Kharkov team to Germany represented a pivotal moment in the development of international relations. This event provided the Soviet leadership with a valuable insight into the potential political benefits of triumphing in international sporting competitions, should these victories be accompanied by a well-executed propaganda campaign. Subsequently, these

events would be used to enhance the prestige of the USSR in the eyes of the world community.

Keywords: Red Sports International, Comintern, Supreme Council of Physical Culture, Soviet sport, I.A. Zholdak, football.

* * *

Активное поощрение развития физкультурного движения в Советском государстве стало неотъемлемой частью социальной политики, однако не менее важную роль в его развитии играло и то, что оно могло стать важным инструментом в достижении определенных целей на международной арене. По мере распространения спорта в Европе начиная со второй половины XIX в. победы спортсменов стали элементом престижа для государств, которые они представляли. Подобная тенденция актуальна и по сей день, когда политика и спорт тесно переплетаются, поэтому в последнее время всё чаще исследователи стали обращаться к истории спорта как важной составляющей культурной дипломатии СССР.

В большинстве случаев в центре внимания историков и политологов оказывается послевоенный период, когда советские спортсмены не сходили с пьедесталов крупнейших мировых спортивных первенств, включая и Олимпийские игры¹. Однако при рассмотрении этого вопроса необходимо помнить, что основа этого успеха была заложена еще до Второй мировой войны. С момента прихода большевиков к власти и до конца 1930-х гг. советское физкультурное движение прошло длительный и сложный путь от противопоставления на основе классового подхода мировому спортивному движению до осознания необходимости включения в него для создания положительного образа государства. На этом пути было несколько событий, которые заставили сначала руководителей советского физкультурного движения задуматься о том, какое громадное воздействие имеют спортивные победы на мировую общественность, а потом и убедить в этом высшее партийное руководство. Одним из таких событий была поездка в Германию футболистов из Харькова в 1925 г. В литературе всегда отмечалось ее особое значение², однако

¹ См. например: *Боголюбова Н.М., Николаева Ю.В.* Красный спортивный Интернационал и зарождение советской спортивной дипломатии // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 6. Политология. Международные отношения. 2012. Вып. 2. С. 107–114; *Куприянов А.И., Зубкова Е.Ю., Махаматуллин Т.А., Прокуменщиков М.Ю.* Советский спорт в контекстах холодной войны. М., 2023; *Прокуменщиков М.Ю.* Большой спорт и большая политика. М., 2004; *Brandenberger D.* Global and Transnational in Form, Soviet in Content: The Changing Semantics of Internationalism in Official Soviet Discourse, 1917–1991 // *Russian Review*. Vol. 80. Issue 4. 2021. P. 562–580; и др.

² *Аврус А.И., Васильев А.А.* Противостояние или сотрудничество: международные связи советский спортсменов в 1920-е гг. Саратов, 2002. С. 62–63.; *Деметр Г.С.*,

ни в советской, ни в современной историографии она не становилась объектом специального рассмотрения. А между тем изучение ее самой, а также обстоятельств, с ней связанных, может помочь выявить как характерные особенности метода построения международных связей в спортивной сфере в первой половине 1920-х гг., так и то, почему от него постепенно отказались.

Во внешнеполитической деятельности молодого Советского государства с самого начала его возникновения наметилось два прямо противоположных, конфликтующих между собой направления. С одной стороны, это стремление наладить международные связи и выйти из политической изоляции, добившись дипломатического признания, с другой же стороны — стремление осуществить мировую революцию. С идейной точки зрения, второе было первостепенным, однако практические нужды государства требовали налаживания взаимовыгодных экономических взаимоотношений для выживания молодой страны. Лозунги сталкивались с жизненными реалиями и заставляли корректировать курс.

За проведение внешней политики Советского государства отвечал Народный комиссариат иностранных дел (НКВД) во главе с Г.В. Чичериным³. Для поддержки и руководства коммунистическими силами, а также для подготовки мировой революции в Москве в 1919 г. был создан Коммунистический интернационал (Коминтерн, или III Интернационал). Ему противостояло сразу две силы в международном социалистическом лагере: II Интернационал, созданный еще 1889 г., по месту пребывания руководящих органов его еще называли Лондонским, и так называемый «Двухсполовинный» интернационал, куда вошли представители центристских партий, которые объединились в Вене в 1921 г. под официальным названием Международное рабочее объединение социалистических партий (МРОСП)⁴. Конфликт между этими тремя организациями имел место на протяжении всего существования Коминтерна, то обостряясь, то затухая. Социал-демократы обвиняли коммунистов в дестабилизации ситуации в Европе, а коммунисты социал-демократов — в том, что своей соглашательской политикой с буржуазными правительствами они препятствуют достижению социальной справедливости посредством совершения социалистической революции. Это противоре-

Горбунов В.В. 70 лет советского спорта: люди, события, факты. М., 1987. С. 34; *Козьмина В.П.* Международное рабочее спортивное движение после Великой Октябрьской социалистической революции (1917–1928) // Очерки по истории физической культуры. М., 1967. С. 185; *Кун Л.* Всеобщая история физической культуры и спорта. М., 1982. С. 270; и др.

³ Георгий Васильевич Чичерин занимал этот пост с 1918 по 1930 г.

⁴ *Ватлин А.Ю.* Коминтерн: идеи, решения, судьбы. М., 2009. С. 74.

яние развивалось в разных сферах, и спорт стал одной из площадок, где происходили открытые столкновения. Социал-демократы создали Люцернский спортивный интернационал (ЛСИ) в 1920 г.⁵, а в Москве в 1921 г. был основан Красный спортивный интернационал (КСИ), во главе которого встал Н.И. Подвойский. Причем обе организации противопоставляли себя буржуазному спорту, построенному, по их мнению, на извлечении прибыли и доступному в большей степени лишь обеспеченным людям. Но если ЛСИ ставил задачу повышения уровня физического здоровья рабочего, для чего боролся за открытие спортплощадок, доступных для массового посещения и т.п.⁶, то в уставе КСИ в качестве главной задачи организации была прописана подготовка рабочих к будущим революционным боям на баррикадах, увеличение рядов сторонников коммунистических партий за счет рабочих, увлеченных спортом⁷.

Советская физкультура была объявлена важным средством укрепления интернационального братства рабочих всего мира. Соответственно, для содействия ему предполагалось проводить дружеские встречи, путем как приглашения спортсменов из рабочих клубов и союзов к себе, так и отправки своих спортсменов за рубеж. Встречи с «буржуазными» спортсменами были строжайше запрещены, а спорт высоких достижений порицался как проявление индивидуализма. Международные встречи с рабочими спортсменами начинают проводиться с 1923 г.⁸ Организацией поездок занимаются две структуры: КСИ и Высший совет физической культуры РСФСР (ВСФК). Последний был создан сначала при Главном управлении Всеобщего военного обучения и формирования резервных частей Красной армии (Всеобуче) в 1920 г., а потом реформирован и подчинен ВЦИК в 1923 г. Он должен был координировать и руководить физкультурным движением, в его состав входили представители Наркоматов военного, внутренних дел, просвещения, здравоохранения, труда, а также ЦК РКП(б), Моссовета, профсоюзов и Комсомола⁹. С 1923 по 1926 г. им руководил Н.А. Семашко. ВСФК с 1923 г. вошел в состав КСИ как «русская секция». До него в этой роли выступал Российский союз красных организаций физической культуры (РСКОФК), во главе которого стоял Н.И. Подвойский, т.е. руководи-

⁵ После 1929 г. он стал называться Социалистический рабочий спортивный интернационал (САСИ).

⁶ Аврус А.И., Васильев А.А. Указ. соч. С. 24.

⁷ ГАРФ. Ф. Р7576. Оп. 2. Д. 2. Л. 2.

⁸ Деметр Г.С., Горбунов В.В. Указ. соч. С. 30.

⁹ Основные постановления, приказы и инструкции по вопросам советской физической культуры и спорта 1917–1957 гг. / Сост. И.Г. Чудинов. М., 1959. С. 9–11.

тель КСИ. Именно в своей среде РСКОФК должен был искать спортсменов для участия в международных встречах¹⁰. Изначально созданный на базе Комсомола он превращался в самостоятельную силу, неподотчетную ему, что и привело к ликвидации физкультурного союза. Когда же проблемами организации международных встреч вместо него занялся ВСФК, сразу же обозначился конфликт. Получалось, что о встречах договаривается КСИ, для которого главное — их международно-политическое значение, а команды комплектует ВСФК, который, естественно, в большей степени озабочен внутренними проблемами и формально, являясь секцией КСИ, вовсе не обязан его слушаться, поскольку реальным руководством для него был ВЦИК РСФСР. В довершении всего во главе двух структур стояли люди на дух друг друга не переносившие, конфликт между которыми в итоге разбирался на высшем партийном уровне в Центральной контрольной комиссии ВКП(б) в 1926 г.¹¹ Этот конфликт достиг высокой степени накала еще в 1924 г., когда один из членов Президиума ВСФК А.Г. Иттин в докладной записке потребовал, чтобы КСИ не вмешивался во внутренние вопросы и его компетенция ограничивалась лишь организацией международных соревнований¹². Связано это было с тем, что Подвойский пытался бороться с методами развития физической культуры в СССР, обвиняя в аполитичности руководство ВСФК, которое занимается развитием физкультуры в стране ради достижения высоких результатов¹³. По мнению руководства КСИ в этот период, физкультуру необходимо было развивать для воспитания в людях товарищеского духа, а, соответственно, международные встречи между рабочими спортивными командами должны были преследовать исключительно «боевые классовые политические цели», а не достижение побед¹⁴.

Примеры поездок советских команд за границу в 1923–1924 гг. показывают, что все попытки руководства КСИ влиять на их состав всегда были провальными. С первой же поездки 1923 г. обнаруживается разный подход у двух организаций к международным соревнованиям, которые еще долго будут поводом для обсуждения «нетерпимого положения» на заседаниях ИК КСИ. Основным яблоком раздора стала масштабная поездка футбольных команд по Фин-

¹⁰ РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 23. Д. 102. Л. 16.

¹¹ См. подробнее: *Хорошева А.В.* Становление советской физкультуры и противостояние Н.А. Семашко и Н.И. Подвойского // Реформы в повседневной жизни населения России: история и современность. Материалы междунар. науч. конф. / Отв. ред. В.А. Веремченко, В.Н. Шайдулов. Т. 2. СПб., 2020. С. 79–84.

¹² РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 23. Д. 284. Л. 86.

¹³ Там же. Ф. 613. Оп. 3. Д. 177. Л. 18, 28.

¹⁴ Там же. Ф. 537. Оп. 1. Д. 105. Л. 67.

ляндии, Швеции, Норвегии, Германии и Эстонии, а также участие русских конькобежцев в чемпионате мира в 1923 г. ВСФК отправил туда лучших из лучших, и это принесло результат. Была одержана серия побед, заставившая западную публику восторгаться: если накануне она была настроена скептически, и советских спортсменов рассматривали как обреченных на поражение, то после — как игроков мирового класса. Об этом с гордостью сообщалась на страницах советской периодической печати, а что еще важнее — о том, что победы были в основном заслугой «старых спортсменов из Москвы и Петрограда»¹⁵, которые пролетарским происхождением отнюдь не отличались и политические лозунги не произносили, для них была важна именно победа.

Даже спустя несколько лет, приглашая советские команды в Германию, немецкая сторона вспоминала восторг, который испытали зрители, наблюдавшие великолепную игру советских футболистов в Берлине в 1923 г.¹⁶ Для ВСФК было важно посмотреть уровень спортсменов, понять, на что можно рассчитывать, если выходить на мировые первенства. Проверить это было невозможно, если встречаться только с рабочими командами, уровень которых был весьма слаб, поскольку тренировались и играли они в свободное от работы время. Подтверждение этого можно найти в докладной записке Иттина, где он передает мнение части членов Президиума ВСФК, что раз СССР соревнуется с буржуазным миром во многих отраслях, так почему бы не соревноваться в спортивной сфере¹⁷. Главная же установка КСИ состояла в том, что встречаться с буржуазными спортсменами нельзя, необходимо проводить лишь дружественные встречи, объединяя рабочих на почве революционной классовой борьбы, а сами встречи не должны строиться на рекордсменстве, характерном для буржуазных соревнований¹⁸. Руководство Спортинтерна в итоге приняло решение бороться и передало материалы в Центральную контрольную комиссию РКП(б), особо акцентируя внимание на событиях в Эстонии, где советские футболисты из Ленинграда играли с буржуазным клубом «Меркурий», но припомнили футболистам и поведение в Германии, где они вели себя абсолютно аполитично, за это предлагалось их дисквалифицировать и запретить им выезд за границу¹⁹.

¹⁵ Суник А.Б. Очерки отечественной историографии истории физической культуры и спорта. М., 2010. С. 384.

¹⁶ ГАРФ. Ф. Р7576. Оп. 2. Д.24. Л.42, 72.

¹⁷ РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 23. Д. 284. Л. 85.

¹⁸ Там же. Ф. 537. Оп.1. Д.79. Л. 1–2.

¹⁹ Там же. Л. 66–67.

Следует отметить, что в Эстонию футболисты уехали без санкции ВСФК, подав напрямую документы в НКВД, очевидно, у них был свой спортивный интерес сыграть с сильным клубом; когда же в итоге разразился скандал, встречу разрешил лично Чичерин по согласованию с Семашко²⁰. В рассматриваемый период влияние Коминтерна на внешнеполитический курс молодого советского государства было достаточно серьезно. ВСФК после скандала вынужден был себя вести более осторожно и хотя бы формально согласовывать выезды спортсменов за границу с КСИ, но, как правило, к согласованию предлагались уже готовые списки, в которых трудно было хоть что-то поменять.

Новым раундом выяснения отношений между двумя организациями стала подготовка к поездке советских спортсменов в Берлин и Париж в 1924 г. В данном случае играть предстояло с рабочими командами, и потому КСИ решил максимально широко использовать эти мероприятия в пропагандистских целях. Дело в том, что еще в 1922 г. на II Конгрессе ЛСИ в Лейпциге было принято решение провести I Рабочую Олимпиаду во Франкфурте-на-Майне в 1925 г.²¹ С этого момента началась активная борьба КСИ за право участвовать в ней. Предполагалось, что масштаб события будет сопоставим с Олимпиадами, возрожденными Пьером де Кубертенем, и оно станет грандиозным ответом рабочего спорта буржуазному. Для Красного споргинтерна это был хороший повод показать себя и привлечь на свою сторону членов ЛСИ, таким образом увеличив свои ряды. Были заготовлены два сценария действий: если позовут, и если не позовут²². Все годы до момента проведения Рабочей Олимпиады прошли под знаком борьбы за участие в ней. Когда стало понятно, что руководство ЛСИ не уступит, стали активно продвигать мысль, что социалисты раскалывают единый рабочий фронт²³, и это давало свои ростки в сердцах рядовых участников рабочего движения. Симпатии к КСИ множилось, простым рабочим спортсменам было непонятно, почему не пускают представителей КСИ на Олимпиаду. И, конечно, в этой связи поездка футбольных команд в Берлин и Париж должна была окончательно склонить простых рабочих, неискушенных в политике, в пользу КСИ, поэтому с политической точки зрения состав направляемых команд должен был быть безукоризненным.

Однако на очередном заседании ИК КСИ его руководство вынужденно было констатировать, что состав сформированной ВСФК

²⁰ Там же.

²¹ Там же. Д. 73. Л. 11.

²² Там же. Д. 75. Л. 67.

²³ Там же. Д. 79. Л. 15; ГАРФ. Ф. Р7576. Оп. 2. Д. 21. Л. 23.

команды не вполне классово выдержан, среди них есть служащие и учащиеся. Но поскольку задерживать поездку нельзя, так как это может вызвать репутационные потери, то придется с этим согласиться, при условии, что все участники должны быть вызваны и проинструктированы относительно политических, организационных, денежных задач поездки, чтобы каждый член был ответственен за свои действия. Предполагалось дать практические указания не вступать в отношения с буржуазными организациями, давать интервью поручилось двум-трем хорошо подготовленным товарищам, запрещено требовать комфортных условий и пить алкоголь. Причем самыми важными политическими вопросами назывались проблема единого фронта и вопрос о Рабочей Олимпиаде²⁴. Но еще более интересна следующая ремарка: эта команда должна рассеять отрицательное впечатление на Западе от прежних посещений советских спортсменов и восстановить дружественное отношение к СССР²⁵. Из чего можно сделать вывод, что оно было не очень дружественным, и тому были причины. Очевидно, что встречи с буржуазными командами несмотря на запрет КСИ, участие в чемпионате мира по конькобежному спорту дискредитировали советских спортсменов в глазах социал-демократических рабочих организаций, ведь в их уставах это было строжайше запрещено. В условиях, когда КСИ активно боролся за расположение рабочих, используя спортивные соревнования как живую революционную пропаганду²⁶, надо было выглядеть образцово-показательно.

В итоге борьба вокруг этой поездки привела к ее срыву и очередному удару по репутации КСИ. Руководство ВСФК, возможно, устав от нападков и бесконечных условий Спортинтерна, просто предпочел никого не посылать. В архивных документах сохранилось донесение представителя КСИ из Германии, весьма эмоциональное, начинающееся со слов: «у люцернцев и без того нет недостатка в поводах к нападкам на нас...». Далее говорится о неспособности Москвы организовать футбольные состязания: о финансовых тяготах при организации спортивных мероприятий (необходимость арендовать спортивную площадку и т.п.), при том что футболисты в Германию так и не приехали, тяжелых переговорах с французами, на встречу с которыми команда также не прибыла. В конце автор замечает, что всё это вообще отбивает желание работать²⁷.

²⁴ РГАСПИ. Ф. 537. Оп. 1. Д. 82. Л. 3.

²⁵ Там же.

²⁶ Там же. Д. 105. Л.68.

²⁷ Там же. Д. 83. Л. 99–100.

Таким образом, к концу 1924 г. наметился явный кризис в деле установления международных связей с рабочими через спортивные мероприятия. Более того, агитационная компания за право участвовать в Рабочей Олимпиаде в 1925 г. провалилась, руководство ЛСИ заявило, что в ней могут участвовать лишь члены организации, предложив КСИ вступить в свои ряды, что заведомо было неприемлемо. Тем, кто не является членами ЛСИ, разрешалось лишь участие в парадах и манифестациях²⁸. I Рабочая Олимпиада прошла во Франкфурте-на-Майне летом 1925 г. По словам организаторов, в ней участвовало 60 тыс. человек от 12 наций²⁹. Такое большое число участников связано с тем, что считали и всех участников демонстраций, а не только спортсменов. Советская делегация выехала в Германию, надеясь, что под давлением рядовых членов ЛСИ она будет допущена к соревнованиям, но руководство данной организации даже не посчитало нужным вести переговоры³⁰.

В 1925 г. высшую степень раздражения у руководства КСИ также вызвала отправка весной этого года в Турцию «сборной СССР», состав которой не был согласован, из-за чего, по мнению Восточной комиссии Исполкома КСИ, все политические задания остались невыполнены. Более того, в этом же документе содержится обвинение в том, что это уже неоднократно повторялось, и при других поездках советских спортсменов за границу комиссия требовала поставить это на вид ВСФК, а ИК КСИ лучше контролировать его действия³¹. Однако проблема как раз и состояла в том, что контролировать ИК КСИ ВСФК просто не мог. Максимум, на что ВСФК обычно шел, — это согласование кандидатуры представителя Спортинтерна на время поездки для уже согласованного командного состава³². Что же хотел КСИ от команд? Особое внимание должно быть уделено классовому составу — ехать должны только рабочие или военнослужащие, хорошо подкованные политически и знающие основные лозунги красного спортивного движения; у команды должен быть староста, которому должны быть даны письменные инструкции со стороны руководящего органа о политических целях поездки в другую страну, кроме того, любая встреча допускалась только после санкции КСИ³³.

²⁸ ГАРФ. Ф. Р7576. Оп. 2. Д. 10. Л. 97.

²⁹ Там же. Д. 175. Л. 120.

³⁰ Известия. 1928. 11, 21 июля, 5 августа.

³¹ РГАСПИ. Ф. 537. Оп. 1. Д. 75. Л. 5.

³² Там же. Ф. М-1. Оп. 23. Д. 284. Л. 97.

³³ Там же. Ф. 537. Оп. 1. Д. 75. Л. 5.

На фоне всей этой череды неудач для КСИ в 1925 г. советским футболистам приходит приглашение от «Дрезденского рабочего клуба имени 1910» провести в Саксонии (Германия) серию матчей в Дрездене, Лейпциге и Хемнице (Кемнице)³⁴. Данный клуб был многократным победителем первенства рабочего спортивного союза Германии, более того, именно он стал победителем футбольного турнира на I Рабочей Олимпиаде³⁵, т.е. это была самая сильная рабочая футбольная команда Европы на тот момент. Приглашение подтвердили в общей сложности восемь рабочих спортивных клубов Саксонии³⁶. Упустить такой шанс было никак нельзя. Надо сказать, что Германия была одним из приоритетных направлений в деятельности КСИ. После подписания Рапалльского договора в 1922 г. между Советской Россией и Германией установился режим максимального благоприятствования в экономической сфере. Однако это не означало, что деятельность ячеек Коминтерна сошла на нет на германской территории, как раз наоборот. И задача состояла в том, чтобы привлечь на свою сторону как можно больше рабочих. Более того, в 1923 г. из-за действий правительства, во главе которого стоял В. Куно, в Германии стремительно нарастал кризис, и в руководстве Коминтерна всерьез заговорили о возможности «германского Октября», правда, это вызывало серьезное недовольство НКИД³⁷. Более того, когда события в Германии стали развиваться по нарастающей, именно на Саксонию делалась ставка как на регион, где революция сможет осуществиться³⁸. Но даже когда эти надежды рухнули и ситуация в Германии стабилизировалась, на Саксонию возлагались особые надежды, поскольку влияние коммунистов там было достаточно сильно. Призывы к образованию единого фронта были основой пропагандистской компании, как уже говорилось выше.

Для реализации этой задачи активно привлекался и Красный спортивный интерн. Несмотря на активную деятельность на территории Германии, на тот момент КСИ так и не удалось создать там свою секцию. Однако, как следует из донесений, в Рабочем спортивно-гимнастическом союзе Германии (АТВ), члене ЛСИ, существовала оппозиция, составлявшая примерно 25% его членов, т.е. примерно 625 тыс. человек³⁹, правда, в другом месте была указана цифра 100 тыс. чело-

³⁴ ГАРФ. Ф. Р7576. Оп. 2. Д. 21. Л. 145.

³⁵ Аврус А.И., Васильев А.А. Указ. соч. С. 62.

³⁶ Кун Л. Указ. соч. С. 270.

³⁷ Ватлин А.Ю. Указ. соч. С. 106–107.

³⁸ Там же. С. 116–120.

³⁹ РГАСПИ. Ф. 537. Оп.1. Д. 82. Л. 85.

век⁴⁰. Эту группу руководство КСИ рассматривало как свою фракцию и надеялось со временем добиться ее увеличения и выхода из ЛСИ и превращения в полноценную секцию КСИ. В этой связи приглашение от «Дрезденского рабочего клуба имени 1910» было чрезвычайно важно, поскольку инициатива исходила от немецкой стороны, и это наносило серьезный удар по авторитету ЛСИ. Осознавая это, руководство последнего развернуло масштабную борьбу против приезда советской команды. АТВ выступило категорически против проведения матчей, пригрозив командам, которые сыграют с советскими спортсменами, исключением из организации⁴¹. Однако это не пугало футбольный клуб Дрездена, более того, желание сыграть проявили и ряд других рабочих футбольных команд Саксонии.

Чтобы решить эту проблему, была созвана конференция Дрезденского спортивного союза, где обсуждалась сложившаяся ситуация и возможные пути ее разрешения. Надо сказать, что не сдавалась ни та, ни другая сторона. АТВ запретил присутствовать на этих соревнованиях представителям других спортивных союзов Германии, пригрозив им исключением в случае нарушения запрета, в ответ Дрезденский спортивный союз объявил их в двойных стандартах, припомнив, что в 1923 г. встреча в Берлине со сборной РСФСР была санкционирована общегерманским союзом. По итогам голосования на конференции было решено встречи проводить (41 голос «за» и 16 «против»)⁴². В дальнейшем этот момент был многократно использован в коммунистической печати Германии («Роте Фане», «Форвертс», «Дер Кемпфер»), где доказательством двойных стандартов также назывались встречи с рабочими командами из Франции и Англии, не входящими в ЛСИ, и даже с венгерской буржуазной командой⁴³.

Таким образом, для советской стороны это стало важным шансом продемонстрировать свое расположение к рабочим спортсменам Германии и склонить их на свою сторону, т.е. это должно было стать важным практическим шагом в компании по борьбе за единство рабочего спорта⁴⁴. Поэтому к подбору команды отнеслись с особым вниманием. Изначально было решено отправить туда команду из Закавказья (преимущественно из грузин). По мнению советского руководства, такая команда помогла бы разоблачить господствующие на Западе убеждения, что Закавказье находится на особом положении, что там царит террор и т.п., кроме того, выбор многонациональной

⁴⁰ Там же. Л. 86.

⁴¹ ГАРФ. Ф. Р7576. Оп. 2. Д. 21. Л. 19.

⁴² Там же. Л. 55–56, 75.

⁴³ Там же. Л. 24, 55–56, 62, 72 и др.

⁴⁴ Там же. Д. 24. Л.18.

команды (7 национальностей) должен был лучше работать на развитие идей интернационализма⁴⁵. На эту команду возлагали огромные надежды с точки зрения политического резонанса. Дело в том, что когда в 1922 г. руководство Интернационалов всерьез обсуждала идею объединения, одним из главных камней преткновения стал вопрос о Грузии, где в 1921 г. под ударами Красной армии пало меньшевистское правительство, и в дальнейшем представители социалистических Интернационалов требовали образования специальной комиссии для изучения положения в Грузии⁴⁶. Футбольная команда из Закавказья должна была продемонстрировать единение народов региона и стать живым опровержением упреков в ущемлении интересов народов Кавказа. Однако в Грузии не особо торопились с подготовкой. Сохранилась весьма эмоциональная переписка ВСФК Закавказья и ИК КСИ о подготовке и отправке команды⁴⁷. Тогда для подстраховки решили подготовить к отправке сборную Украины, в реальности состоявшую из футболистов Харькова. В составе команды было 17 рабочих и один врач⁴⁸. Правда, в итоге в Москву прибыло сразу две команды. Окончательный выбор сделала сама жизнь: грузинам в визах отказали, а харьковчанам их дали⁴⁹.

С точки зрения руководства КСИ, всё должно было быть проведено безукоризненно. Принципы формирования состава команды, инструкции по поведению матчей, а также сопровождение лицом, хорошо подготовленным по политической линии, — всё это было соблюдено. По документам все футболисты были рабочими, им даны были необходимые инструкции, а также они получили красное знамя, которое было необходимо вручить немецким рабочим, к ним был приставлен хорошо подкованный по политической линии руководитель⁵⁰. Им был назначен Иван Афанасьевич Жолдак. Поскольку в успехе этой поездки он сыграл не последнюю роль, о нем следует сказать несколько слов. В Российском государственном архиве социально-политической истории в фонде Коминтерна (Ф. 495) сохранилось его личное дело. Из него следует, что в спортивную сферу он пришел как партийный деятель и всегда смотрел на нее глазами политика. Иван Афанасьевич родился в 1900 г. в Харьковской губернии в семье рабочего. К моменту революции у него за спиной была сельская школа, Лебединское начальное училище, а также вечерние

⁴⁵ ГАРФ. Ф. Р7576. Оп. 2. Д. 24. Л. 17.

⁴⁶ Ватлин А.Ю. Указ. соч. С. 92, 98.

⁴⁷ ГАРФ. Ф. Р7576. Оп. 2. Д. 24. Л. 67, 70–74.

⁴⁸ Красный спорт. 1925. 13 сентября.

⁴⁹ РГАСПИ. Ф. 537. Оп. 1. Д. 103. Л. 52; ГАРФ. Ф. Р7576. Оп. 2. Д. 21. Л. 119, 138.

⁵⁰ ГАРФ. Ф. Р7576. Оп. 2. Д. 21. Л. 118, 128, 132; Там же. Д. 25. Л. 91.

классы гимназии, параллельно он работал в военном госпитале санитаром и переписчиком в сберегательной кассе. Его отец участвовал в октябрьском восстании в Москве, и он сам не отставал от него. Уже в 1917 г. он воевал в рядах Красной гвардии, а также был одним из инициаторов создания в г. Лебедин Социалистического союза молодежи, уже в январе 1918 г. был принят в члены партии большевиков и активно занимался партийной работой на посту секретаря комитетов партии сначала Купянского, а потом Валковского уездов, при этом он еще возглавлял комиссию по борьбе с бандитизмом. Его карьера пошла в гору, когда в 1924 г. он стал секретарем Харьковского губернского комитета Комсомола. Тогда же он стал во главе совета по физической культуре (СФК) Харькова, тогдашней столицы Украинской ССР⁵¹.

То, что ехал именно руководитель харьковского СФК, говорит о значимости поездки. По решению Президиума ВСФК Украины вокруг поездки была развернута широкая агитационная компания как в прессе, так и на предприятиях⁵². О выезде команды Харькова в Германию было сообщено на страницах газеты «Правды»⁵³. Надо отметить, что не только советской стороной команда воспринималась прежде всего как политический эмиссар, эта мысль активно продвигалась и на страницах немецкой коммунистической печати, где футболистов из Харькова чаще называли «русскими товарищами», посланцами первого в мире рабоче-крестьянского государства, «русскими братьями», которые распространяют «правду о Советской России»⁵⁴.

О самом ходе поездки можно узнать из наиболее массовой на тот момент спортивной советской газеты «Красный спорт». Уделила особое внимание поездке и газета «Комсомольская правда». Сложности с визами были разрешены не сразу, и потому футболисты приехали несколько позже намеченного срока. В Германии они в итоге провели три недели. На вокзале в Дрездене их встречали тысячи рабочих и наряд полиции, по словам Жолдака, весь период пребывания они находились под надзором ее сотрудников⁵⁵. На страхе «буржуазного мира» относительно возможного выхода из под контроля рабочих, встречающих футбольную команду из СССР, акцентирует внимание своих читателей и «Комсомольская правда»⁵⁶. Активно на приезд со-

⁵¹ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 65а. Д. 4594. Л. 47.

⁵² ГАРФ. Ф. Р7576. Оп. 2. Д. 25. Л. 91

⁵³ Правда. 1925. 22 августа.

⁵⁴ ГАРФ. Ф. Р7576. Оп. 2. Д. 21. Л. 59, 60, 63, 64, 78 и др.

⁵⁵ Красный спорт. 1925. 27 сентября.

⁵⁶ Комсомольская правда. 1925. 3 сентября.

ветских футболистов реагировала немецкая печать, так, в «Красном спорте» с большой гордостью сообщалось, что в левой прессе были размещены приветственные статьи и заметки, а особенно много внимания им уделила «Роте Фане»⁵⁷, газета компартии Германии.

И игра, и поведение спортсменов должны были быть образцовыми, а главное — они должны были побеждать. Недаром выбор пал на футбольную команду Харькова, в 1924 г. победившую в общесоюзном футбольном турнире, который проводился в рамках II Всесоюзного праздника физкультуры. Однако начало для советских спортсменов оказалось неудачным, первый матч с «Дрезденским рабочим клубом имени 1910» они проиграли со счетом 3:1. Советская печать осветила этот матч бегло, сославшись на то, что футболисты были крайне усталыми после дороги. Однако после первой неудачи всё наладилось. Все остальные встречи с саксонскими рабочими командами были выиграны, но главное — успех был достигнут и на завершающей повторной встрече с командой «Дрезденского рабочего клуба имени 1910», о чем с восторгом и сообщил своим читателям «Красный спорт»⁵⁸.

Если от футболистов требовалось побеждать и безупречно себя вести, то от сопровождающего их Жолдака — создать максимально привлекательный образ советской футбольной команды, отражающий положительный облик советского государства, и он с этим великолепно справился. О чем не без гордости сообщил по возвращении на физкультурном митинге, устроенном КСИ, ВСФК, МСФК в помещении Коммунистического университета трудящихся Востока в честь украинской команды футболистов. На этот раз все стороны были удовлетворены результатами: ВСФК — победами, КСИ — политическим резонансом.

Футболисты торжественно вручили дрезденскому клубу красное знамя, посещали заводы и фабрики и, конечно, произносили там политически правильные речи, в том числе дали отпор тем, кто надялся на возвращение национализированного имущества⁵⁹. В коммунистической прессе Германии эти сюжеты еще более подробно описаны. Очень много внимания было уделено визитам на предприятия, которые также превращались в политические митинги. Например, вопрос директора типографии, потерявшего в России фабрику по производству роялей, не будут ли возвращать имущество, и ответ одного из членов команды: «О, нет, рабочие крепко держат предприятия в своих руках», был растиражирован во многих статьях

⁵⁷ Красный спорт. 1925. 13 сентября.

⁵⁸ Там же.

⁵⁹ Там же.

и воспринимался как стимул для рабочих в их борьбе. Также в этих публикациях особо подчеркивалось, что после завершения матчей устраивались вечера, посетить которые было столько желающих, что приходилось закрывать залы. Кроме торжественных речей руководителя команды и представителей принимающей стороны, всем запомнились дружеские беседы, в которых немецких рабочих прежде всего интересовал уровень жизни в советском государстве⁶⁰.

Последнее хорошо перекликается с тем, что описывает Жолдак в своем выступлении на митинге, утверждая, что удалось наладить контакт с немецкими рабочими, с которыми проводились душевные беседы в непринужденной обстановке, и на тысячу заданных вопросов они получали убедительные ответы, удивляясь, как вырос уровень жизни и заработной платы в СССР. Таким образом, подводил итог докладчик, «словом мы разбивали восемь лет лжи об ужасах большевизма»⁶¹.

Жолдак также сообщил, что в социал-демократической и буржуазной печати развернулась компания по дискредитации победоносной советской команды — футболистов обвиняли в том, что они на самом деле являются скрытыми профессионалами, а не спортсменами-любителями, таким образом пытаясь перечеркнуть престиж завоеваний в социальной сфере страны трудящихся, обеспечивающей своим рабочим такие условия жизни и труда, что они побеждают с такой легкостью. Поведал Жолдак и о том, что нашел выход: подгадав момент во время экскурсии по предприятию, один из советских футболистов Капустин встал за токарный станок и выполнил работу немецкого рабочего легко и непринуждённо⁶².

Надо сказать, что эти обвинения зарубежной прессы не были бесосновательными. По мере того, как развивалось физкультурное движение в СССР, профсоюзы, которые играли в нем одну из главных ролей, активно соперничали между собой за престиж, приносимый победами, а потому подающих надежды спортсменов освобождали от работы, они лишь числились слесарями, токарями и т.д., в реальности же они полностью отдавали себя тренировкам и лишь раз в месяц приходили за зарплатой на предприятие. Неофициальная борьба за лучших игроков, переманивание их из команды в команду, «черная» оплата, улучшение жилищных условий — всё это открыто обсуждалось в советской печати и было обычным явлением, начиная с момента введения новой экономической поли-

⁶⁰ ГАРФ. Ф. Р7576. Оп. 2. Д. 21. Л. 26, 56, 59, 62, 76, 83 и др.

⁶¹ Красный спорт. 1925. 27 сентября.

⁶² Там же.

тики⁶³. Но на официальном уровне подобные факты отрицались, и на международной арене советские спортсмены позиционировались исключительно как любители. Надо отметить, что старания Ивана Афанасьевича увенчались успехом: даже в социал-демократической печати констатировали, что толки, будто русские являются профессионалами, оказались выдумкой⁶⁴.

Рассказал И.А. Жолдак и еще об одном интересном случае, наделавшем много шума. Секретарь коммунистической фракции в Саксонском парламенте пригласил футбольную команду в Государственную оперу в Дрездене, причем в правительственную ложу. В результате футболисты и их сопровождающий смотрели оперу, а весь театр на них. На следующий день в парламенте разразился скандал по этому поводу, и тогда секретарь коммунистической фракции заявил, что он имеет право приглашать родных в государственную ложу, а советские футболисты ему самая близкая родня⁶⁵. Со слов Жолдака, политический резонанс был огромен. И если до этого бурно обсуждался визит только в узких кругах, то теперь о нем заговорили все. Эта история не фигурирует в газетных заметках немецкой печати, что хранятся в документах ВСФК в ГАРФ. Трудно сказать, насколько руководитель команды приукрасил триумфальные результаты поездки. Однако, даже если поставить эту историю под сомнение, успех визита футбольной команды из Украины был просто огромен. Симпатии рабочих явно были на стороне советских футболистов, а АТВ выглядел однозначно неприглядно, как сила, препятствующая единству рабочего движения. Восторг немецких рабочих по поводу великолепной игры советских футболистов, которой не могли помешать ни дождь, ни ветер, соединялись с восторгом от образа государства социальной справедливости, представителями которого были футболисты. Так что Жолдак, скорее всего, не лукавил, когда говорил о радушии рабочих и тысячах адресов, которых они увезли домой, а также о враждебности буржуазии, представители которой выходили из трамвая, когда туда заходили советские спортсмены⁶⁶. Хотя очевидно, что состоятельные граждане на трамвае не ездят, и скорее это были представители средних слоев населения. Опыт Ивана Афанасьевича на поприще комсомольской работы позволил ему справиться со всеми политическими задачами, что были поставлены перед ним, в том числе в деле дискредитации АТВ. Так, напри-

⁶³ Бутов С.В. Развитие советского футбола (1921–1941 гг.): дис. ... канд. ист. наук. Красноярск, 2007. С. 59–60.

⁶⁴ ГАРФ. Ф. Р7576. Оп. 2. Д. 21. Л. 87.

⁶⁵ Красный спорт. 1925. 27 сентября.

⁶⁶ Там же.

мер, он составил письмо с просьбой о встрече в адрес руководства Союза и вполне закономерно получил отказ⁶⁷, что позволило ему еще лучше изобличать «раскольнический дух» лидеров социалистов.

Если для советской стороны визит харьковской команды имел самые позитивные последствия, то для команд из Саксонии это повлекло санкции со стороны Германского союза. Руководство АТВ не решилось исключить сразу восемь саксонских рабочих клубов, понимая, что это может их подтолкнуть к присоединению к КСИ, поэтому была наложена трехмесячная дисквалификация на всех игроков, судей и руководство рабочих клубов, участвовавших в матчах с советскими футболистами⁶⁸. Однако эффект оказался обратным, и многие рабочие клубы провели игры в знак солидарности со спортивным клубом Дрездена, что автоматически привело их к исключению. Сам дрезденский клуб оказался в крайне затруднительном положении, поскольку не мог играть, а значит получать доход от матчей, и платить по кредиту, взятому на строительство стадиона. Тогда по всей Германии были организованы матчи солидарности для сбора средств. Однако собранной суммы не хватило, чтобы выплачивать кредит, и поэтому руководство клуба обратилось с письмом к советской стороне с просьбой выдать долгосрочный займ, причем в этом послании Жолдак фигурирует как «друг»⁶⁹, что говорит о высокой степени расположения к нему саксонских рабочих. Надо сказать, что это «звание» он оправдал и на заседаниях Президиума ВСФК Украины и в докладных записках всячески призывал эту помощь оказать, подчеркивая в том числе политические последствия, если этого сделано не будет, — ведь немецкий клуб пострадал из-за того, что участвовал в соревнованиях с советской командой⁷⁰. В итоге помощь было решено оказать, но не от лица ВСФК Украины как правительственной организации, а от лица трудящихся масс путем сбора пожертвований и отчислений доли платных матчей⁷¹, что и было сделано. Это еще больше укрепило симпатии рабочих Саксонии к КСИ и, конечно же, к самому СССР.

Таким образом, руководство АТВ и ЛСИ оказалось в невыгодной роли обидчика, а КСИ — благородного и великодушного участника международного рабочего спортивного движения, что позволило последнему расширить число сочувствующих организации в Германии многократно. Победа стала еще более ощутима, когда под

⁶⁷ ГАРФ. Ф. Р7576. Оп. 2. Д. 21. Л. 41.

⁶⁸ Там же. Д. 25. Л. 46.

⁶⁹ Там же. Л. 46.

⁷⁰ Там же. Л. 43–45.

⁷¹ Там же. Л. 59.

давлением общественности Национальное управление футболом АТВ 15 ноября 1925 г. за шесть недель до конца наложенных санкций сняло их с клуба. Уступить пришлось и руководству ЛСИ. В октябре 1925 г. в Париже состоялся конгресс ЛСИ, где активно обсуждалась идея единства КСИ и ЛСИ⁷², впрочем, едва ли реализуемая на практике, что и показали прения на конгрессе. Однако для смягчения негативного образа, который был создан благодаря событиям, связанным с визитом футболистов из Харькова, и для восстановления согласия в своих рядах руководство ЛСИ было вынуждено принять решение о необходимости совместных с КСИ спортивно-гимнастических выступлений. Это стало настоящим прорывом для Москвы, которым она активно воспользовалась. Уже в 1926 г. количество международных встреч многократно возросло⁷³, а новый 1926 год стартовал со знаковой встречи рабочих сборных Парижа и Москвы, причем последняя победила со счетом 0:5. Более того, в 1926 г. ВСФК заключил договор с АТВ о соревнованиях⁷⁴. Признавая очевидный успех поездки харьковской команды, руководство КСИ присвоило ей звание «Первая пролетарская футбольная команда имени Красного спортинтерна»⁷⁵.

Конечно, на этом противостояние КСИ и ЛСИ не прекратилось, а лишь затихло на какое-то время, но опыт удачной поездки заставил задуматься о проблеме проведения международных соревнований. Очевидно, что это в какой-то мере подтолкнуло руководство КСИ к смене тактики, показав, насколько важно не просто организовывать спортивные мероприятия и проводить пропагандистские акции, но и добиваться спортивных побед, являющихся практическим доказательством превосходства советского государства, которое позволяет своим гражданам быть успешными во всем. Изменила эта поездка и жизнь Жолдака, который благодаря ей был замечен в Москве и переведен на работу в столицу, где стал заведующим агитпропом ЦК ВЛКСМ в 1926–1927 гг., затем с 1927 г. занял должность секретаря ИК КСИ, а вскоре стал фактическим руководителем Красного спортинтерна⁷⁶. На этом посту он всегда будет руководствоваться, прежде всего, политической целесообразностью, превращая спортивные мероприятия и победы в них в политические заявления, чем выведет работу КСИ на совершенно новый уровень. Он осознал власть спортивных побед над людьми в Европе, о чем свидетельству-

⁷² Козьмина В.П. Указ. соч. С. 187.

⁷³ Там же.

⁷⁴ Деметр Г.С., Горбунов В.В. Указ. соч. С. 40, 42.

⁷⁵ Там же. 34.

⁷⁶ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 65а. Д. 4594. Л. 47.

ет его фраза, написанная в 1930 г. в письме к руководству ВСФК при ЦИК СССР: «для очень и очень многих людей (на Западе. — А.Х.) спорт является своего рода ареной борьбы за людские души»⁷⁷. Для ВСФК успех поездки харьковских футболистов только укрепил установку на достижение высоких результатов и увеличения количества встреч, в том числе с «буржуазными» спортсменами⁷⁸. Конфликт между КСИ и ВСФК продолжал развиваться. И даже успех в Саксонии стал новым поводом для выяснений отношений: стороны еще очень долго спорили, кто же должен погасить долг, образовавшийся от поездки футбольной команды в Германию⁷⁹.

References

Avrus A.I., Vasil'yev A.A. *Protivostoyaniye ili sotrudnichestvo: mezhdunarodnyye svyazi sovetskikh sportsmenov v 1920-ye gg.* [Opposition or Co-operation: International Relations of Soviet Athletes in the 1920s]. Saratov: Izdatel'stvo Saratovskogo universiteta, 2002. 98 p.

Bogolyubova N.M., Nikolayeva Yu.V. *Krasnyy sportivnyy Internatsional i zarozhdeniye sovetskoy sportivnoy diplomatii* [Red Sports International and the Emergence of Soviet Sports Diplomacy] // *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Series 6. Politologiya. Mezhdunarodnyye otnosheniya.* 2012. Issue 2. P. 107–114.

Brandenberger D. *Global and Transnational in Form, Soviet in Content: The Changing Semantics of Internationalism in Official Soviet Discourse, 1917–1991* // *Russian Review.* 2021. Vol. 80. Issue 4. P. 562–580.

Butov S.V. *Razvitiye sovetskogo futbola (1921–1941 gg.): dissertatsiya ... kandidata istoricheskikh nauk* [The Development of Soviet Football (1921–1941): PhD Candidate in History Dissertation]. Krasnoyarsk: Krasnoyarskiy gosudarstvennyy pedagogicheskiy universitet, 2007. 181 p.

Demeter G.S., Gorbunov V.V. *70 let sovetskogo sporta: lyudi, sobytiya, fakty* [70 Years of Soviet Sport: People, Events, Facts]. Moscow: Fizkul'tura i sport, 1987. 237 p.

Khorosheva A.V. *Stanovleniye sovetskoy fizkul'tury i protivostoyaniye N.A. Semashko i N.I. Podvoyskogo* [The Formation of Soviet Physical Culture and the Opposition of N.A. Semashko and N.I. Podvoyskiy] // *Reformy v povsednevnoy zhizni naseleniya Rossii: istoriya i sovremennost'. Materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii* [Reforms in the Everyday Life of the Russian Population: History and Modernity. *Acta of the International Scientific Conference*] / Ed. by V.A. Veremenko, V.N. Shaydurov. Vol. 2. Saint Petersburg: LGU imeni A.S. Pushkina, 2020. P. 79–84.

Koz'mina V.P. *Mezhdunarodnoye rabochiye sportivnoye dvizheniye posle Velikoy Oktyabr'skoy sotsialisticheskoy revolyutsii (1917–1928)* [International Proletarian Sports Movement after the Great October Socialist Revolution (1917–1928)] // *Ocherki po istorii fizicheskoy kul'tury* [Essays on the History of Physical Culture]. Moscow: Fizkul'tura i sport, 1967. P. 164–198.

⁷⁷ Там же. Оп. 25. Д. 1324. Л. 48.

⁷⁸ Там же. Ф. М-1. Оп. 23. Д. 648. Л. 45.

⁷⁹ ГАРФ. Ф. Р7576. Оп. 2. Д. 25. Л. 37,38, 57, 58, 86.

Kun L. *Vseobshchaya istoriya fizicheskoy kul'tury i sporta* [General History of Physical Culture and Sport]. Moscow: Raduga, 1982. 399 p.

Kupriyanov A.I., Zubkova E.Yu., Makhamatulin T.A., Prozumenshchikov M.Yu. *Sovetskiy sport v kontekstakh kholodnoy voyny* [Soviet Sport in the Contexts of the Cold War]. Moscow: Ves' mir, 2023. 488 p.

Prozumenshchikov M.Yu. *Bol'shoy sport i bol'shaya politika* [Top-Class Sports and Big-League Politics]. Moscow: ROSSPEN, 2004. 462 p.

Sunik A.B. *Ocherki otechestvennoy istoriografii istorii fizicheskoy kul'tury i sporta* [Essays on the Russian Historiography of Physical Culture and Sport]. Moscow: Sovetskiy sport, 2010. 615 p.

Vatlin A.Yu. *Komintern: idei, resheniya, sud'by* [Comintern: Ideas, Decisions, Fates]. Moscow: ROSSPEN, 2009. 374 p.

Поступила в редакцию
6 мая 2024 г.

DOI: 10.55959/MSU0130-0083-8-2024-65-5-118-132



М.Н. Бахматова

ПЛЮРАЛИЗМ И ДИАЛОГ В ДУХОВНОМ НАСЛЕДИИ РИМСКИХ ПАП ИОАННА XXIII И ПАВЛА VI

M.N. Bakhmatova

PLURALISM AND DIALOGUE IN THE SPIRITUAL HERITAGE OF THE POPES JOHN XXIII AND PAUL VI

Аннотация. В статье рассматривается вопрос о формировании концепции диалога и плюрализма в духовном наследии римских пап Иоанна XXIII и Павла VI. Второй Ватиканский собор (1962–1965) инициировал процесс так называемого аджорнаменто, т.е. обновления разных аспектов католического учения, и поставил вопрос о пересмотре принципов отношений Римско-католической церкви с современным обществом. Для достижения поставленных собором целей необходимо было изменить стратегию и тактику коммуникации, что было невозможно без признания таких неотъемлемых атрибутов современного общества, как плюрализм и диалог. Оба этих слова входят в лексикон римских пап Иоанна XXIII и Павла VI, которые в своих энцикликах и посланиях выстраивают особую семантическую рамку вокруг данных, казалось бы, хорошо понятных концептов. Так, католический плюрализм не подразумевает множественности и равноправности компонентов, составляющих общество, а подразделяется на легитимный и нелегитимный, причем критерием легитимности становится, по сути, непрерываемое определение Святого Престола. Диалог, предполагающий равенство сторон, в папских документах сводится к изысканному риторическому и тактическому приему для достижения неизменной цели восста-

Бахматова Марина Николаевна, кандидат исторических наук, доцент, заместитель заведующего кафедрой этнологии исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

Bakhmatova Marina Nikolayevna, PhD Candidate in History, Associate Professor, Deputy Head, Department of Ethnology, Faculty of History, Lomonosov Moscow State University

mbakhmatova@gmail.com

ORCID: 0000-0003-0189-3050

Исследование выполнено в рамках государственного задания МГУ имени М.В. Ломоносова

The study was conducted under the state assignment of Lomonosov Moscow State University

новления единства христианского мира под паллием папы. Таким образом, речь идет о развороте Римско-католической церкви к своего рода реальной политике в отношениях с изменившимся миром, но при сохранении неизменных целей миссионерского характера. Однако подобный прагматичный подход таит в себе и некую двойственность, ибо обеспечивает большую широту маневра именно понтифику, который единолично определяет рамки допустимого как для установления степени легитимности плюрализма, так и для расширения или сужения таргетов, форм и методов ведения диалога. Особенно ярко это проявилось при римском папе Франциске с его открытостью к нехристианским культам и альтернативным моделям общественных отношений, что вызвало неоднозначную реакцию как паствы, так и католического клира.

Ключевые слова: Римско-католическая церковь, плюрализм, диалог, люди доброй воли, Второй Ватиканский собор, аджорнаменто, политика мягкой силы.

Abstract. The article explores the formation of the concepts of dialogue and pluralism as they relate to the spiritual heritage of Popes John XXIII and Paul VI. The Second Vatican Council (1962–1965) initiated the process of the so-called *aggiornamento*, i.e. the renewal of various aspects of Catholic teaching, and raised the question of revising the principles of relations between the Roman Catholic Church and modern society. Achieving the objectives of the Council necessitated a shift in the approach and tactics employed in communication, a transformation that could not be realized without acknowledging the indispensability of modern concepts such as pluralism and dialogue. These terms feature prominently in the vocabularies of Popes John XXIII and Paul VI, who, through their encyclicals and messages, have constructed a distinctive semantic framework around these concepts. The Catholic conception of pluralism does not imply plurality and equality of the components that make up society, but is divided into legitimate and illegitimate, with the criterion of legitimacy being defined by the unquestionable authority of the Holy See. The dialogue, which is predicated on the equality of the parties involved, is, in papal documents, reduced to a refined rhetorical and tactical device to achieve the unchanging goal of restoring the unity of the Christian world under the pope's authority. This represents a shift in the Roman Catholic Church towards a form of *realpolitik* in its global relations, while maintaining its missionary objectives. However, this pragmatic approach is also characterized by a certain degree of ambivalence, as it grants the pontiff greater discretion in determining the limits of what is permissible, both in establishing the legitimacy of pluralism and in expanding or narrowing the targets, forms and methods of dialogue. This ambivalence was particularly evident during Pope Francis's papacy, as evidenced by his openness to non-Christian spiritualities and alternative models of social organization, which elicited a range of reactions from both the general public and the Catholic clergy.

Keywords: Roman Catholic Church, pluralism, dialogue, people of goodwill, Second Vatican Council, *aggiornamento*, soft power politics.

В наши дни открытость Римско-католической церкви (РКЦ) к диалогу с гражданским обществом, а также некатолическими конфессиями и представителям других религий ни у кого не вызывает удивления и считается само собой разумеющимся фактом, особенно с приходом на папский престол в 2013 г. папы Франциска. Подвергаются сомнениям не столько отношения с иными культурами и культурами, сколько границы допустимого в рамках католических практик, имеющих межрелигиозный характер, как это, например, показала полемика о молебне с участием папы Франциска перед статуей андской богини Пачамамы, имевшем место в ходе Амазонского синода РКЦ 2019 г.¹ Довольно неоднозначно воспринимаются верующими и новые этические и догматические горизонты, открывшиеся в документах Ватикана последних десяти лет, таких как энциклика по экологической повестке “*Laudato si*” (2015)², апостольское обращение о брачно-семейных отношениях “*Amoris laetitia*” (2016)³, не говоря уже о нашумевшей декларации от 18 декабря 2023 г. за подписью кардинала В.Э. Фернандеса “*Fiducia supplicans*”⁴, в которой разъясняется вопрос и возможности со стороны священников давать свое благословение людям, состоящим в однополой любовной связи. Чтобы лучше понять истоки подобных явлений необходимо обратиться к истории РКЦ прошлого столетия, особенно связанной с рецепцией наследия Второго Ватиканского собора (1962–1965), наметившего кардинальные сдвиги во многих сферах католической традиции и социальной доктрины, что получило название «аджорнаменто» (обновление).

Одним из важнейших итогов Собора стал поворот к диалогу и принятию того факта, что современное общество по своей природе плюралистично. Это нашло отражение в пастырской консти-

¹ *Amato G.* I cinque inganni della #Pachamama / Cultura cattolica.it. — URL: <https://www.culturacattolica.it/attualita/C3%A0/in-rilievo/ultime-news/2019/11/14/i-cinque-inganni-della-pachamama> (дата обращения 02.02.2024).

² *Francisci summi pontificis litterae encyclicae “Laudato si” de communi domo colenda.* — URL: https://www.vatican.va/content/francesco/la/encyclicals/documents/papa-francesco_20150524_enciclica-laudato-si.html (дата обращения 02.02.2024).

³ *Francisci pp. Summi pontificis adhortatio apostolica post-synodalis “Amoris laetitia” episcopis resbyteris diaconis personis consecratis christianis coniugibus omnibus christifidelibus de amore in familia.* — URL: https://www.vatican.va/content/francesco/la/apost_exhortations/documents/papa-francesco_esortazione-ap_20160319_amoris-laetitia.html (дата обращения 02.02.2024).

⁴ *Dichiarazione “Fiducia supplicans” sul senso pastorale delle benedizioni del Dicastero per la Dottrina della Fede, 18.12.2023.* — URL: <https://press.vatican.va/content/salastampa/it/bollettino/pubblico/2023/12/18/0901/01963.html> (дата обращения 02.02.2024).

туции “*Gaudium et spes*” (1965)⁵. Подобного рода «онтологический» сдвиг неразрывно связан с деятельностью двух пап — Иоанна XXIII (1958–1963 гг.) и Павла VI (1963–1978 гг.). Эти понтификаты, завершившие долгую и консервативную, по своей сути, «эпоху Пиев»⁶, показали, что охранительная и сдерживающая роль церкви, особенно в Италии, вступила в противоречие с тенденциями меняющегося общества. Они совпали с одним из самых драматических периодов послевоенной истории Италии, отмеченных глубокими трансформациями культурных и антропологических паттернов итальянского социума на фоне непримиримого идеологического противостояния, вылившегося в разгул терроризма «свинцовых лет».

Оба папы вошли в историю как носители новых эпохальных веяний, что отражается и в закрепившихся за ними апеллятивах. Иоанн XXIII остался в коллективной памяти, с одной стороны, как «добрый», а с другой — как «красный» папа, инициатор созыва Второго Ватиканского собора, положившего начало самой настоящей «культурной революции» в католическом мире⁷. Немалую роль в этом сыграло искусство коммуникации, которым виртуозно владел понтифик. В анналах истории запечатлелось его проникновенное обращение к верующим вечером 11 октября 1963 г. после церемонии открытия Второго Ватиканского собора⁸. Вот как вспоминает об этом событии в интервью российскому католическому изданию «Благовест» священник-францисканец Коррадо Трабукки, связавший почти 30 лет тому назад свою судьбу с Россией: «Помню, как особенно всех впечатлило, когда 11 октября 1962 г. Папа Иоанн XXIII открывал Второй Ватиканский Собор, и вечером того дня он произнес экспромтом свою знаменитую “Речь при луне”. В то время как лунный свет озарял толпу, собравшуюся на площади Святого Петра, Иоанн XXIII, глядя из окна своего кабинета, сказал слова, которые взволновали целые поколения: “Вернувшись домой, вы най-

⁵ *Constitutio pastoralis de Ecclesia in mundo huius temporis* (1) *Gaudium et spes*. — URL: https://www.vatican.va/archive/hist_councils/ii_vatican_council/documents/vat_ii_const_19651207_gaudium-et-spes_lt.html (дата обращения 02.02.2024).

⁶ В первой половине XX в. после смерти Льва XIII в 1903 г. на папском престоле сменились три папы с этим именем: Пий X (1903–1914), Пий XI (1922–1939), Пий XII (1939–1958). Единственным исключением стал папа Бенедикт XV (1914–1922).

⁷ *Boato M. Chi era Giovanni XXIII, il Papa Buono che fece la rivoluzione / Unita* 03-06-2023. — URL: <https://www.unita.it/2023/06/03/chi-era-giovanni-xxiii-il-papa-buono-che-fece-la-rivoluzione/> (дата обращения 02.02.2024).

⁸ *Сабсай С.* 11 октября. День памяти святого Иоанна XXIII и годовщина открытия II Ватиканского Собора // Сибирская католическая газета. Издание римско-католической преображенской епархии в Новосибирске. — URL: <https://sib-catholic.ru/den-pamyati-svyatogo-ioanna-xxiii-i-godovshhina-otkryitiya-ii-vatikanskogo-sobora-2/> (дата обращения 02.02.2024).

дете детей; приласкайте ваших детей и скажите: “Это ласка Папы”. Вы найдете кого-то плачущим, чьи слезы нужно будет утереть ... скажите им доброе слово. Папа с вами, особенно во времена печали и горечи”⁹. Особое впечатление, по свидетельству моих итальянских информантов¹⁰, произвело на верующих то, что папа называл себя их братом («Моя личность ничего не значит, я говорю с вами как брат, ставший отцом по воле Божьей»), призывал любить друг друга, основываясь на том, что объединяет, и оставляя в стороне то, что может вызвать разобщение¹¹. Слово «брат» как бы ставило верующих на одну ступеньку с самим викарием Христа, апеллируя к идеалам раннего христианства, что глубоко тронуло души итальянских католиков, особенно представителей левых сил.

Глубоко символично то, что эта знаменитая речь прозвучала именно в день открытия Второго Ватиканского собора (11 октября 1962 г.), который вызвал кардинальные изменения в жизни РКЦ, всего католического мира, хотя и был воспринят весьма неоднозначно современниками, в том числе и из-за невиданной доселе открытости самому этому миру, шедшей вразрез с тенденциями «эпохи Пиев». В своей последней энциклике “*Pacem in terris*” (11.04.1963)¹² Иоанн XXIII обращался не только к католикам, но и ко всем «людям доброй воли». Это, на первый взгляд, тривиальное обращение имело глубокий теологический, этический и антропологический смысл, ибо признавало существование за оградой «виноградника Господнего» людей, достойных внимания и общения, а не только еретиков, схизматиков и неверных. Это выражение, известное по латинской версии Великого славословия “*Gloria in excelsis Deo et in terra pax hominibus bonae voluntatis*” и являющее собой инципит евангельского происхождения¹³, приобрело большую популярность в светской культуре первой половины XX в., а в контексте энциклики значительно расширяло аудиторию потенциальных адресатов, к которым обращался глава РКЦ, выступавший, таким образом, в качестве не столь-

⁹ «Второй Ватиканский собор — это моя судьба, моя ментальность, моя жизнь». Интервью к 75-летию священника-францисканца Коррадо Трабукки. — URL: <https://www.blagovest-info.ru/index.php?ss=2&s=7&id=101927> (дата обращения 02.02.2024).

¹⁰ ПМА – 2015 г.

¹¹ *Discorso della Luna*. — URL: www.papagiovanni.com (дата обращения 02.02.2024).

¹² *Litterae encyclicae Pacem in terris Summi pontificis Ioannis pp. XXIII*. — URL: https://www.vatican.va/content/john-xxiii/la/encyclicals/documents/hf_j-xxiii_enc_11041963_pacem.html (дата обращения 02.02.2024).

¹³ «Слава в вышних Богу, и на земле мир, в человеках благоволение!» (Лука 2:14). Библия. Синодальный перевод. — URL: <https://bible.by/syn/42/2/> (дата обращения 04.02.2014).

ко религиозного, сколько морального лидера мирового масштаба. Слово «свобода» в разных контекстах встречается в тексте 33 раза, прилагательное «равный» — 6 раз, корень «-брат-» встречается 6 раз: три раза в словосочетании «почтенные братья», обращенном к представителям клира, три — со значением братства, побратимства общечеловеческого характера. В энциклике имеется особый раздел «Отношения между католиками и не католиками в экономической, социальной и политической областях» (82–84). Иоанн XXIII апеллирует к «потребностям, присущим самой человеческой природе» и к «естественному праву». Центральное место в энциклике имеет тезис о том, что «нельзя путать заблуждение с заблудшим, даже когда речь идет о заблуждении или о недостаточном знании правды в морально-религиозной области. Заблудший — это прежде всего человеческое существо и, в любом случае, он сохраняет человеческое достоинство...» (83). Гуманистический тон энциклики, пронизанный идеями равенства, братства и социальной справедливости, вызвал неоднозначную реакцию со стороны консервативных кругов, которые не без сарказма переименовали энциклику в “*Falcem in terris*”, заменив слово «мир» на «серп» и приписывая папе, таким образом, прокоммунистические симпатии¹⁴. Политика Иоанна XXIII являла собой своего рода антропологическую революцию в учении РКЦ и делала возможным, несмотря на глухую оппозицию некоторых кругов Ватиканской курии, совершить следующий шаг — к диалогу и плюрализму.

Данный шаг был сделан Павлом VI в энцикликах “*Ecclesiam suam*” (06.08.1964) и “*Populorum progressio*” (26.03.1967), а также в апостольском послании “*Octogesima adveniens*” (14.05.1971), посвященном 80-летней годовщине выхода в свет энциклики Льва XIII “*Rerum novarum*”. Павел VI после кончины Иоанна XXIII подхватил соборную эстафету, вынеся на обсуждение четвертого и завершающего периода собора (сентябрь — декабрь 1965 г.) животрепещущий вопрос о религиозной свободе¹⁵. Без внятной позиции церкви по проблемам соотношения гражданской свободы в области религии и других форм свободы, в частности, нравственной свободы и свободы совести, все усилия по «аджорнаменто» заходили в тупик. Дебаты по данному вопросу были органически связаны с дискуссией по так

¹⁴ Il “*Corriere d’informazione*” pubblica una vignetta sulla “*Falcem in terris*”, riferita alla falce che compariva nel simbolo del Partito comunista. — URL: <https://www.bergamone-news.it/2013/04/14/la-pacem-in-terrislenciclica-di-roncallie-lequivoco-politico/173334/> (дата обращения 02.02.2024).

¹⁵ История II Ватиканского собора. Т. V: Собор — поворотный момент в истории Церкви / Общ. ред. Дж. Альбериги, А. Бодров, А. Зубов. М., 2009. С. 81–228.

называемой «схеме XIII», затрагивавшей кардинальные моменты религиозной антропологии, касающейся призвания человека, человеческого сообщества, смысла человеческой деятельности в мире и роли в нем Церкви, а также вопросов семьи и брака, культуры, общественной, экономической и политической деятельности, войны и мира. Интересно, что обсуждение данной схемы не осталось прерогативой представителей клира, а вовлекло и мирян, участвовавших в качестве консультантов или членов комиссий в работе Собора. Более того, содержание проекта схемы стало достоянием общественности, получив широкое освещение в СМИ. И это не удивительно, ведь «в ней рассматривались наиболее насущные проблемы современного мира и место католиков в нем»¹⁶.

За Павлом VI закрепился апеллатив «папа диалога». Обычно это связывают с тем, что первая, — по определению программная, — энциклика его понтификата “*Ecclesiam suam*” (1963 г.)¹⁷ уделяет важнейшее место именно диалогу. Посыл папы звучит обнадеживающе: церковь должна наладить диалог с миром, который ее окружает. Волнующее слово «диалог» повторяется в энциклике более 60 раз, ему посвящен третий раздел этого документа. В нем констатируется, что церкви надо наладить диалог с современным миром (67): Церковь должна прийти к диалогу с миром, в котором она живет. Церковь становится словом; Церковь становится посланием; Церковь становится беседой (67: *La Chiesa deve venire a dialogo col mondo in cui si trova a vivere. La Chiesa si fa parola; la Chiesa si fa messaggio; la Chiesa si fa colloquio*). Думается, что данный документ можно по праву назвать «теологией диалога», хотя в энциклике особо оговаривается, что ее целью является не формулировка догматических определений, касающихся диалога как объекта теологического дискурса, а создание предпосылок для соборной дискуссии по данной теме (68). При этом делается отсылка к рецепции в XX в. наследия папы Льва XIII, известного своим вниманием к проблематикам современного ему общества (69) в “*Reverentiam*” (1891). Подчеркивается, что мудрое стремление соединить божий промысел с человеческой мыслью, рассматриваемой не абстрактно, а конкретно, на современном понятном языке, было свойственно и папам Пию XI и Пию XII. «Что это было, как не апостольское стремление к диалогу?» — задается вопросом Павел VI. В еще большей степени это было характерно для

¹⁶ Там же. С. 160. См. также: *Маркетто А.* II Ватиканский собор. Контрапункт к истории. М., 2009.

¹⁷ *Paolo VI.* Lettera enciclica “*Ecclesiam suam*”. — URL: https://www.vatican.va/content/paul-vi/it/encyclicals/documents/hf_p-vi_enc_06081964_ecclesiam.html (дата обращения 17.08.2023).

Иоанна XXIII. «А Собор — это не что иное, как включение христианского послания в круговорот мысли, слова, культуры, традиций, тенденций [развития] человечества, которое сегодня живет и действует на лике земли». Интересно, что сразу же за этим формулируется цель налаживания диалога с миром, при этом безальтернативно и однозначно подчеркивается его миссионерский характер: «Прежде чем обратиться к человечеству, точнее, чтобы обратиться к нему, к миру надо приблизиться и начать с ним разговаривать» (70). Использование временного и, с функцией уточнения, целевого придаточных предложений придает данной фразе глубокий эсхатологический и сотериологический смысл: время христианской истории линейно и неумолимо, а церковь является инструментом осуществления промысла божьего на земле. Это подтверждается важным размышлением о трансцендентальном происхождении диалога, который, по словам Павла VI, кроется в самом промысле божьем, ведь религия по своей сути является «связью» между Богом и человеком. Эта связь проявляется в молитве. Сам Бог есть Логос, слово. А отеческий диалог с человеком, прерванный первородным грехом, был чудесным образом возобновлен в ходе истории, представляющей собой историю спасения (72). Затем следует описание характеристик диалога спасения (73–79), поднимается вопрос о том, какое место занимает христианское послание в циркуляции человеческого дискурса (80–82).

Павел VI не оставляет без внимания и аспекты межкультурной коммуникации, формулируя четыре принципиальных требования к ведению диалога: ясность, доброжелательность, доверие и осторожность. Причем последнее требование характеризуется как «педагогическое», ибо необходимо всегда учитывать психологическое и моральное состояние собеседника, идет ли речь о ребенке, человеке малообразованном или не обладающем достаточной подготовкой, недоверчивом или враждебно настроенном. Всё это необходимо учитывать, чтобы понять чувства собеседника и попытаться, насколько это возможно, подстроиться к человеку, правильно подобрать форму коммуникации и самопрезентации, чтобы не показаться неблагодарным и непонятым (84). Обращается внимание на такие аспекты ведения диалога, как диалектика, неотступное следование истине и бдительность перед возможностью встать на ошибочную позицию, неизменный приоритет проповеднических целей.

В энциклике подробно рассматривается целевая группа, с которой необходимо вести диалог. Она делится на три «круга»: во-первых, это всё человечество, исходя из того, что каждая душа по определению тяготеет к христианству. Однако препятствием для

диалога является отрицание существования Бога. В любом случае, диалог нужен во имя мира. Второй круг — это люди, верующие в единого Бога, такие как евреи или мусульмане, или же представители крупных «афроазиатских» религий (111–112). Третий круг включает в себя «отделённых братьев» (113–115), т.е. представителей отличных от католиков христианских деноминаций. В их отношении энциклика призывает сосредоточиться на том, что объединяет, а не на том, что разъединяет, продолжая, тем не менее, следовать главной цели — восстановлению единства христианского мира под палием папы.

В документе упоминается и слово «плюрализм». Сначала как констатация трансформации в современном обществе, характеризующемся «плюрализмом проявлений», подразумевающих «зрелость человека как религиозного, так и не религиозного». Тремя годами позже в “*Populorum progressio*” (1967)¹⁸ находим уже целый параграф, озаглавленный «Легитимный плюрализм (§39)», где речь идет о допустимости, в случае необходимости, плюрализма профессиональных и профсоюзных объединений (за исключением атеистических и материалистических) во имя свободы и достоинства человека. Открывается более широкий простор для «диалога не только с обществом католических стран, но и с другими народами» (*Dialoghi di civiltà*).

Обращение к диалогу как форме коммуникации со стороны РКЦ и признание плюрализма современного общества логически связаны между собой, ведь диалог, по определению, возможен среди равных, где явный учительский тон неуместен, при признании «другого» как субъекта, а не только как объекта индоктринации. Это тем более важно, что отход от диалогических форм, которые характеризовали античную философию, произошел именно на заре христианства. Диалог, как свободный обмен мнениями между реальными или вымышленными персонажами, заменяется формой дидактического характера в виде вопроса–ответа или сводится к монологу, исповеди, солиловкию иудейско-христианской традиции. Общеизвестно, как пример солиловкия «безумца» (*insipiens*) из Псалмов¹⁹, стал одним из кирпичиков в построении онтологического аргумента Ансельма Кентерберийского²⁰. Формой диалога является коллективная или индивидуальная молитва, проповедническая литература, катехизис.

¹⁸ *Populorum progressio*. Lettera enciclica di Sua Santità Paolo pp. VI. — URL: https://www.vatican.va/content/paul-vi/it/encyclicals/documents/hf_p-vi_enc_26031967_populorum.html (дата обращения 08.02.2024)

¹⁹ «Сказал безумец в сердце своём: “Нет Бога!”» (13 Псалом: 1). Библия. Синодальный перевод. — URL: <https://bible.by/syn/19/13/> (дата обращения 04.02..2024)

²⁰ *Anselmo*. *Monologio e Proslgio* / A cura di I. Sciuto. Milano, 2002.

Но эти жанры не предполагают равенства сторон. Все роли иерархически выстроены согласно их гипотетической близости к носителю абсолютного знания, ко Всевышнему, а передача информации однолинейна и одностороння, при неоспоримой учительской роли церкви, а после принятия догмы о непогрешимости, — и папы, говорящего “*ex cathedra*”²¹. «Диалог» энциклики Павла VI как бы подтачивает данную парадигму, утверждая новые формы общения не только с католиками, но и, в условиях плюрализма, с «людьми доброй воли», призывая сделаться братьями тех, в отношении которых церковь выступает в качестве пастыря, отца, учителя, друга, служителя. «Климат диалога — это дружба. Более того, служение. Все это надо помнить и учиться применять по примеру и заветам Христа»²². Таким образом, Павла VI можно назвать не только папой «диалога», но и папой «плюрализма», ибо именно он, следуя доктринальным решениям Второго Ватиканского собора, в своей энциклике “*Populorum progressio*” обосновывает и, по сути, вводит данный концепт в церковный обиход.

Несколькими годами позже в апостольской эпистоле “*Octogesima adveniens*”²³, адресованной председателю Папской комиссии «Мир и справедливость» кардиналу М. Рою и посвященной 80-летней годовщине выхода в свет “*Rerum novarum*”, Павел VI, отдавая дань вкладу папы Льва XIII (1878–1903 гг.) в формирование социальной доктрины РКЦ, перечисляет новые вызовы, которые стоят перед церковью, миром и обществом во второй половине XX в. Отмечая, что «церковь ... идет вместе с человечеством и разделяет его судьбу на протяжении всей истории», папа формулирует практические задачи, стоящие перед паствой в новых условиях. В частности, Павел VI призывает католиков принимать активное участие в политических процессах, в том числе и на международном уровне, стремясь соединить свободу выбора с духом Евангелия и давать, даже в условиях законного плюрализма, личный и коллективный пример истинной веры посредством деятельного и бескорыстного служения людям. Таким образом, почти век спустя после “*non expedit*” времен Пия IX, отозванного Бенедиктом XV в 1919 г. и сменившегося неустанны-

²¹ Pio IX. *Costituzione dogmatica “Pastor aeternus”*. — URL: <https://www.vatican.va/content/pius-ix/it/documents/constitutio-dogmatica-pastor-aeternus-18-iulii-1870.html> (дата обращения 17.08.2023)

²² Bisogna farsi fratelli degli uomini nell’atto stesso che vogliamo essere loro pastori e padri e maestri. Il clima del dialogo è l’amicizia. Anzi il servizio. Tutto questo dovremo ricordare e studiarci di praticare secondo l’esempio e il precetto che Cristo ci lasciò. (59) (84).

²³ Paulus pp. VI *epistula apostolica Octogesima adveniens**. — URL: https://www.vatican.va/content/paul-vi/la/apost_letters/documents/hf_p-vi_apl_19710514_octogesima-adveniens.html (дата обращения 04.02.2024)

ми попытками директивного вмешательства папства в итальянскую общественную жизнь, провозглашалось право верующих самим определять свои политические предпочтения, руководствуясь духом Евангелия и базовыми католическими моральными постулатами.

Принципы, сформулированные в данных документах, подкреплялись и практическими мерами. Так, в духе решений Второго Ватиканского собора РКЦ становится инициатором межрелигиозного диалога, для чего в 1964 г. создается Секретариат по диалогу с нехристианами, а годом позже — Секретариат по диалогу с неверующими. Место Верховной Священной Конгрегации Священной Канцелярии (бывшей Инквизиции, реформированной Пием XI) занимает Конгрегация доктрины веры. Отменяется Индекс запрещенных книг. Неоценим вклад Павла VI в межконфессиональный диалог с православными церквями. Именно он, в своем обращении к Константинопольскому патриарху Афинагору I (1967) официально использует получившее впоследствии широкое распространение выражение «церкви-сестры»²⁴. Радикальные шаги Павла VI по конструированию нового образа понтифика, его открытость миру в условиях нарастания влияния так называемой «четвертой власти», — СМИ, его деятельность на международной арене — всё это имело огромное пропагандистское значение, в том числе и в контексте холодной войны.

Однако не стоит переоценивать значение этих трансформаций. Шаги навстречу православию не привели к возобновлению евхаристического единства. Более того, 30 июня 2000 г. кардиналом Ратцингером, с одобрения папы Иоанна Павла II, было дезавуировано выражение «церкви-сестры», и во всеуслышание заявлено, что «Вселенская, единая, святая, католическая и апостольская церковь — не сестра, а *мать* всем поместным церквям (...la Chiesa universale, una, santa, cattolica ed apostolica, non è sorella ma *madre* di tutte le Chiese particolari)»²⁵. А бурные дискуссии о прозелитизме и миссионерстве на канонической территории православных стран наглядно показали чрезвычайную лабильность критериев подхода к религиозному плюрализму и диалогу со стороны РКЦ, как это убедительно показала на примере России О.Е. Казьмина в своей блестящей статье

²⁴ *SS Paulus VI* epistola 'Anno ineunte'. — URL: https://documentacatholicaomnia.eu/04z/z_1967-07-25__SS_Paulus_VI__Epistola_'Anno_Ineunte'___LT.doc.html (дата обращения: 04.02.2024); Congregazione per la dottrina della fede. Nota sull'espressione "chiese sorelle"/ — URL: https://www.vatican.va/roman_curia/congregations/cfaith/documents/rc_con_cfaith_doc_20000630_chiese-sorelle_it.html (дата обращения 04.02.2024)

²⁵ Congregazione per la dottrina della fede. Nota sull'espressione "chiese sorelle". — URL: https://www.vatican.va/roman_curia/congregations/cfaith/documents/rc_con_cfaith_doc_20000630_chiese-sorelle_it.html (дата обращения 04.02.2024)

«Миссионерство и прозелитизм как категория религиозного дискурса и академического анализа»²⁶. Энтузиазм же рядовых итальянских католиков и представителей клира, стремившихся воплотить в жизнь принципы плюрализма и диалога в приходе и за пределами церкви, нередко упирается в стену сурового неприятия со стороны церковных властей, в то время как священники, вовлеченные в не санкционированные инициативы, ссылаются в отдаленные изолированные приходы, запрещаются в служении, а иногда и лишаются сана²⁷. Мир РКЦ по-прежнему иерархичен. Дружба, братство, доверие — не более чем инструменты на пути фундаментальной миссии обращения, которая лежит в основе всей деятельности Св. Престола. Эсхатологические, сотериологические и аксиологические аспекты неизменны. Меняется лишь тактика: от прямого и жесткого воздействия, языка угроз и анафем РКЦ переходит к политике «мягкой силы», следуя принципу, приписанному Юлию Цезарю: «если ты не можешь одолеть врага, сделайся его другом» (*Si non potes inimicum tuum vincere, habeas eum amicum*). Идея «прогресса» превалирует над идеей «континуитета» только на поверхности, как новая форма тактики для достижения неизменных и незыблемых целей РКЦ: привести человечество под паллий папы.

Подводя итоги, можно сказать, что легитимация слов «плюрализм» и «диалог» не столько устраняла препятствия на пути построения социального и политического консенсуса в итальянском обществе, сколько констатировала свершившийся факт: общество изменилось, и церковь ничего не могла этому противопоставить. В новых условиях требовалась новая тактика ведения капиллярной миссионерской работы, максимально приближенная к реалиям времени и чаяниям современного социума. «Диалог» и «плюрализм» становились символами не столько «аджорнаменто», сколько католической «перестройки», призванной, в отличие от классической фразы, согласно которой нельзя вливать молодого вина в мехи ветхие, — влить старое вино в новые мехи²⁸. Как показывает практика, принцип «диалога и плюрализма», став инструментом «реальной политики» РКЦ в новых условиях, носил декларативный и тактический характер, — активно продвигаясь *extra moenia* РКЦ, особенно применительно к идеологическим противникам, и был абсолютно

²⁶ Казьмина О.Е. Миссионерство и прозелитизм как категория религиозного дискурса и академического анализа // Вестник антропологии. 2015. № 2 (30). С. 48–65. См. также: Bakhmatova M. Tra Mosca e Verona. Un dialogo controcorrente. Trento, 2016. P. 155–199.

²⁷ Bakhmatova M. Op. cit. P. 45–87.

²⁸ «И никто не вливает молодого вина в мехи ветхие» (Лк. 5:37–39)

недопустим во внутренней структуре церковной власти, как это демонстрирует, например, история «Группы за плюрализм и диалог» в г. Вероне²⁹. Тем не менее, новый курс Павла VI имел для многих современников столь шокирующий характер, что, по свидетельству моих информантов³⁰, энциклику «О прогрессе народов» недруги Павла VI насмешливо переводили как «О прогрессе тополей». Ходили упорные слухи о якобы принадлежности как Иоанна XXIII, так и Павла VI к «спящим» масонам³¹.

Как бы то ни было, в «конфессиональной» демократической республике³², как определяет Италию 1960-х гг. А. Риккарди, изменения культурных моделей были возможны только с санкции РКЦ. Вот почему постановления Второго Ватиканского собора и последующие документы Святого престола инициировали мощные трансформационные процессы как в самой Италии, так и за ее пределами. Призыв к мирянам подвизаться на политическом поле был в полной мере услышан и принят как руководство к деятельности. Легитимация диалога и плюрализма высвободила мощный общественный потенциал, грозивший перерасти в неуправляемый стохастический процесс. Соборные постановления и энциклики Павла VI дали импульс беспрецедентному всплеску инициативы мирян как в рамках приходов, так и на уровне религиозных ассоциаций³³. Однако постсоборная политика имела и другое, более негативное последствие. Учитывая то, что данные процессы и, прежде всего, инициативы папы разделялись далеко не всеми представителями клира и Христианско-демократической партии, драматический раскол в верхах РКЦ самым непосредственным образом отразился и на итальянском обществе: оно оказалось глубоко разделенным, и это разделение проходило, в том числе, и через католические приходы. Политика всех последующих пап, — Иоанна Павла I, Иоанна Павла II, Бенедикта VI — строилась в новых исторических условиях, в которых Ватикан уже не мог претендовать на монополию истины. Понтификат папы Франциска (2013–2025 гг.) обнажил противоречия, подспудно зревшие в католическом мире

²⁹ *Bakhmatova M.* Op. cit. P. 45–87.

³⁰ ПИМА – 2015 г.

³¹ *Pinotti F.* Fratelli d'Italia. Segrate, 2007; *Villa L.* Paolo VI beato? Brescia, 1998. — URL: https://www.attedieffe.com/index.php?option=com_content&task=view&id=2653&Itemid=100021 (дата обращения 04.02.2024).

³² *Riccardi A.* Il Cattolicesimo della Repubblica // *Storia d'Italia / A cura di G. Sabbatucci, V. Vidotto.* Vol. VI. Novara, 1999. P. 234.

³³ Жить в эпоху перемен. Судьба ученого и траектории науки. К столетию со дня рождения профессора Геннадия Евгеньевича Маркова / Под ред. М.Н. Бахматовой, О.Е. Казьминой, Т.Д. Соловей. СПб., 2023. С. 128–142.

в условиях стремительно меняющегося общества, размывания традиционных культурных и социальных моделей. Шаги, предпринимаемые папой под лозунгом диалога и легитимного плюрализма, вызывают все большую дезориентацию у верующих и представителей клира, о чем говорит и реакция на упомянутую выше декларацию Св. Престола от 18 декабря 2023 г.³⁴. В связи с этим в наши дни с новой силой встает вопрос о рамках легитимности плюрализма и формах приемлемого диалога в отношениях РКЦ со стремительно меняющимся миром.

References

Amato G. I cinque inganni della #Pachamama. — URL: <https://www.culturacatolica.it/attualita/C3%A0/in-rilievo/ultime-news/2019/11/14/i-cinque-inganni-della-pachamama>

Anselmo. Monologio e Proslogio / A cura di I. Sciuto. Milano: Bompiani, 2002. 528 p.

Bakhmatova M.N. *Konfessional'nyye faktory sotsiokul'turnykh transformatsiy ital'yanskogo obshchestva v 70-ye gg. XX v.* [Confessional Factors of Socio-Cultural Transformations of Italian Society in the 1970s] // *Zhit' v epokhu peremen. Sud'ba uchenogo i trayektorii nauki. K stoletiyu so dnya rozhdeniya professora Gennadiya Yevgen'yevicha Markova* [Living in the Era of Change. Fate of a Scientist and Trajectories of Science. On the Centenary of the Birth of Professor Gennady Evgen'yevich Markov] / Ed. by M.N. Bakhmatova, O.E. Kaz'mina, T.D. Solovey Saint Petersburg: Aleteia. 2023. P. 128–142 / Proceedings of the Faculty of History at Moscow State University. Issue 239. Series II. *Istoricheskiye issledovaniya* [Historical Researches], 165.

Bakhmatova M. Tra Mosca e Verona. Un dialogo controcorrente. Trento: Il Margine, 2016. 280 p.

Boato M. Chi era Giovanni XXIII, il Papa Buono che fece la rivoluzione // L'Unità. 3 giugno 2023. — URL: <https://www.unita.it/2023/06/03/chi-era-giovanni-xxiii-il-papa-buono-che-fece-la-rivoluzione/>

Il “Corriere d'informazione” pubblica una vignetta sulla “Falcem in terris”, riferita alla falce che compariva nel simbolo del Partito comunista. — URL: <https://www.bergamonews.it/2013/04/14/la-pacem-in-terrislenciclica-di-roncallie-lequivoco-politico/173334/>

Istoriya II Vatikanskogo perioda [History of Vatican II]. Vol. V. *Sobor — povrotnyy moment v istorii Tserkvi* [The Council as a Turning Point in the History of the Church] / Ed. by J. Alberigo, A. Bodrov, A. Zubov. Moscow: Bibleysko-bogoslovskiy institut sv. apostola Andrey, 2009. P. 81–228.

Kaz'mina O.E. *Missionerstvo i prozelitizm kak kategoriya religioznogo diskursa i akademicheskogo analiza* [Missionaryism and Proselytism as a Category of Religious Discourse and Academic Analysis] // *Vestnik antropologii*. 2015. N 2 (30). P. 48–65.

³⁴ См., например: Как отреагировали в Беларуси на отказ епископов благословлять однополые пары. — URL: <https://katolik.life/rus/news/tserkov/item/5246-kak-otreagirovali-veruyushchie-na-otkaz-episkopov-belarusi-blagoslovlyat-odnopolye-pary.html> (дата обращения 05.02.2024).

Marchetto A. *II Vatikanskiy sobor. Kontrapunkt k istorii* [Vatican II. Counterpoint to History]. Moscow: Dukhovnaya biblioteka, 2009. 160 p.

Pinotti F. *Fratelli d'Italia*. Segrate: Rizzoli, 2007. 751 p.

Riccardi A. *Il Cattolicesimo della Repubblica // Storia d'Italia / A cura di G. Sabatucci, V. Vidotto. Vol. VI. Novara: Editori Laterza, 1999. 796 p.*

Sabsay S. *11 oktyabrya. Den' pamyati svyatogo Ioanna XXIII i godovshchina otkrytiya II Vatikanskogo sobora* [11 October. The Day of Commemoration of St John XXIII and the Anniversary of the Opening of the Second Vatican Council] // *Sibirskaya katolicheskaya gazeta. Izdaniye rimsko-katolicheskoy preobrazhenskoy yeparkhii v Novosibirske*. — URL: <https://sib-catholic.ru/den-pamyati-svyatogo-ioanna-xxiii-i-godovshhina-otkryitiya-ii-vatikanskogo-sobora-2/>

Villa L. *Paolo VI beato? Brescia: Operaie di Maria Immacolata Editrice Civiltà, 1998. 358 p.* — URL: https://www.efdiediffe.com/index.php?option=com_content&task=view&id=2653&Itemid=100021

Поступила в редакцию
15 мая 2024 г.

DOI: 10.55959/MSU0130-0083-8-2024-65-5-133-151



С.А. Елизаров

**МЕСТНЫЕ СОВЕТЫ БЕЛОРУССКОЙ ССР В ПЕРИОД
«РАЗВИТОГО СОЦИАЛИЗМА» (1965–1984):
КОММУНИКАЦИЯ НОМЕНКЛАТУР**

S. A. Elizarov

**LOCAL SOVIETS OF THE BELARUSIAN SSR
OF “DEVELOPED SOCIALISM” (1965–1984):
COMMUNICATION OF NOMENCLATURES**

Аннотация. В статье предпринята попытка отойти от традиционного нормативного подхода при исследовании роли местных (региональных) органов государственной власти и управления (сельских, поселковых, районных, городских и областных Советов и их исполкомов) в советской политической системе. Проблема рассматривается посредством анализа предложений белорусской региональной советской номенклатуры по вопросам совершенствования функционирования системы местных Советов депутатов трудящихся / народных депутатов. Преимущественно анализируются те предложения, которые имплицитно отражали ее консолидированную, основанную на управленческих практиках позицию. Мотивация региональной бюрократии при формировании пакета новаций базировалась, с одной стороны, на стремлении расширить свои полномочия в интересах дела и собственной управленческой карьеры, с другой — на желании ограничить неизбежно связанный с этим рост интенсивности труда и обезопасить себя от возможных карьерных рисков. Местным управленцам важным

Елизаров Сергей Александрович, доктор исторических наук, профессор кафедры социально-гуманитарных и правовых дисциплин гуманитарно-экономического факультета Гомельского государственного технического университета имени П.О. Сухого, Республика Беларусь

Elizarov Sergey Alexandrovich, Doctor in History, Professor, Department of Social-Humanitarian and Legal Disciplines, Faculty of Economics and Humanities, Pavel Sukhoi State Technical University of Gmel, Belarus.

sergeyelisarov@mail.ru

ORCID: 0000-0002-7015-3702

Статья подготовлена в рамках выполнения задания государственных программ научных исследований на 2021–2025 гг.

The article was prepared within the framework of the assignment of state research programs for 2021–2025.

виделся пересмотр существовавшей модели отношений между региональными и вышестоящими управленческими структурами посредством, во-первых, превращения местных Советов в главный орган, отвечающий за комплексное социально-экономическое развитие своих административно-территориальных единиц, во-вторых, расширения мер реального административного воздействия в отношении руководителей предприятий и организаций вышестоящего подчинения, расположенных на их территории. Эффективность действий местных властей связывалась с предоставлением им возможности перераспределять фондируемые и лимитированные материальные ресурсы, а также с укреплением местных бюджетов новыми доходными источниками и передачей в их ведение всех предприятий и хозяйственных организаций, обслуживавших преимущественно население данного Совета (в том числе находившихся в подчинении вышестоящих органов). Несмотря на наличие консолидированной позиции региональной белорусской номенклатуры по многим вопросам совершенствования деятельности местных Советов и их исполкомов, сам процесс принятия конечных решений имел монологический характер с доминированием интересов республиканской и союзной бюрократии. Большинство предложений руководителей местных Советов и их исполкомов было формализовано в нормативных правовых актах в условиях горбачевского курса на ускорение социально-экономического развития СССР.

Ключевые слова: государственное управление, регионы, социально-экономическое развитие, планирование, социальная сфера, советская номенклатура, материально-финансовая база.

Abstract. The article endeavors to diverge from the conventional normative approach in the study of the role of local (regional) bodies of state power and administration — namely, village, settlement, district, city, and regional Soviets, along with their executive committees — in the Soviet political system. The issue under consideration is to be approached by means of an analysis of the proposals put forth by the Belarusian regional Soviet nomenclature with regard to enhancing the efficacy of the system of local Soviets of Workers' Deputies / People's Deputies. The analysis focuses predominantly on proposals that implicitly reflect its consolidated position based on administrative practices. The impetus behind the regional bureaucracy's formulation of this innovative package emanated from two primary motivations: first, the aspiration to augment its authority in alignment with the interests of business and its own administrative career advancement; and second, the desire to curtail the inevitable rise in labor intensity and to safeguard itself from potential career hazards. Local managers recognized the necessity to revise the existing model of relations between regional and higher administrative structures. This revision entailed two primary components. First, it involved the transformation of local Soviets into the primary entity responsible for the comprehensive socio-economic development of their administrative-territorial units. Second, it entailed the expansion of the measures of real administrative influence in relation to the heads of enterprises and organizations of higher subordination located on their territory. The effectiveness of the local authorities' actions was associated with the opportunity to redistribute funded and limited material resources, as well as with the strengthening of local budgets with new revenue

sources and the transfer of enterprises and economic organizations that primarily served the population of the Soviet to the jurisdiction of the local authorities (including those subordinated to higher authorities). Despite the existence of a consolidated position of the regional Belarusian nomenclature on numerous issues pertaining to the enhancement of the activity of local Soviets and their executive committees, the process of making final decisions was monologic in nature, with the dominance of the interests of the republican and union bureaucracy. In the context of Gorbachev's initiative aimed at accelerating the socio-economic development of the USSR, a significant proportion of the proposals put forth by the heads of local Soviets and their executive committees were formalized in the form of normative legal acts.

Keywords: public administration, regions, socio-economic development, planning, social sphere, Soviet nomenclature, material and financial base.

* * *

Распад СССР — безусловно, событие мирового масштаба, глобальные последствия которого и сегодня не вполне очевидны, осознанны и поняты. Выяснение причин кризиса советской системы, готовности как общества в целом, так и его отдельных групп к радикальным переменам «перестройки» — эти вопросы «обречены на вечность» и разнообразие рефлексий.

Всё больше внимания в научном сообществе привлекает исследование событий советской истории 1965–1984 гг., непосредственно предшествующих горбачевской «перестройке»¹. Рассматривается широкий комплекс проблем, связанных с анализом социально-экономического, политического, культурного развития советского общества, его идеологических и ментальных характеристик. Управленческие практики представлены главным образом через выявление роли партийного аппарата и номенклатурного механизма кадровой политики². При этом за пределами внимания исследователей остаются официальные органы государственной власти и управления — Советы трудящихся / народных депутатов и их исполкомы, превратившиеся в конце 1980-х гг. в реального субъекта политических действий и одержавшие в итоге победу над структурами КПСС.

¹ Браун А. Взлет и падение коммунизма. М., 2014; Безбородов А., Елисеева Н., Шестаков В. Перестройка и крах СССР. 1985–1993. СПб., 2010; Гісторыя Беларусі. У 6 т. Т. 6. Беларусь у 1946–2009 гг. Мінск, 2011; Грациози А. История СССР. М., 2016; История белорусской государственности. В 5 т. Т. 5. Национальная государственность на переломе эпох (вторая половина XX — начало XXI в.). Минск, 2020; История Коммунистической партии Советского Союза. М., 2013; Пихоя Р.Г. Советский Союз: история власти. 1945–1991. М., Берлин, 2019; Реформы в России с древнейших времен до конца XX века. Т. 4: 1917–1991 гг. М., 2016; Шубин А.В. Золотая осень, или период застоя. СССР в 1975–1985 гг. М., 2008.

² Коновалов А.В. Партийная номенклатура Сибири в системе региональной власти (1945–1991). Кемерово, 2006; Мохов В.П. Региональная политическая элита России (1945–1991 гг.). Пермь, 2003.

Функции местных (региональных) органов государственной власти и управления, от сельских Советов до городских и районных, а с 1981 г. — и областных, законодательно прописывались в соответствующих нормативных актах, в которые периодически вносились изменения, расширявшие (в разной степени) их права, возможности и сферы ответственности. С конца 1950-х гг. в практику входит предварительный сбор предложений от самих органов местной власти и управления по расширению их функций, организационных, административных и материально-финансовых ресурсов. Инициатором выступил союзный центр, предполагавший таким образом, во-первых, выявить проблемы, препятствующие эффективному решению задач, стоящих перед региональными структурами, а во-вторых, очертить круг полномочий, с которыми последние в состоянии справиться.

В наиболее полном и концентрированном виде в исследуемый период представления местной номенклатуры о степени, направлениях, сферах и конкретных формах перераспределения властных полномочий и ресурсов фиксировались при подготовке Указов Верховного Совета СССР и Законов Белорусской ССР о сельских и поселковых Советах депутатов трудящихся (1968 г.), районных Советах депутатов трудящихся (1971 г.), об областных Советах народных депутатов (1980 г.). Архивные материалы по подготовке этих нормативных правовых актов в БССР³ составляет основу представленного исследования.

В статье рассматриваются преимущественно те управленческие новации, которые отражали не специфику отдельных регионов БССР, а имплицитно существовавший в среде региональной белорусской советской и партийной номенклатуры консенсус по основным вопросам функционирования системы местных Советов.

Анализ этих предложений дает возможность отойти от простого (но ставшего традиционным в историографии) перечисления зафиксированных в правовых актах функций, прав и обязанностей местной вертикали власти и управления. Появляется возможность более реально оценить положение и роль Советов и их исполкомов в советской политической системе, выявить представления самих советских управленцев о путях, методах, формах и средствах повышения (в политических реалиях того времени и сложившейся системы формальных и неформальных властных отношений) роли, значения и авторитета органов государственной власти и управления, а также

³ Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). Ф. 4п. Оп. 62. Д. 65. Л. 59–64; Д. 710. Л. 96–108; Ф. 7. Оп. 5. Д. 683. Л. 131–138; Д. 1249. Л. 112–113; Д. 1250. Л. 1–83; Д. 5265. Л. 103–181; Оп. 10. Д. 65. Л. 212–237.

определить уровень их готовности к восприятию перестроечной идеологии и практики второй половины 1980-х гг. Одновременно нормативная практика в сфере регулирования деятельности местных Советов в 1965–1984 гг. показывает степень учета союзным центром предложений с мест и роль самого этого центра в определении направлений и конкретных шагов по расширению возможностей региональной вертикали власти и управления.

Система сбора и анализа предложений местных руководителей по вопросам совершенствования деятельности местных органов государственной власти и управления на первом этапе предполагала концентрацию их на районном (городском) уровне райисполкомами (горисполкомами) при контроле со стороны райкомов (горкомов) Коммунистической партии Белоруссии. После этого предложения поступали в обкомы КПБ и облисполкомы. Здесь их также отбирали, сортировали и направляли в республиканские инстанции (в ЦК КПБ, Президиум Верховного Совета БССР и Совет Министров БССР), после чего — в высшие союзные. Основная работа в республике по анализу, сортировке и отбору предложений проводилась аппаратом белорусского правительства с привлечением работников Президиума Верховного Совета БССР. В ряде случаев специально для этого создавались особые республиканские комиссии.

При этом важно понять мотивы, которыми руководствовалась местная советская номенклатура периода «развитого социализма» при формировании своих предложений. Для этого вполне подходит поведенческая модель бюрократии при социализме, описанная Я. Корнаи. Среди прочего Я. Корнаи выделяет отождествление руководителя-управленца с выполняемой им работой, что «служит стимулом для каждого, кто занимает руководящий пост в любой системе; любой руководитель хотел бы достойно выполнять свою работу и небезразличен к «профессиональной репутации»». Это отождествление, в свою очередь, стимулирует стремление к расширению: «Всякий, кто считает дело руководимой им организации по-настоящему важным, искренне желает увидеть ее более крупной... На всех уровнях бюрократии руководители склонны считать, что их власть, престиж, а во многих случаях и доход растут по мере расширения руководимого ими подразделения». Вместе с тем «руководитель хочет жить спокойно», а расширение своих компетенций требует от него новых усилий и возлагает дополнительную ответственность⁴. В такой дихотомии и оказывалась местная вертикаль власти и управления, формируя свой пакет новаций.

⁴ Корнаи Я. Социалистическая система. Политическая экономия коммунизма. М., 2000. С. 145, 188.

В результате проведенного нами исследования предложений, поступавших от местных государственных органов власти и управления Белорусской ССР в указанный период, в качестве основных можно выделить следующие.

1. Переформатировать отношения местной вертикали власти и управления с руководством расположенных на их территории предприятий вышестоящего подчинения.

Во-первых, важным представлялось превратить местные Советы в главный орган, отвечающий за комплексное социально-экономическое развитие своих регионов. Прежде всего, местные исполкомы были заинтересованы в том, чтобы расширить возможности реального влияния Советов (от сельских до областных) на развитие региональной социальной инфраструктуры. Типичной для всех регионов была ситуация, когда министерства и ведомства (союзные и республиканские) при строительстве и реконструкции своих объектов экономили на затратах жилищного и социально-бытового назначения, а также мало внимания обращали на расширение выпуска товаров народного потребления на подведомственных им предприятиях. Для минимизации негативных последствий таких действий предлагалось возложить на местные Советы координацию разработки планов социально-культурного строительства и благоустройства, осуществляемых на территории Советов всеми, в том числе и неподведомственными им предприятиями, учреждениями и организациями. В частности, предоставить сельским и поселковым Советам право обязательного предварительного рассмотрения и утверждения проектов планировки и застройки населенных пунктов, отвода земельных участков гражданам для индивидуального жилищного строительства, в том числе колхозникам и рабочим совхозов, а райисполкомам — утверждать все производственно-финансовые планы промышленным предприятиям, расположенным на территории района. Облисполкомы были заинтересованы в том, чтобы визировать титульные списки⁵ на строительство школ, больниц, культпросветучреждений, жилья без согласования с министерствами и ведомствами (по существовавшему законодательству капиталовложения на строительство этих объектов выделялись непосредственно министерствам и ведомствам); координировать деятельность предприятий, учреждений и организаций вышестоящего подчинения не только по вопросам, связанным с обслуживанием населения, но и по

⁵ Титульные списки капитального строительства — в СССР утвержденные плановые документы, обязательные для заказчиков, подрядчиков, плановых, финансовых и снабженческих органов, содержащие перечень строящихся и реконструируемых (расширяемых) объектов, включаемых в план капитальных вложений.

вопросам организации производства и контроля за соблюдением ими законодательства, выполнением народнохозяйственных производственных планов и обязательств перед бюджетом, укрепления государственной, плановой и трудовой дисциплины, создания необходимых условий труда и быта работникам, охраны и рационального использования природных ресурсов и окружающей среды предприятиями и организациями, независимо от их ведомственной принадлежности; давать свои заключения о размещении на территории области предприятий республиканского или союзного подчинения, а также на их ликвидацию либо изменения профиля производства этих предприятий. Данные предложения в разных конкретных формулировках поступали с мест на протяжении всего исследуемого периода.

Во-вторых, предоставить местным Советам меры реального административного воздействия в отношении руководителей предприятий и организаций вышестоящего подчинения, расположенных на их территории. Прямой возможности влиять на принимавшиеся этими руководителями решения местные власти не могли, как и не могли применять административные меры воздействия к ним в случае невыполнения постановлений Советов и их исполкомов. Местные Советы могли лишь приостанавливать исполнение противоречащих законодательству приказов и распоряжений руководителей предприятий, учреждений и организаций вышестоящего подчинения по ряду вопросов землеустройства и социального развития региона (благоустройство населенных пунктов, социально-культурное и бытовое обслуживание, охрана природы и т. п.) и сообщать об этом вышестоящим инстанциям.

В связи с этим предлагалось дать районным и областным исполкомам возможность отменять акты подведомственных органов вышестоящего подчинения, применять меры материального и дисциплинарного воздействия к их руководителям, допускающим серьезные недостатки в работе в случаях, когда они не влекли за собой уголовной ответственности.

Что из этого было реализовано в нормативной практике? По Закону БССР от 19 июня 1968 г. «О сельском, поселковом Совете депутатов трудящихся Белорусской ССР»⁶ за сельскими и поселковыми Советами закреплялось право лишь «участвовать в рассмотрении перспективных и годовых планов колхозов, совхозов, предприятий местной промышленности», дополненное возможностью «вносить

⁶ Собрание законов, указов Президиума Верховного Совета Белорусской ССР, постановлений и распоряжений Совета Министров Белорусской ССР. 1968. № 18. Ст. 256 (далее — СЗ БССР).

предложения по планам вышестоящих организаций и учреждений в части жилищного строительства, социально-культурного, бытового и торгового обслуживания населения, благоустройства сел и поселков». Райисполкомы в соответствии с Законом БССР от 15 июля 1971 г. «О районном Совете депутатов трудящихся Белорусской ССР»⁷ также вместо права «координировать» получили право лишь «рассматривать» «проекты производственно-финансовых планов... в части, касающейся развития жилищного и коммунального хозяйства, строительства дорог, объектов социально-культурного и бытового назначения..., благоустройства, здравоохранения, народного образования... и других вопросов, связанных с обеспечением населения») и вносить по этим вопросам свои предложения в вышестоящие органы.

Областные Советы получали более широкие возможности: Закон БССР «Об областном Совете народных депутатов Белорусской ССР» от 13 ноября 1980 г.⁸ давал им право в сфере социально-культурного строительства и благоустройства координировать и контролировать деятельность предприятий и организаций вышестоящего подчинения, заслушивать по этим вопросам их руководителей, принимать по ним решения (без указания, насколько они обязательны для этих руководителей) и вносить свои предложения в вышестоящие органы. При этом министерства и ведомства СССР и БССР могли лишь «учитывать» предложения областных органов власти и управления при разработке и утверждении схем размещения и развития на их территориях отраслей народного хозяйства.

Только в 1981 г. областные, городские и районные Советы получили право включать в свои годовые и пятилетние планы показатели планов предприятий и организаций вышестоящего подчинения (кроме производства оборонной продукции). Министерства и ведомства республики уже обязывались «учитывать» предложения местных Советов об изменении планов предприятий и организаций вышестоящего подчинения по вопросам землепользования, охраны природы, строительства, производства товаров народного потребления, социально-культурного, бытового «и иного» обслуживания населения⁹.

Однако степень «учета» предложений местных Советов вышестоящими инстанциями в правовых актах не определялась — это отдавалось на усмотрение самих этих инстанций. В результате фактически инициативы местного руководства по расширению их прав

⁷ СЗ БССР. 1971. № 21. Ст. 293.

⁸ СЗ БССР. 1980. № 32. Ст. 654.

⁹ СЗ БССР. 1981. № 19. Ст. 402.

и возможностей в сфере планирования либо реализовывались в наиболее умеренных («рассматривать», «вносить предложения») вариантах, либо игнорировались, либо выхолащивались малозначимыми формулировками.

По вопросам административной ответственности в правовых актах второй половины 1960-х — первой половины 1980-х гг. в очередной раз закреплялись ранее известные нормы. Правда, теперь назначение и освобождение руководителей предприятий, организаций вышестоящего подчинения, расположенных на территории области, могло производиться только по согласованию с облисполкомом. Касалось это лишь руководителей предприятий и организаций, имевших «важное значение для обслуживания населения». При этом список таких объектов облисполкомы в свою очередь должны были согласовывать с вышестоящими органами.

В целом новации, содержащиеся в предложениях местной номенклатуры в сфере планирования, главным образом касались расширения их прав в отношении с предприятиями и организациями вышестоящего подчинения в важнейших для них сферах ответственности (жилищно-коммунальное хозяйство, социально-культурное и бытовое обслуживание населения). Они представляли собой вариант постепенного (растянутого на неопределенное время) демонтажа советской централизованной системы управления и замены ее системой квазицентрализованной при отсутствии более-менее четких представлений об этой новой системе и ее последствиях. Наиболее масштабные новации в указанный период предлагалось реализовать на уровне областных структур, хотя со временем неизбежно встал бы вопрос об их распространении на районный и городской уровни, затем и на сельские и поселковые органы власти и управления. Весь вопрос был о времени такой трансформации — в реальной исторической практике его не оказалось.

2. Расширить возможности местных Советов использовать производственную и ресурсную базу своих административно-территориальных единиц в интересах развития производства товаров народного потребления, сферы услуг, капитального строительства, социальной и производственной инфраструктур, а также перераспределять фондируемые стройматериалы, продовольственные и промышленные товары.

К середине 1960-х гг. сложилась система материально-технического снабжения, действовавшая до распада СССР, в которой наиболее дефицитная продукция (в том числе топливо, химикаты, стройматериалы, лес, бумага, определенные виды машин и оборудования) планомерно распределялась через Госплан СССР и Госпланы союзных

республик, а иные фондируемые категории — через Госснаб СССР и Госснабы союзных республик.

Наиболее часто звучало предложение разгрузить облизполкомы, передав сельским, поселковым и районным Советам все фондируемые стройматериалы, предназначенные для нужд индивидуального жилищного строительства, а также на капитальный и текущий ремонт жилых домов, школ, клубов, медицинских и других учреждений, находившихся на сельском, поселковом или районном бюджетах.

Предлагалось выделить в распоряжение сельских и поселковых Советов 10 % жилой площади, построенной предприятиями и организациями для последующего их распределения между учителями, работниками медицинских и культурно-просветительских учреждений.

Руководители райисполкомов считали целесообразным включить в их дорожный фонд средства колхозов, предназначенные на содержание дорог, для организации централизованного строительства и ремонта местных дорог, а облизполкомы — предоставить в их распоряжение все средств, выделяемые на социально-культурные мероприятия предприятиями независимо от их ведомственного подчинения.

Для увеличения заинтересованности в развитии местного хозяйства считалось целесообразным делегировать облизполкомам право распределять продукцию предприятий областного подчинения, произведенную из местного сырья, отходов и сырья собственных заготовок предприятий, а также 20 % продукции, произведенной сверх плана предприятиями минеральных удобрений и стройматериалов.

В плановой советской экономике производство продовольственных и непродовольственных товаров народного потребления регулировалось пятилетними народнохозяйственными планами, а их распределение осуществлялось также через соответствующие фонды. В частности, союзные инстанции определяли ассортимент и объем продуктов животноводства, поставляемых республиками в общесозный фонд, а также ту часть, которую республики оставляли в своем распоряжении для последующего распределения через собственные министерства торговли.

Местные органы власти и управления могли использовать для обеспечения населения товарами народного потребления только выделенные им фонды, в том числе и по группам товаров, которые производились предприятиями, организациями, колхозами и совхозами, расположенными на их территории. Нарастивание их производства на данных предприятиях не сказывалось на улучшении

снабжения населения, так как уходило в распоряжение союзных и республиканских органов. В этих условиях руководители райисполкомов просили разрешить реализацию выработанной сверхплановой продукции в пределах района через торговую сеть, а руководство облисполкомов — дать им возможность утверждать планы товарооборота для всех торгующих организаций области независимо от ведомственной принадлежности, устанавливать без согласования с Министерством торговли объемы рыночных фондов мяса и молока для общественного питания и продажи рабочим и служащим совхозов и других хозяйств с зачетом этих фондов в план заготовки мяса и молока; утверждать и перераспределять планы товарооборота между розничной торговлей и предприятиями общественного питания, использовать государственные ресурсы картофеля, овощей и фруктов по своему усмотрению и т.п.

Лишь с 1980 г. за областными Советами и их исполкомами закреплялось право самостоятельно распределять продукцию промышленных предприятий областного подчинения, произведенную из местного сырья, а также из отходов и сырья собственных заготовок предприятий¹⁰, а с 1981 г. облисполкомам и Минскому горисполкому передавались для продажи населению через розничную торговую сеть до 50 % оставляемых в распоряжении Совета Министров БССР товаров народного потребления, выработанных сверх плана на территориях областей и г. Минска¹¹.

Фактически ни одно из вносившихся региональным руководством предложений в этой сфере, остававшейся одной из самых централизованных и фондируемых, не было реализовано. При наличии собственных крупных производителей стройматериалов, телевизоров, мяса, молока, плодоовощной продукции, картофеля и т.п. в регионах Белорусской ССР существовал их устойчивый дефицит. Главной задачей местных органов власти и управления считалось любыми методами и средствами добиваться увеличения объемов фондируемых товаров для своих регионов. От этого, а не от усилий собственных производителей главным образом зависел ассортимент, качество и количество потребляемых населением продовольственных и промышленных товаров.

3. Расширение материально-финансовой базы деятельности местных Советов за счет новых доходных источников местных бюджетов и передачи в их ведение предприятий и хозяйственных организаций местной промышленности, бытового обслуживания, ком-

¹⁰ СЗ БССР. 1980. № 32. Ст. 654.

¹¹ СЗ БССР. 1981. № 19. Ст. 402.

мунального хозяйства, торговли и других хозяйственных субъектов, обслуживавших преимущественно население данного Совета, но находившихся в подчинении вышестоящих органов.

Как и в предыдущие годы, роль органов местной власти и управления и место, занимаемое ими в системе органов управления, степень их реального влияния на социально-экономическое развитие, удовлетворение потребностей населения своих регионов во многом определялась не их формальными полномочиями и функциями, а структурой и размерами собственной материально-финансовой базы. В советской планово-централизованной системе при концентрации наиболее крупных и прибыльных предприятий на союзном и республиканском уровнях местное хозяйство серьезного влияния на социально-экономическое состояние административно-территориальных единиц не оказывало. Бюджетная политика базировалась на централизованном порядке взимания наиболее прибыльных налогов и доходов, поступавших непосредственно в союзный или республиканский бюджеты, и передачу их части по ежегодно устанавливаемым нормативам в местные бюджеты. Такая идеология и практика создавали материальную основу иерархичности построения всего аппарата государственного управления и жестче, чем законодательные акты, определяла степень и границы самостоятельности местных Советов.

В связи с этим для многих руководителей исполкомов местных Советов (от сельских до областных) важным было установление единых (на несколько лет) процентов отчислений от государственных доходов и налогов в бюджеты местных Советов, что позволило бы им самостоятельно планировать и осуществлять долгосрочные проекты развития своих территорий.

Также предлагалось перераспределить сверху вниз предприятия местной промышленности и бытового обслуживания населения (из районного подчинения — в подчинение сельских и поселковых Советов, из областного — в районное и городское, из республиканского — в областное), а также фонды, выделяемые местному Совету, для свободного маневрирования и обеспечения наиболее нужных объектов, независимо от ведомственной принадлежности.

Местная номенклатура была заинтересована также в формировании своих бюджетов в зависимости от объемов и результатов работы предприятий и хозяйственных организаций не только местного, но и вышестоящего подчинения, а также в зачислении в свои бюджеты сверхплановых доходов и части прибыли последних.

В частности, в целях сосредоточения деятельности районных советских органов на решении наиболее важных оперативных во-

просов, а также в интересах создания наибольших удобств для населения, учреждений и организаций, расположенных на территории каждого района, предлагалось передать на бюджеты сельских и поселковых Советов все школы, медицинские и культурно-просветительские и другие учреждения, находившиеся на их территории; предоставить низовым Советам право перераспределять по объектам средства, выделенные по бюджету на ремонт и приобретение имущества для школ, медучреждений и культурно-просветительских учреждений; а также самостоятельно устанавливать налоговые льготы населению в связи со стихийными бедствиями, инвалидностью, болезнью и другими заслуживающими внимания причинами; отменить самообложение сельского населения. Считалось, что эти меры повысят роль и авторитет Советов у населения, значительно облегчат положение жителей, которые вынуждены были обращаться в районные организации по налоговым вопросам.

Уже на республиканском уровне было заблокировано предложение об установлении постоянных единых процентов отчислений от госналогов и госдоходов в местные бюджеты, так как оно вступало в явное противоречие с существующей системой их централизованного планового распределения — в советской практике традиционно проценты отчислений в бюджеты ежегодно определялись в зависимости от запланированных на год расходов. А объем годовых расходов бюджетов местных Советов ежегодно менялся в связи с организацией новых и расширением действующих учреждений, организаций, финансированием отдельных мероприятий, что приводило к постоянному изменению процентов соответствующих отчислений.

В большей степени поступившие предложения были реализованы на районном уровне. 12 марта 1971 г. ЦК КПСС принял постановление «О мерах по дальнейшему улучшению работы районных и городских Советов депутатов трудящихся»¹², признав необходимость укрепления их материально-финансовой базы. В этих целях предлагалось передать, во-первых, в их бюджеты часть прибыли предприятий и хозяйственных организаций республиканского и областного подчинения; во-вторых — в районное и городское подчинение — предприятия, учреждения и организации, обслуживавшие преимущественно население данной административно-территориальной единицы.

¹² Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1986 гг.). Т. 12 (1971–1975 гг.). М., 1986. С. 8–13.

По устоявшейся традиции соответствующее постановление 7 мая 1971 г. принял ЦК КП Белоруссии¹³. В его исполнение Совет Министров БССР расширил источники доходов районных и городских бюджетов¹⁴. В них оставались: все доходы, дополнительно получаемые при исполнении бюджета, а также суммы превышения доходов над расходами, образующиеся на конец года за счет перевыполнения доходов или экономии по расходам; до 20 % прибыли, отчисляемой в фонд развития местной промышленности предприятиями районного и городского подчинения, а также до 20 % прибыли, направляемой соответствующими предприятиями бытового обслуживания населения и коммунального хозяйства районного и городского подчинения на расширение действующих и строительство новых предприятий бытового обслуживания населения и коммунального хозяйства; до 10 % от налога с оборота по товарам народного потребления, изготовленных сверх плана на предприятиях республиканского и местного подчинения системы республиканских министерств и ведомств БССР; до 5 % от налога с оборота, поступающего в бюджет республики от реализации товаров, произведенных по дополнительным заданиям из сырья и материалов, выделенных в централизованном порядке.

7 сентября 1971 г. Совет Министров БССР утвердил предложения Госплана БССР и облисполкомов о передаче в ведение исполкомов городских и районных Советов ряда предприятий местной промышленности, бытового обслуживания, коммунального хозяйства, торговли и других предприятий областного подчинения. Вместе с тем передача из республиканского подчинения в районное и городское была признана нецелесообразной, так как эти предприятия выпускали продукцию, поставлявшуюся в различные регионы страны, имели единое в пределах отрасли техническое руководство, централизованное материально-техническое снабжение и входили в специализированные отраслевые объединения¹⁵.

Однако несмотря на появление дополнительных источников финансирования, значительного усиления районных и городских бюджетов не произошло. В частности, решение об оставлении в распоряжении исполкомов районных и городских Советов 20 % прибыли, отчисляемых в фонд развития местной промышленности, бытового обслуживания и коммунального хозяйства практически никакого влияния на размеры местных бюджетов не оказало: в 1975 г. при

¹³ Коммунистическая партия Белоруссии в резолюциях и решениях съездов и пленумов ЦК. Т. 6. 1966–1975. Минск, 1987. С. 355–360.

¹⁴ СЗ БССР. 1971. № 17. Ст. 244.

¹⁵ НАРБ. Ф. 7. Оп. 5. Д. 3255. Л. 161.

общей сумме доходов районных и городских бюджетов БССР в 1188 тыс. руб. по этой статье поступило 929 руб.¹⁶ К тому же такой порядок ограничивал возможности развития конкретного предприятия, а сами средства были недостаточны для проведения сколько-нибудь серьезных мероприятий в масштабах района и города.

С 1981 г. незначительно расширились источники пополнения местных бюджетов: в них стали поступать отчисления от платы за воду, забирающуюся промышленными предприятиями из водохозяйственных систем, в размере 50 % начисленной суммы; дополнительная прибыль предприятий союзного и республиканского подчинения от реализации новой высокоэффективной продукции в размере 10 % этой прибыли¹⁷.

Таким образом, местная (региональная) номенклатура стремилась расширить доходную часть бюджетов за счет дополнительных средств, поступавших как результат управленческих усилий местных властей по совершенствованию деятельности непосредственно подчиненных им предприятий и организаций; усилить зависимость роста расходов на социальную сферу от достигнутых в каждом регионе производственных результатов. Фактически это был своеобразный вариант применения к системе органов местной государственной власти и управления принципов и основных направлений экономической реформы 1965 г.

Однако получение дополнительных бюджетных доходов на практике требовало пересмотра системы распределения материальных ресурсов. Советы и их исполкомы столкнулись с той же проблемой, которая привела к затуханию «косыгинской» реформы, — с сохранением фондируемого распределения материальных ресурсов. Предприятия не могли освоить собственные капиталовложения, разными путями переводя их в фонды материального стимулирования, что, в свою очередь, усиливало дисбаланс между растущими доходами населения и необходимой для их покрытия товарной массой. В результате в начале 1970-х гг. средства нецентрализованных фондов стали перенаправляться на плановое их финансирование.

Подобная проблема неизбежно встала и перед местными Советами — эффект от получения дополнительных финансовых поступлений при неразвитости оптовой торговли дефицитными фондируемыми ресурсами резко снижался: при фактическом отсутствии под нецентрализованные капиталовложения свободных материальных средств местные власти просто не могли «отоварить» деньги необ-

¹⁶ НАРБ. Ф. 93. Оп. 17. Д. 639.

¹⁷ СЗ БССР. 1981. № 19. Ст. 402.

ходимыми ресурсами и направить их на расширение собственно-го производства, социально-культурной сферы и роста товарной массы.

В целом в исследуемый период существовавшая советская система плано-директивного централизованного управления постепенно и в довольно дозированных масштабах переходила с одного уровня — постановки вопроса о необходимости расширения прав местных Советов и перераспределения их функций и материально-финансовых источников сверху вниз — на другой — законодательное оформление, а затем и на третий — их практическое воплощение и корректировку.

В предшествовавший период «хрущевского десятилетия» процесс передачи полномочий и материально-финансовых ресурсов шел сверху вниз — преимущественно от союзного центра на уровень союзных республик, в незначительной мере — на областной уровень. С 1965 г. изменился сам вектор управленческой реорганизации — от сельских и поселковых Советов к районным и городским, а затем и областным. В исследуемый период была предпринята попытка реализовать элементы субсидиарности, при которой полномочия и обязанности передаются низовыми субъектами управления на основе договора на более высокий уровень в случаях, если низовые структуры сами не в состоянии с ними успешно справиться. Однако на практике получилась лишь имитация такой субсидиарности при незыблемости существовавшего в СССР порядка, при котором именно союзные властные институты определяли основные направления, цели, принципы, методы реорганизации вертикали власти и управления на местах вплоть до их конкретных параметров. Делегирование функций, прав и обязанностей, материально-финансовых ресурсов осуществлялось не на основании соглашения между центром и регионами, а решением союзного центра, ядром которого были высшие органы КПСС.

Решающая причина столь неторопливого, постепенного и растянутого на десятилетия процесса (многие звучавшие в исследуемый период предложения вносились еще с середины 1950-х гг.) видится в приверженности высшего партийно-советского руководства идеологии «стабильности» в большей степени, чем это было характерно для региональной номенклатуры.

Проблемы взаимоотношений между местными Советами и вышестоящими управленческими структурами в период «развитого социализма» оставались в «замороженном» виде. Решая вопросы развития социальной инфраструктуры, местные руководители хо-

тели использовать в интересах населения своих регионов возможности предприятий и организаций вышестоящего подчинения, которые располагали гораздо большими ресурсами, чем находившиеся в местном подчинении. В свою очередь, вышестоящие органы и подчиненные им предприятия и организации стремились использовать имевшиеся в их распоряжении средства в интересах либо своего региона (в случае с исполкомами), либо работников своих предприятий (в случае с министерствами и ведомствами).

Предложения местной белорусской советской номенклатуры в сфере управления лишь в незначительной степени получили закрепление в нормативной практике. В отношениях «центр — регионы» коммуникации советских номенклатур носили монологический характер. Вертикальная соподчиненность составляла жесткий каркас всей советской системы власти и управления. Изменения, хотя бы и в отдельных ее сферах, стимулировали ее латентную эрозию, нарушали понятный и простой механизм принятия решений, их выполнения и контроля, несли в себе потенциал его радикального пересмотра. Наглядное подтверждение этого — процессы второй половины 1980-х гг., начавшиеся как стремление точно скорректировать характер взаимоотношений по вертикали, а приведшие к кардинальной ломке советской модели управления.

Полная реализация консолидированных интересов местной (региональной) номенклатуры в расширении и укреплении материально-финансовой базы путем получения дополнительных доходных источников и перераспределения сверху вниз предприятий и хозяйственных организаций, во-первых, стимулировала бы качественные изменения во всей системе материально-финансового обеспечения социально-экономического развития страны и постепенное ослабление ее централизованного характера и в других сферах жизни советского общества. Во-вторых, такая практика способствовала бы усилению независимых от вышестоящих органов местных элит с вариативностью возможных последствий от развития процессов демократизации политической системы до центробежных тенденций и обособления отдельных регионов и развала страны.

При этом сами политически нейтральные новации с мест радикализмом не отличались и во многом стимулировались заявлениями высшего партийно-советского руководства о приоритете комплексного развития страны (в том числе и на уровне крупных регионов), официально оформленных на XXIV съезде КПСС (1971 г.). Вместе с тем содержание предложений региональной номенклатуры по совершенствованию деятельности местных Советов показывает, что

наиболее активная и самостоятельная (в рамках существовавших формальных и неформальных управленческих практик) ее часть и понимала необходимость корректировки существовавшей централизованной советской системы управления, и была готова к «умеренной перестройке», однако не была готова к ее радикальному реформативному. Эта часть управленцев, по нашему мнению, составила массовую номенклатурную основу поддержки «горбачевской перестройки» в Белорусской ССР на первом ее этапе, пока та не выходила за рамки курса на ускорение социально-экономического развития страны: большинство выдвинутых региональной бюрократией в 1965–1984 гг. предложений начали активно формализовываться постановлением ЦК КПСС, Президиума Верховного Совета СССР и Совета Министров СССР от 25 июля 1986 г. «О мерах по дальнейшему повышению роли и усилению ответственности Советов народных депутатов за ускорение социально-экономического развития в свете решений XXVII съезда КПСС»¹⁸ и соответствующим постановлением ЦК КПБ, Президиума Верховного Совета БССР и Совета Министров БССР от 10 сентября 1986 г.¹⁹

References

Bezborodov A., Elisseyeva N., Shestakov V. *Perestroyka i krakh SSSR. 1985–1993* [Perestroika and the Collapse of the USSR. 1985–1993]. Saint Petersburg: Norma, 2010. 216 p.

Brown A. *Vzlet i padeniye kommunizma* [The Rise and Fall of Communism]. Moscow: Politicheskaya entsiklopediya, 2014. 863 p.

Gistoryya Belarusi [History of Belarus]. In 6 vols. Vol. 6. *Belarus' u 1946–2009 gg.* [Belarus in 1946–2009]. Minsk: Sovremennaya shkola, Ekoperspektiva, 2011. 728 p.

Graziosi A. *Istoriya SSSR* [Histoire de l'URSS]. Moscow: Politicheskaya entsiklopediya, 2016. 632 p.

Istoriya belorusskoy gosudarstvennosti [History of Belarusian Statehood]. In 5 vols. Vol. 5. Minsk: Belaruskaya navuka, 2020. 759 p.

*Istoriya Kommunisticheskoy partii Sovetskogo Soyuz*a [History of the Communist Party of the Soviet Union]. Moscow: Politicheskaya entsiklopediya, 2013. 671 p.

Konovalov A.B. *Partynaya nomenklatura Sibiri v sisteme regional'noy vlasti (1945–1991)* [Party Nomenclature of Siberia in the System of Regional Power (1945–1991)]. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 2006. 635 p.

¹⁸ Постановление ЦК КПСС, Президиума Верховного Совета СССР и Совета Министров СССР от 25 июля 1986 г. «О мерах по дальнейшему повышению роли и усилению ответственности Советов народных депутатов за ускорение социально-экономического развития в свете решений XXVII съезда КПСС». — URL: <http://docs.historyrussia.org/ru/nodes/347872-postanovlenie-tsk-kpss-prezidiuma-verhovnogo-soveta-sssr-i-soveta-ministrov-sssr-25-iyulya-1986-g>. (дата обращения 16.02.2023)

¹⁹ НАРБ. Ф. 7. Оп. 10. Д. 65. Л. 212–237.

Kornai J. *Sotsialisticheskaya sistema. Politicheskaya ekonomiya kommunizma* [The Socialist System: The Political Economy of Communism]. Moscow: Zhurnal "Voprosy ekonomiki", 2000. 672 p.

Mokhov V.P. *Regional'naya politicheskaya elita Rossii (1945–1991 gg.)* [Regional Political Elite of Russia (1945–1991)]. Perm': Permskoye knizhnoye izdatel'stvo, 2003. 240 p.

Pikhoya R.G. *Sovetskiy Soyuz: istoriya vlasti. 1945–1991* [Soviet Union: History of Power. 1945–1991]. Moscow; Berlin: Direkt-Media, 2019. 654 p.

Reformy v Rossii s drevneyshikh vremen do kontsa XX veka [Reforms in Russia from Ancient Times to the End of the 20th Century]. In 4 vols. Vol. 4. 1917–1991 gg. Moscow: Politicheskaya entsiklopediya, 2016. 671 p.

Shubin A.V. *Zolotaya osen', ili Period zastoya. SSSR v 1975–1985 gg.* [A Golden Autumn, or Period of Stagnation. The USSR in 1975–1985]. Moscow: Veche, 2008. 352 p.

Поступила в редакцию
15 апреля 2024 г.

DOI: 10.55959/MSU0130-0083-8-2024-65-5-152-167



**В.А. Подейко, В.О. Робышев,
О.В. Солопова, Е.Б. Роева-Мкртчян**

**ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ И ОСОБЕННОСТИ
ИЗМЕНЕНИЙ РОССИЙСКИХ ПОДЗАКОННЫХ
НОРМАТИВНЫХ ПРАВОВЫХ АКТОВ В ОТНОШЕНИИ
ПРАВОВОГО ПОЛОЖЕНИЯ ИНОСТРАННЫХ ГРАЖДАН
И ЛИЦ БЕЗ ГРАЖДАНСТВА В 2024 Г.**

**V.A. Podeiko, V.O. Robyshev,
O.V. Solopova, E.B. Roeva-Mkrtchyan**

**HISTORICAL BACKGROUND AND PECULIARITIES
OF CHANGES IN RUSSIAN BY-LAWS REGARDING
THE LEGAL STATUS OF FOREIGN CITIZENS
AND STATELESS PERSONS IN 2024**

Аннотация. В статье осуществлен краткий междисциплинарный обзор отдельных нормативных правовых актов, принятых в 2024 г. (и вступивших в силу в 2024 г.) федеральными органами исполнительной власти России, иными государственными органами, связанных с регулированием правового положения иностранных граждан и лиц без гражданства, а также с применением соответствующего миграционного законодательства. Рассмотрены как подзаконные нормативные правовые акты, принятые органами общей компетенции (президентом Российской Федерации, правительством Российской Федерации, Генеральной прокуратурой Российской Федерации),

Подейко Вадим Андреевич, кандидат юридических наук, заместитель начальника юридического управления МГУ имени М.В. Ломоносова

Podeiko Vadim Andreevich, PhD Candidate in Law, Deputy Head, Legal Department, Lomonosov Moscow State University

vpodeiko@gmail.com

ORCID: 0009-0003-1995-0065

Робышев Владислав Олегович, кандидат юридических наук, начальник отдела претензионной и исковой работы юридического управления МГУ имени М.В. Ломоносова

Robyshev Vladislav Olegovich, PhD Candidate in Law, Head, Claims and Litigation Department, Legal Department, Lomonosov Moscow State University

v.robyshev@yandex.ru

ORCID: 0009-0000-9498-1417

так и органами специальной компетенции — федеральными органами исполнительной власти (Министерством внутренних дел РФ). Рассмотрение указанных нормативных правовых актов проведено не только с точки зрения юридической догматики, но и применительно к политическому, экономическому и социальному контексту их принятия, в том числе с учетом произошедших в 2024 г. событий. Так, в частности, в статье рассмотрены нормативные правовые акты президента Российской Федерации, уточняющие категории лиц, имеющих право на обращение с заявлением о приеме в гражданство Российской Федерации в упрощенном порядке, определяющие понятие «репатриант» применительно к Государственной программе по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом, и т.д. Рассматриваются новые нормативные правовые акты правительства Российской Федерации, в том числе применительно к изменениям правил миграционного учета, а также к эксперименту по апробации правил и условий въезда в Российскую Федерацию и выезда из Российской Федерации иностранных граждан и лиц без гражданства. Кроме того, уделено внимание различным ведомственным нормативным правовым актам (приказам) Министерства внутренних дел Российской Федерации и Генеральной прокуратуры Российской Федерации. В результате проведенного анализа делаются выводы, что указанные нормативные правовые акты направлены на дальнейшее совершенствование российского законодательства, создание новых эффективных юридических механизмов, направленных на восполнение существующих пробелов и снятие формирующегося социального напряжения.

Ключевые слова: правовой статус, иностранные граждане, лица без гражданства, репатрианты, миграционное законодательство, нормативные правовые акты.

Солопова Оксана Вячеславовна, кандидат исторических наук, руководитель лаборатории истории диаспор и миграций, доцент кафедры истории стран ближнего зарубежья исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

Solopova Oksana Vyacheslavovna, PhD Candidate in History, Head, Laboratory of Diaspora and Migration History, Associate Professor, Department of Near Abroad History, Faculty of History, Lomonosov Moscow State University

osolopova@mail.ru

ORCID: 0009-0002-3675-5766

Роева-Мкртчян Екатерина Борисовна, научный сотрудник лаборатории истории диаспор и миграций исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

Roeva-Mkrtchyan Ekaterina Borisovna, Researcher, Laboratory of Diaspora and Migration History, Faculty of History, Lomonosov Moscow State University

plu2310@yandex.ru

ORCID: 0009-0007-4778-4702

Работа выполнена при поддержке Программы развития МГУ, проект № 23-Ш02-11 «Междисциплинарное изучение современных миграций: новые аналитические подходы».

This work was done with the support of MSU Program of Development, Project No. 23-Sch02-11 “Interdisciplinary Study of Modern Migrations: New Analytical Approaches”.

Abstract. The article provides a concise interdisciplinary analysis of several normative legal acts adopted in 2024 by federal executive authorities of Russia and other state bodies, which are set to take effect in 2024. These acts pertain to the regulation of the legal status of foreign citizens and stateless persons, as well as the application of relevant migration legislation. The analysis encompasses both subordinate normative legal acts adopted by bodies of general competence (the President of the Russian Federation, the Government of the Russian Federation, the General Procuratorate of the Russian Federation) and bodies of special competence — federal executive authorities (the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation). These normative legal acts were examined not only from the perspective of legal dogma, but also in relation to the political, economic, and social context of their adoption, including consideration of the events that transpired in 2024. In particular, the article undertakes a thorough examination of the normative legal acts of the President of the Russian Federation. It specifies the categories of persons who have the right to apply for admission to citizenship of the Russian Federation in a simplified procedure. Furthermore, it defines the concept of “repatriate” in relation to the State program to assist voluntary resettlement of compatriots living abroad to the Russian Federation. The present study examines the recent normative legal acts of the Government of the Russian Federation, including those pertaining to modifications in the regulations governing migration registration. The present study also analyzes the recently enacted normative legal acts of the Government of the Russian Federation, with specific reference to alterations in regulations concerning migration registration. It also encompasses an experimental evaluation of the rules and conditions pertaining to the entry and exit of foreign citizens and stateless persons into and out of the Russian Federation. Moreover, consideration is given to the various departmental normative legal acts (orders) issued by the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation and the General Procuratorate of the Russian Federation. The analysis conducted indicates that these normative legal acts are intended to enhance the Russian legislation, establish novel effective legal mechanisms to address existing gaps and alleviate emerging social tensions.

Keywords: legal status, foreign citizens, stateless persons, repatriates, migration legislation, normative legal acts.

* * *

Проблема эффективного правового регулирования положения иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации, иных вопросов, связанных с миграционными процессами, является краеугольным камнем на пути к реализации социально-экономических потребностей российского государства в начале XXI в.

Несовершенство как собственно законодательства, так и подзаконного нормативного правового регулирования (т. е. законодательства в материальном смысле) неизбежно создает благоприятную среду для нелегальной миграции, затрудняет контроль за миграционными потоками, способствует росту теневой экономики, распространению преступности и экстремизма, создает угрозу

безопасности государства. Существующие механизмы интеграции мигрантов в российское общество недостаточно эффективны. Отсутствие адекватных программ по обучению русскому языку, адаптации к культурным нормам и профессиональной подготовке осложняет трудоустройство мигрантов и ведет к социальной изоляции. Это не только снижает их потенциал как активных участников экономического развития России, но и провоцирует социальную напряженность между российскими гражданами и мигрантами. Недостаточная информированность мигрантов о своих правах и обязанностях, а также сложности в доступе к юридической помощи усугубляют ситуацию. Это подрывает доверие к государственным институтам, негативно сказывается на образе России на международной арене. Отдельные нормативные правовые акты, принятые в 2024 г. (а также вступившие в силу в 2024 г.) федеральными органами исполнительной власти России, иными государственными органами, связанные с регулированием правового положения иностранных граждан и лиц без гражданства, а также применением соответствующего миграционного законодательства как раз были направлены на решение вышеуказанных проблем.

Существенное значение имеют принятые в 2024 г. указы Президента Российской Федерации. Так, Указом Президента Российской Федерации от 4 января 2024 г. № 11 «Об определении отдельных категорий иностранных граждан и лиц без гражданства, имеющих право обратиться с заявлением о приеме в гражданство Российской Федерации»¹ (далее — Указ № 11) предоставлено право обратиться с заявлением о приеме в гражданство Российской Федерации отдельным категориям иностранных граждан и лиц без гражданства без соблюдения требований, предусмотренных пунктами 1-3 части 1 статьи 15 Федерального закона от 28 апреля 2003 г. № 138-ФЗ «О гражданстве Российской Федерации», а именно требований о постоянном проживании в Российской Федерации со дня принятия решения о выдаче вида на жительство в Российской Федерации и до дня подачи заявления о приеме в гражданство Российской Федерации в течение пяти лет; о владении русским языком; о знании истории России и основ законодательства Российской Федерации.

Предусмотренное Указом № 11 право предоставлено, например, гражданам Афганистана, Республики Ирак, Йеменской Республики и Сирийской Арабской Республики, родившимся на территории

¹ Указ Президента Российской Федерации от 4 января 2024 г. № 11 «Об определении отдельных категорий иностранных граждан и лиц без гражданства, имеющих право обратиться с заявлением о приеме в гражданство Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2024. № 2. Ст. 395.

РСФСР и имевшим в прошлом гражданство СССР, а также их детям, в том числе усыновленным (удочеренным), супругам и родителям.

Следует подчеркнуть, что действие Указа № 11 распространяется в том числе и на лиц, ранее имевших гражданство России и оформивших выход из гражданства в установленном порядке.

В последнее время одним из наиболее широко обсуждаемых аспектов миграции в России стала тема принятия иностранными гражданами, приезжающими в Российскую Федерацию для осуществления трудовой деятельности и (или) в иных целях, традиционных для российского общества духовно-нравственных ценностей (в том понимании, которое придается этому термину российским право-порядком).

В связи с этим совершенно логично, что в соответствии с Указом Президента Российской Федерации от 19 августа 2024 г. № 702 «Об оказании гуманитарной поддержки лицам, разделяющим традиционные российские духовно-нравственные ценности»² иностранным гражданам и лицам без гражданства, изъявившим желание переехать в Российскую Федерацию для проживания из иностранных государств их гражданской принадлежности или постоянного проживания по мотивам непринятия реализуемой этими государствами политики, навязывающей деструктивные неолиберальные идеологические установки, противоречащие традиционным российским духовно-нравственным ценностям, предоставлено право обратиться с заявлением о выдаче разрешения на временное проживание без учета утвержденной Правительством Российской Федерации квоты и без подачи документа, подтверждающего владение русским языком, знание истории России и основ законодательства Российской Федерации.

Тема возвращения соотечественников в Российскую Федерацию — сложный вопрос, активно дискутируемый в научной среде, общественных кругах, средствах массовой информации. Широко распространено мнение, что эта категория иностранных граждан обладает наибольшим потенциалом для успешной интеграции в российское общество. Аргументация строится на предположении о высоком уровне владения русским языком, а также об уже имеющемся знакомстве с российской культурой и историей. Однако такое упрощенное представление нуждается в существенной корректировке. Действительно, знание языка и культурного контекста играет

² Указ Президента Российской Федерации от 19 августа 2024 г. № 702 «Об оказании гуманитарной поддержки лицам, разделяющим традиционные российские духовно-нравственные ценности» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2024. № 35. Ст. 5322.

важнейшую роль в адаптации. Для соотечественников, покинувших Россию в разные исторические периоды (будь то эмигранты советской эпохи, выходцы с территории постсоветского пространства или лица, недавно уехавшие за рубеж), уровень владения русским языком может значительно различаться. Дети, выросшие за границей, могут свободно говорить на русском, но испытывать трудности с пониманием нюансов языка, характерных для современной России, и владеть устаревшим лексиконом. Аналогично, знание ими истории и культуры может быть фрагментарным или основываться на устаревших представлениях, не отражающих современных реалий. Более того, успешная интеграция зависит не только от лингвистических и культурных факторов. Ключевыми являются экономические аспекты: наличие квалификации, требуемой для российского рынка труда, возможность трудоустройства и адаптации к новым условиям работы. Соотечественники, обладающие востребованными профессиями, с большей вероятностью смогут быстро интегрироваться в общество. Однако многие сталкиваются с проблемами признания зарубежных документов об образовании, что существенно усложняет процесс поиска работы. Кроме того, немаловажную роль играет социальная адаптация: наличие социальных связей в России, готовность к изменению привычного образа жизни, умение преодолевать межкультурные барьеры, а также психологическая готовность к жизни в новых условиях. Государственная политика в отношении соотечественников, направленная на поддержку их возвращения, включает в себя различные программы по обучению, переподготовке кадров, а также предоставлению финансовых и социальных льгот. При этом эффективность таких программ часто зависит от уровня организации и доступности для всех категорий соотечественников. Так, согласно статистике, предоставляемой Министерством внутренних дел Российской Федерации (МВД России), в 2023 г. Государственная программа добровольного переселения соотечественников в Россию (далее — Государственная программа) показала самые скромные результаты за последние десять лет: заявку на участие подали 63,6 тыс. человек, а до России добрались лишь 45,1 тыс. Для сравнения, в 2021 г. было подано 113,1 тыс. заявлений, а на учет встали 78,5 тыс. человек³.

³ Переселение откладывается. Соотечественники в 2023 году стремились в Россию заметно меньше, чем год назад. — URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6508071> (дата обращения 15.09.2024); Дайджест «Освещение миграционных процессов в СМИ». № 1 (12) (01.02.2024–29.02.2024) / Лаборатория истории диаспор и миграций исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова. С. 18. — URL: [https://www.palitra-diaspor.ru/doc/journal/%D0%94%D0%B0%D0%B9%D0%B4%D0%B6%D0%B5%D1%81%D1%82%20%D0%96%20\(01.02.2024%20-%2029.02.2024\).pdf](https://www.palitra-diaspor.ru/doc/journal/%D0%94%D0%B0%D0%B9%D0%B4%D0%B6%D0%B5%D1%81%D1%82%20%D0%96%20(01.02.2024%20-%2029.02.2024).pdf) (дата обращения 15.09.2024).

Ряд исследователей считает, что главная причина слабой результативности Государственной программы состоит в том, что ее принятие необходимо было реализовать в 1990-х гг., сразу после дезинтеграции Советского Союза. Другая причина заключается в незаинтересованности в переселенцах на региональном уровне ввиду существенной финансовой нагрузки на местный бюджет для их приема⁴.

Указом Президента Российской Федерации от 18 сентября 2024 г. «О внесении изменений в Государственную программу по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом, утвержденную Указом Президента Российской Федерации от 22 июня 2006 г. № 637»⁵ внесены изменения в Государственную программу, а именно конкретизирован перечень лиц, относящихся к категории «член семьи участника Государственной программы»; уточнены правила переселения соотечественников в Россию из-за рубежа; установлено, что совершеннолетний член семьи участника Государственной программы может самостоятельно участвовать в Государственной программе.

Следует отметить, что Государственная программа направлена на объединение потенциала соотечественников, проживающих за рубежом, с потребностями развития российских регионов⁶, что имеет первостепенное значение для развития российского государства в последние годы.

В силу Указа Президента Российской Федерации от 10 октября 2024 г. № 873 «О внесении изменений в Указ Президента Российской Федерации от 10 мая 2023 г. № 335 “О порядке въезда в Российскую Федерацию и выезда из Российской Федерации граждан Грузии”»⁷ расширен безвизовый режим для граждан Грузии, а именно больше

⁴ Мамонтова Э.А., Дмитриевцева А.А. Проблема переселения соотечественников в Российскую Федерацию // Международный научный журнал «Символ науки». 2015. № 15. С. 228–229.

⁵ Указ Президента Российской Федерации от 18 сентября 2024 г. № 809 «О внесении изменений в Государственную программу по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом, утвержденную Указом Президента Российской Федерации от 22 июня 2006 г. № 637» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2024. № 39. Ст. 5796.

⁶ Указ Президента РФ от 22 июня 2006 г. № 637 «О мерах по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом» // Собрании законодательства Российской Федерации. 2006. № 26. Ст. 2820.

⁷ Указ Президента Российской Федерации от 10 октября 2024 г. № 873 «О внесении изменений в Указ Президента Российской Федерации от 10 мая 2023 г. № 335 «О порядке въезда в Российскую Федерацию и выезда из Российской Федерации граждан Грузии» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2024. № 42. Ст. 6224.

не требуется виза для граждан Грузии, которые приезжают в Россию на работу, учебу или на срок более 90 дней для временного пребывания.

Некоторые исследователи, а также специалисты, занимающиеся вопросами соотечественников, не раз отмечали, что существующие в Российской Федерации нормативные правовые акты недостаточно определяют понятие «соотечественник», и настаивали на необходимости корректировки понятийно-категориального аппарата в данной сфере.

Уместно обратить внимание в этом контексте также на вступивший в силу с 1 января 2024 г. Указ Президента Российской Федерации от 22 ноября 2023 г. № 872 «О внесении изменений в Государственную программу по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом, утвержденную Указом Президента Российской Федерации от 22 июня 2006 г. № 637»⁸ (далее — Указ № 872).

Данным указом в Государственную программу введен термин «репатриант», т.е. соотечественник, изъявивший желание принять участие в Государственной программе в специальном порядке из числа лиц, относящихся к перечисленным в Указе № 872 категориям.

Репатрианты вправе избрать для переселения любой субъект Российской Федерации, в том числе не участвующий в реализации Государственной программы. При этом сам по себе факт того, что соотечественник относится к одной или нескольким перечисленным в Указе № 872 категориям не лишает его права принять участие в Государственной программе на общих основаниях.

Правительством Российской Федерации в 2024 г. также приняты нормативные правовые акты, имеющие существенное значение относительно регулирования правового статуса иностранных граждан и лиц без гражданства в России, а также исполнения миграционного законодательства.

22 марта 2024 г. в торговом комплексе «Крокус Сити Холл» произошел террористический акт, который потряс всю страну. В результате этого нападения погибли десятки людей, многие получили ранения. Правоохранительные органы быстро отреагировали и задержали исполнителей преступления, которыми оказались выходцы из стран Средней Азии. Этот инцидент вызвал широкий общественный резонанс и активизировал обсуждение миграционной политики

⁸ Указ Президента РФ от 22 ноября 2023 г. № 872 «О внесении изменений в Государственную программу по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом, утвержденную Указом Президента Российской Федерации от 22 июня 2006 г. № 637» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2023. № 48. Ст. 8545.

России⁹. В последние годы Россия стала важным пунктом назначения для мигрантов из стран Средней Азии, которые ищут лучшие экономические возможности и стабильность. Однако такие трагедии, как террористический акт в «Крокус Сити Холле», поднимают острые вопросы о безопасности. Кто именно приезжает в страну и с какими намерениями? Каковы истинные мотивы мигрантов? Как можно предотвратить подобные акты насилия в будущем? Кроме того, эксперты в области миграции и безопасности подчеркивают необходимость более тщательной проверки и мониторинга приезжающих. Трагедия в «Крокус Сити Холле» стала не только поводом для скорби, но и толчком к серьезному разговору о будущем миграционной политики в России, о том, как обеспечить безопасность всех ее граждан, стала катализатором принятия ряда изменений в существующее правовое регулирование.

Постановлением Правительства Российской Федерации от 23 марта 2024 г. № 370 «О внесении изменений в постановление Правительства Российской Федерации от 17 января 2007 г. № 21»¹⁰ внесены отдельные изменения в Правила подачи иностранным гражданином или лицом без гражданства уведомления о подтверждении своего проживания в Российской Федерации.

Постановлением Правительства Российской Федерации от 25.04.2024 № 535 «О внесении изменений в постановление Правительства Российской Федерации от 15 января 2007 г. № 9»¹¹ изменены Правила осуществления миграционного учета иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации (далее — Правила осуществления миграционного учета). Изменения связаны с процедурой подачи иностранным гражданином и лицом без гражданства заявления о регистрации по месту жительства. Так, Пункт 3 Правил осуществления миграционного учета дополнен указанием на возможность подачи такого заявления через уполномоченное МВД России и находящееся в его ведении федеральное государственное

⁹ Дайджест «Освещение миграционных процессов в СМИ». № 3 (14) (15.03.2024–28.03.2024) / Лаборатория истории диаспор и миграций исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова. С. 79. — URL:[https://www.palitra-diaspor.ru/doc/journal/%D0%94%D0%B0%D0%B9%D0%B4%D0%B6%D0%B5%D1%81%D1%82%20%E2%84%963%20\(15.03.2024%20-%2028.03.2024\).pdf](https://www.palitra-diaspor.ru/doc/journal/%D0%94%D0%B0%D0%B9%D0%B4%D0%B6%D0%B5%D1%81%D1%82%20%E2%84%963%20(15.03.2024%20-%2028.03.2024).pdf) (дата обращения 15.09.2024).

¹⁰ Постановление Правительства Российской Федерации от 23 марта 2024 г. № 370 «О внесении изменений в постановление Правительства Российской Федерации от 17 января 2007 г. № 21» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2024. № 15. Ст. 2028.

¹¹ Постановление Правительства РФ от 25.04.2024 № 535 «О внесении изменений в постановление Правительства Российской Федерации от 15 января 2007 г. № 9» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2024. № 18. Ст. 2451.

унитарное предприятие или уполномоченную городом федерального значения Москвой организацию.

В целях создания цифрового профиля иностранного гражданина Постановлением Правительства Российской Федерации от 7 ноября 2024 г. № 1510 «О проведении эксперимента по апробации правил и условий въезда в Российскую Федерацию и выезда из Российской Федерации иностранных граждан и лиц без гражданства»¹² (далее — Постановление № 1510) утверждены Правила организации эксперимента по апробации правил и условий въезда в Российскую Федерацию и выезда из Российской Федерации иностранных граждан и лиц без гражданства (далее — Правила организации эксперимента) и Правила оказания содействия подразделениям органов внутренних дел Российской Федерации в проведении добровольной государственной геномной регистрации посредством получения, хранения, уничтожения биологического материала, а также получения и передачи геномной информации (далее — Правила оказания содействия МВД России).

В подпунктах «а» и «б» пункта 1 Постановления № 1510 установлены сроки и пространственные границы проведения эксперимента по апробации правил и условий въезда в Российскую Федерацию и выезда из Российской Федерации иностранных граждан и лиц без гражданства (далее — эксперимент). Эксперимент проводится в период с 00 часов 00 минут 01 декабря 2024 г. по местному времени до 23 часов 59 минут 30 июня 2026 г. по местному времени в международных аэропортах Москва (Шереметьево), Москва (Домодедово), Москва (Внуково) (при наличии технической возможности), Жуковский (Московская область) и автомобильном грузо-пассажи́рском постоянном многостороннем пункте пропуска Маштаково (Оренбургская область); в период с 00 часов 00 минут 30 июня 2025 г. по местному времени до 23 часов 59 минут 30 июня 2026 г. по местному времени во всех пунктах пропуска через государственную границу Российской Федерации.

Постановлением № 1510 установлены категории иностранных граждан и лиц без гражданства, на которых не распространяется эксперимент (например, граждане Республики Беларусь; главы дипломатических представительств и главы консульских учреждений иностранных государств в Российской Федерации, а также члены их

¹² Постановление Правительства Российской Федерации от 7 ноября 2024 г. № 1510 «О проведении эксперимента по апробации правил и условий въезда в Российскую Федерацию и выезда из Российской Федерации иностранных граждан и лиц без гражданства» // *Собрание законодательства Российской Федерации*. 2024. № 47. Ст. 7114.

семей; иностранные граждане и лица без гражданства, не достигшие шестилетнего возраста.

Правила организации эксперимента определяют объем и порядок предоставления иностранным гражданином или лицом без гражданства, а также уполномоченными органами и организациями, участвующими в проведении эксперимента, определенных Правилами, сведений в государственные информационные системы. При этом, как следует из пункта 3 Правил организации эксперимента, «цифровой профиль иностранного гражданина» определяется как совокупность таких сведений.

Правила оказания содействия МВД России в свою очередь определяют порядок оказания содействия подразделениям органов МВД России, определенным МВД России в проведении добровольной государственной геномной регистрации иностранных лиц и лиц без гражданства посредством получения, хранения, уничтожения биологического материала, а также получения и передачи геномной информации в периоды проведения эксперимента.

Правилами оказания содействия МВД России очерчен круг лиц, в отношении которых осуществляется содействие в получении добровольной государственной геномной регистрации, к данным лицам отнесены иностранные граждане и лица без гражданства, въехавшие в Российскую Федерацию в периоды проведения эксперимента через пункты пропуска через государственную границу Российской Федерации, указанные в подпунктах «а» и «б» пункта 1 Постановления № 1510 (пункт 3 Правила оказания содействия МВД).

Из пункта 4 Правил оказания содействия МВД России следует, что добровольность государственной геномной регистрации выражается в необходимости наличия согласия иностранного гражданина или лица без гражданства на проведение добровольной государственной геномной регистрации. Кроме того, регистрация осуществляется на безвозмездной основе.

МВД России в 2024 г. также принято значительное количество подзаконных нормативных правовых актов (преимущественно в форме приказов), которые так или иначе связаны с применением законодательства об иностранных гражданах и лицах без гражданства, регулированием правового статуса указанных лиц, и имеющими место в России миграционными процессами.

Приказами МВД России установлен Перечень субъектов Российской Федерации, на территориях которых уполномоченное МВД России и находящееся в его ведении федеральное государственное унитарное предприятие оказывает содействие МВД России и его

территориальным органам¹³; внесены изменения в Порядок подачи уведомления о приобретении гражданства (подданства) иностранного государства либо получении вида на жительство или иного документа, подтверждающего право на постоянное проживание гражданина Российской Федерации на территории иностранного государства, уведомления об утрате гражданства (подданства) иностранного государства либо вида на жительство или иного документа, подтверждающего право на постоянное проживание гражданина Российской Федерации на территории иностранного государства, в Министерство внутренних дел Российской Федерации или его территориальные органы, в том числе в электронной форме, установленной приказом МВД России от 20 сентября 2023 г. № 689¹⁴; внесены изменения в ранее принятый приказ МВД России, связанный с подачей образовательной организацией уведомления об изменении образовательного статуса иностранного гражданина или лица без гражданства¹⁵.

Кроме того, МВД России внесены изменения в Порядок принятия решения о продлении либо сокращении срока временного пребывания иностранного гражданина или лица без гражданства

¹³ Приказ МВД России от 20 марта 2024 г. № 121 «Об установлении Перечня субъектов Российской Федерации, на территориях которых уполномоченное Министерством внутренних дел Российской Федерации и находящееся в его ведении федеральное государственное унитарное предприятие оказывает содействие Министерству внутренних дел Российской Федерации и его территориальным органам». — URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202404250014?ysclid=m5zm6буу9р2522955358> (дата обращения 12.09.2024).

¹⁴ Приказ МВД России от 6 мая 2024 г. № 240 «О внесении изменений в Порядок подачи уведомления о приобретении гражданства (подданства) иностранного государства либо получении вида на жительство или иного документа, подтверждающего право на постоянное проживание гражданина Российской Федерации на территории иностранного государства, уведомления об утрате гражданства (подданства) иностранного государства либо вида на жительство или иного документа, подтверждающего право на постоянное проживание гражданина Российской Федерации на территории иностранного государства, в Министерство внутренних дел Российской Федерации или его территориальные органы, в том числе в электронной форме, установленный приказом МВД России от 20 сентября 2023 г. № 689». — URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202405280014?ysclid=m5zmev7t9170271623> (дата обращения 12.09.2024).

¹⁵ Приказ МВД России от 13 мая 2024 г. № 248 «О внесении изменения в пункт 1 приложения № 1 к приказу МВД России от 24 ноября 2023 г. № 904 «Об установлении порядка подачи образовательной или научной организацией уведомления о предоставлении иностранному гражданину (лицу без гражданства) академического отпуска, о завершении или досрочном прекращении обучения иностранного гражданина (лица без гражданства), указанного в абзацах первом, втором, третьем или пятом пункта 7 статьи 5 Федерального закона от 25 июля 2002 г. № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации», и формы указанного уведомления». — URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202406100007?ysclid=m5zmiclb98869737804> (дата обращения 12.09.2024).

в Российской Федерации¹⁶ и Порядок проведения идентификации личности человека по отпечаткам пальцев (ладоней) рук в режиме реального времени¹⁷, а также утвержден Порядок проведения обязательной государственной дактилоскопической регистрации и фотографирования иностранных граждан и лиц без гражданства, прибывших в Российскую Федерацию в целях, не связанных с осуществлением трудовой деятельности, на срок, превышающий 90 календарных дней, либо в целях осуществления трудовой деятельности, а также иностранных граждан и лиц без гражданства, желающих въехать в Российскую Федерацию в указанных целях¹⁸.

Необходимо упомянуть и вступивший в силу с 1 января 2024 года Приказ МВД России от 23 ноября 2023 г. № 889 «О внесении изменений в Порядок принятия решения о продлении либо сокращении срока временного пребывания иностранного гражданина или лица без гражданства в Российской Федерации, утвержденный приказом МВД России от 22 ноября 2021 г. № 926». Внесенные данным приказом изменения связаны с созданием Центра по вопросам миграции (ЦВМ МВД России) в структуре МВД России.

Отдельное внимание следует обратить на функцию прокуратуры Российской Федерации по надзору за соблюдением законодательства, в том числе миграционного.

Согласно пункту 1 статьи 17 Федерального закона от 17 января 1992 г. № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации»¹⁹ к полномочиям Генерального прокурора Российской Федерации отнесено

¹⁶ Приказ МВД России от 20 мая 2024 г. № 268 «О внесении изменений в Порядок принятия решения о продлении либо сокращении срока временного пребывания иностранного гражданина или лица без гражданства в Российской Федерации, утвержденный приказом МВД России от 22 ноября 2021 г. № 926». — URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202406060007?ysclid=m5zmm0bg7i358131477> (дата обращения 12.09.2024).

¹⁷ Приказ МВД России от 20 мая 2024 г. № 269 «О внесении изменений в Порядок проведения идентификации личности человека по отпечаткам пальцев (ладоней) рук в режиме реального времени, утвержденный приказом МВД России от 19 июня 2018 г. № 384». — URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202406050005?ysclid=m5zmo0kzcn304062883> (дата обращения 12.09.2024).

¹⁸ Приказ МВД России от 24 мая 2024 г. № 288 «Об утверждении Порядка проведения обязательной государственной дактилоскопической регистрации и фотографирования иностранных граждан и лиц без гражданства, прибывших в Российскую Федерацию в целях, не связанных с осуществлением трудовой деятельности, на срок, превышающий девятно календарных дней, либо в целях осуществления трудовой деятельности, а также иностранных граждан и лиц без гражданства, желающих въехать в Российскую Федерацию в указанных целях». — URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202406200018?ysclid=m5zmouxt5w862670705> (дата обращения 12.09.2024).

¹⁹ Федеральный закон от 17 января 1992 г. № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» // Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации. 1992. № 8. Ст. 366.

издание обязательных для исполнения всеми работниками органов и организаций прокуратуры приказов, указаний, распоряжений, положений и инструкций, регулирующих вопросы организации деятельности системы прокуратуры Российской Федерации.

Руководствуясь указанным полномочием, учитывая содержание Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019–2025 годы (далее — Концепция миграционной политики), утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 31 октября 2018 г. № 622²⁰, Генеральным прокурором Российской Федерации издан Приказ от 12 апреля 2024 г. № 273 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законов в сфере миграции»²¹ (далее — Приказ № 273).

Следует отметить, что Приказом № 273 признан утратившим силу действовавший ранее на протяжении почти девяти лет Приказ Генерального прокурора Российской Федерации от 1 июля 2015 г. № 343 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законодательства в сфере миграции»²² (далее — Приказ № 343).

Приказом № 273 заместителям Генерального прокурора Российской Федерации, начальникам главных управлений и управлений Генеральной прокуратуры Российской Федерации, прокурорам субъектов Российской Федерации, городов, районов, приравненным к ним военным и иным специализированным прокурорам в пределах компетенции предписано добиваться: эффективного противодействия незаконной миграции; обеспечения прав участников миграционных отношений — граждан Российской Федерации, иностранных граждан и лиц без гражданства, их защиты от преступных посягательств; предупреждения межнациональных и межконфессиональных конфликтов; недопущения незаконного привлечения к трудовой деятельности нелегальных мигрантов; предотвращения вовлечения мигрантов в криминальную среду, экстремистскую, террористическую, коррупционную деятельность.

Необходимо обратить внимание на отдельные содержательные отличия Приказа № 273 от ранее действовавшего нормативного правового акта.

²⁰ Указ Президента РФ от 31 октября 2018 г. № 622 «О Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019–2025 годы» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2018. № 45. Ст. 6917.

²¹ Приказ Генпрокуратуры России от 12 апреля 2024 г. № 273 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законов в сфере миграции» // Законность. 2024. № 6.

²² Приказ Генеральной прокуратуры РФ от 1 июля 2015 г. № 343 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законодательства в сфере миграции» // Законность. 2015. № 8.

Приказ № 273 предписывает органам местного самоуправления и органам государственной власти уделять особое внимание в том числе развитию программ социальной и культурной адаптации иностранных граждан в Российской Федерации и их интеграции в общество; созданию в субъектах Российской Федерации условий для адаптации к правовым, социально-экономическим, культурным и иным условиям жизни иностранных граждан, испытывающих сложности в интеграции, обусловленные особенностями их культуры и привычного жизненного уклада; принятию мер, препятствующих возникновению пространственной сегрегации, формированию этнических анклавов и маргинализации находящихся на территории Российской Федерации иностранных граждан.

Такие факторы как недостаточное правовое регулирование интеграции и адаптации иностранных граждан, с одной стороны, и нарастающее в обществе отрицательное отношение к иностранцам, с другой, способствуют увеличению тенденции к формированию этнических анклавов.

Выступая с ежегодным посланием Федеральному собранию, Президент Российской Федерации В.В. Путин декларировал, что «попытки спровоцировать межэтническую нетерпимость, религиозную нетерпимость мы должны рассматривать как вызов единству российского государства, как угрозу для каждого из нас. Мы не допустим появления в России замкнутых этнических анклавов со своей неформальной юрисдикцией, живущих вне единого правового и культурного поля страны, с вызовом игнорирующих общепринятые нормы, законы и правила»²³.

Противодействие формированию этнических (полиэтнических) анклавов является новым направлением миграционной политики в соответствии с последней редакцией Концепции миграционной политики, изменения в которую внесены Указом Президента Российской Федерации от 12 мая 2023 г. № 342²⁴.

Учитывая, что источником информации о незаконных услугах в сфере миграции и продаже поддельных документов, используемых иностранными гражданами для легализации на территории России, нередко является телекоммуникационная сеть Интернет и, в частности, социальные сети, Приказ № 273 предписывает на постоянной

²³ Путин: власть не допустит появления в РФ замкнутых этнических анклавов. — URL: <https://ria.ru/20121212/914455436.html> (дата обращения 12.09.2024).

²⁴ Указ Президента РФ от 12 мая 2023 г. № 342 «О внесении изменений в Концепцию государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019–2025 годы, утвержденную Указом Президента РФ от 31 октября 2018 года № 622» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2023. № 20. Ст. 3534.

основе проводить мониторинг Интернета и социальных сетей на предмет выявления такой информации в целях дальнейшей реализации полномочий по обращению в суд с требованиями о блокировке информации в Интернете о способах организации незаконной миграции.

Осуществленный обзор отдельных принятых в 2024 г. федеральными органами исполнительной власти Российской Федерации и иными государственными органами подзаконных нормативных правовых актов в миграционной сфере позволяет прийти к выводу, что указанные акты направлены на дальнейшее совершенствование правового регулирования общественных отношений, связанных с миграционными процессами, создание новых эффективных юридических механизмов и восполнение пробелов, наличествующих в миграционном законодательстве.

References

Daydzhest "Osveshcheniye migratsionnykh protsessov v SMI" [Digest "Coverage of Migration Processes in the Media"]. N 1 (12) (01.02.2024–29.02.2024) / Laboratory of Diaspora and Migration History, Faculty of History, Lomonosov Moscow State University. 75 p. — URL: [https://www.palitra-diaspor.ru/doc/journal/%D0%94%D0%B0%D0%B9%D0%B4%D0%B6%D0%B5%D1%81%D1%82%20%E2%84%961%20\(01.02.2024%20-%2029.02.2024\).pdf](https://www.palitra-diaspor.ru/doc/journal/%D0%94%D0%B0%D0%B9%D0%B4%D0%B6%D0%B5%D1%81%D1%82%20%E2%84%961%20(01.02.2024%20-%2029.02.2024).pdf)

Daydzhest "Osveshcheniye migratsionnykh protsessov v SMI" [Digest "Coverage of Migration Processes in the Media"]. N 3 (14) (15.03.2024–28.03.2024) / Laboratory of Diaspora and Migration History, Faculty of History, Lomonosov Moscow State University. 120 p. — URL: [https://www.palitra-diaspor.ru/doc/journal/%D0%94%D0%B0%D0%B9%D0%B4%D0%B6%D0%B5%D1%81%D1%82%20%E2%84%963%20\(15.03.2024%20-%2028.03.2024\).pdf](https://www.palitra-diaspor.ru/doc/journal/%D0%94%D0%B0%D0%B9%D0%B4%D0%B6%D0%B5%D1%81%D1%82%20%E2%84%963%20(15.03.2024%20-%2028.03.2024).pdf)

Mamontova E.A., Dmitriyevtseva A.A. *Problema pereseleniya sootchestvennikov v Rossiyskuyu Federatsiyu* [The Problem of Resettlement of Compatriots in the Russian Federation] // *Mezhdunarodnyy nauchnyy zhurnal "Simvol nauki"*. 2015. N 15. P. 228–229.

Pereselenie otkladyvaetsya. Sootchestvenniki v 2023 godu stremilis' v Rossiyu zametno men'she, chem god nazad [The Resettlement Process Has Been Delayed. Compatriots in 2023 Demonstrated a Conspicuously Lower Level of Interest in Relocating to Russia When Compared to the Previous Year]. — URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6508071>

Поступила в редакцию
20 ноября 2024 г.

DOI: 10.55959/MSU0130-0083-8-2024-65-5-168-179



О.Ю. Торцова

ИСТОРИЯ СТРОИТЕЛЬСТВА СИНАГОГИ В ПОСАДЕ БЕЖУНЬ ПЛОЦКОЙ ГУБЕРНИИ

O.Yu. Tortsova

HISTORY OF THE CONSTRUCTION OF THE SYNAGOGUE IN BEŽUN VILLAGE, PŁOCK GUBERNIYA

Аннотация. В статье прослеживается история строительства каменной синагоги в посаде Бежунь Плоцкой губернии и делается попытка восстановить обстоятельства ее создания. Анализ не опубликованных ранее источников — архивных дел Плоцкого государственного архива, а также памятных книжек Плоцкой губернии — позволил установить авторство проекта. Вопреки утвердившемуся ранее в научной литературе мнению, архитектором синагоги является не С. Кмита, автор ее первого, неосуществленного, проекта, а Л. Каминский. Также в статье были сформулированы гипотезы относительно источников архитектурного решения первого и второго проектов синагоги. Первый, нереализованный, проект Сизигмунда Кмиты, вероятно, связан с архитектурой синагоги в Петрокове Трибунальском, реконструированной в 1864 г.: оба проекта имеют трехчастное членение фасада, двойное готическое окно над порталом и окна стрельчатой формы на боковых частях фасада, а также перспективный портал. Поскольку архитектор Кмита обучался в Петроковской гимназии как раз в период реконструкции этой синагоги, вполне возможно, что, работая над бежуньским проектом, он мог сообщить ему некоторые ее черты (речь главным образом идет и декоре фасада). В свою очередь синагога в Петрокове демонстрирует связь с типом неоготической синагоги, впервые воплощенном в синагоге в немецком Касселе в 1832 г. Петроковская синагога является далеко не единственной польской синагогой, воспроизводящей этот тип. В качестве примеров зданий со схожей композицией фасадов можно привести синагоги в Ломже (1880–1881 гг.) и Лодзи (1899–1904 гг.). Для второго проекта бежуньской синагоги определенный источник цитирования слож-

Торцова Ольга Юрьевна, аспирант кафедры всеобщей истории искусств исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

Tortsova Olga Yur'yevna, Postgraduate Student, Department of General History of Art, Faculty of History, Lomonosov Moscow State University

olga.tortsova@gmail.com

ORCID: 0009-0006-1743-6160

но установить. Можно предположить, что архитектор Людомир Каминский, будучи знакомым с зарисовками неомавританских синагог Европы, использовал отдельные ориенталистские декоративные элементы в своем проекте, такие, как подковообразные и стрельчатые окна. Сделанные в статье выводы вносят вклад в изучение архитектуры центрально- и восточноевропейских синагог конца XIX — начала XX в.

Ключевые слова: архитектура синагог, неомавританский стиль, неомавританские синагоги, архитектура Плоцкой губернии, Сигизмунд Кмита, Людомир Каминский.

Abstract. The article traces the history of the construction of the stone synagogue in Beżun village in the Płock *guberniya*, and attempts to reconstruct the circumstances of its creation. The authorship of the project has been established through analysis of hitherto unpublished sources, namely archival files of the Płock State Archives and memorial books of the Płock *guberniya*. Contrary to the previously held view, the architect of the synagogue was determined to be Ludomir Kamiński, rather than S. Kmita, who was the author of its unrealized design. The article also puts forward hypotheses concerning the sources of architectural solutions of the first and second projects of the synagogue. Sigismund Kmita's unrealized project is probably related to the architecture of the synagogue in Piotrków Trybunalski, which was reconstructed in 1864. Both projects have a three-part facade division, a double Gothic window above the portal and lancet windows on the side parts of the facade, as well as a perspective portal. It is conceivable that the architect Kmita, who studied at the Piotrków Gymnasium during the reconstruction of the Piotrków Synagogue, it is conceivable that he may have incorporated some of its architectural features into his Beżun design. The Piotrków synagogue exhibits a connection with the neo-Gothic synagogue type first embodied in the synagogue in Kassel, Germany, in 1832. It is important to note, however, that the Piotrków synagogue is not an isolated example of this architectural genre in Poland. Similar facade compositions can be observed in the synagogues in Łomża (1880–1881) and Łódź (1899–1904). The hypothesis that the architect Ludomir Kamiński incorporated Orientalist decorative elements into his own project, including horseshoe and lancet windows, can be substantiated by evidence that he had been acquainted with sketches of Neo-Mauritanian synagogues in Europe. The conclusions drawn in the article contribute to the study of the architecture of Central and Eastern European synagogues of the late 19th and early 20th centuries.

Keywords: synagogue architecture, Neo-Mauritanian style, Neo-Mauritanian synagogues, architecture of the Płock *guberniya*, Sigismund Kmita, Ludomir Kamiński.

* * *

Первые сведения о еврейских переселенцах, обосновавшихся на польских территориях, относятся к XI–XII вв. Сохранились сведения о еврейских общинах этого периода в городах Силезии¹. Впослед-

¹ Piechotka M. and K. Heaven's gates. Masonry synagogues in the territories of the former Polish-Lithuanian Commonwealth. Warsaw, 2017. P. 55.

ствии происходит постепенное продвижение еврейского населения дальше на восток: формируются общины в Кракове, Познани, Плоцке и других городах. В виду того, что в XIII в. начинаются гонения на евреев в Западной Европе, интенсивность их переселения на польские земли возрастает. К концу Средневековья еврейское население Речи Посполитой составляет ок. 24 тыс. человек². Самые ранние (и достаточно фрагментарные) сведения о постройке синагог на этих территориях относятся к XII–XV вв. — это свидетельства о синагогах в Силезии, о синагогах в Кракове XIV–XV вв.³ В XVI–XVII вв. продолжается иммиграция еврейского населения на территорию Польши и Литвы. Ведущую роль в этом процессе играли евреи ашкенази, которые переселялись с территории Германии и Чехии, спасаясь от преследований.

В этот период на территории Речи Посполитой формируются несколько типов каменных синагог (в зависимости от организации пространства молитвенного зала)⁴. Первый тип составляют однозальные синагоги, в прямоугольных молитвенных залах которых отсутствуют колонны или столбы, как, например, в синагоге в Шидлове (в центре зала расположена свободно стоящая бима). Ко второму типу относятся синагоги, где бима-балдахин в центре зала фланкирована четырьмя колоннами. В первой трети XVII в. появляются девятипольные синагоги, в которых четыре столба-опоры разделяют пространство молитвенного зала на девять частей, в центральной из которых располагалась бима⁵. Архитектура синагог XVII в. испытывает на себе заметное влияние барокко, что особенно сильно проявляется в пышном декоративном оформлении ковчега и бимы. Например, в синагоге в Новом Жмигруде (конец XVII — начало XVIII вв.) углы двухэтажного ковчега декорированы тройными пилястрами, на которые опирается раскрепованный антаблемент и фронтоны.

Декор фасадов синагог остается достаточно сдержанным, его оживляют в основном барочные аттики или фронтоны. В XVIII в. сохраняются описанные выше способы организации внутреннего пространства молитвенного зала. Начиная со второй половины XVIII в. барочное влияние в архитектуре синагог постепенно сменяется классицистическим, и до середины XIX в. классицизм был доминирующим стилем синагог, примером которых может служить

² Ibidem.

³ Ibid. P. 56.

⁴ Классификация, предложенная М.и К. Пехотка в указанной книге (P. 95–103).

⁵ *Котляр Е.* Иерусалимский Храм в итальянском искусстве: модель для восточноевропейских синагог // Научные труды по иудаике. Материалы XVIII Междунар. ежегодной конф. по иудаике. Т. I. М., 2011. С. 382

синагога в Варшавском районе Прага (1836 г.). Молитвенный зал Варшавской синагоги был решен как классицистическая ротонда, перекрытая низким коническим куполом.

После 1815 г. большая часть территории современной Польши оказалась включена в состав Российской империи (эта территория называлась Царством Польским и до 1860-х гг. сохраняла элементы автономии).

XIX век был ознаменован целым рядом социальных и политических изменений, которые повлияли на архитектуру синагог (особенно во второй половине XIX в.): зарождением и развитием реформистского иудаизма, постепенной отменой в России некоторых ограничений, связанных с чертой оседлости для евреев, и либерализацией политики в отношении возведения синагог. Эти обстоятельства, а также развивавшееся параллельно обновление языка европейской архитектуры, привели к поиску новых архитектурных форм синагог. Зодчие начинают обращаться к различным историческим стилям, создавая неоготические, неороманские и, наконец, неомавританские синагоги. В неомавританских синагогах авторы проектов цитируют элементы архитектуры мавританской Испании, мамлюкского Египта. Так, например, в синагоге во Влоцлавке (1848–1858 гг.) аркада галереи молитвенного зала состояла из подковообразных арок. Четыре башни по углам этой синагоги, а также луковичная форма купола, венчающего фонарь, подчеркивали ориенталистскую направленность архитектуры синагоги⁶. Ориентализм постепенно становится одним из ведущих направлений в архитектуре европейских (и в том числе польских) синагог второй половины XIX — начала XX в. При этом польские исследователи архитектуры синагог отмечают недостаточную изученность этой темы в имеющейся литературе⁷: есть публикации, посвященные определенным группам польских синагог (например, неомавританским), но отсутствует анализ этого периода в архитектуре в целом. Имеющиеся сведения о многих синагогах XIX–XX вв. далеко не полны. Данное исследование ставит задачу уточнить информацию об одной из таких синагог: это синагога в посаде Бежунь Плоцкой губернии (Царство Польское), процесс строительства которой растянулся на 30 лет — с 1872 до 1902/1903 гг.

В деревне Бежунь евреи осели в первой половине XVIII в. В 1764 г. там насчитывалось 20 еврейских семей, в 1898 г. еврейское население составило 398 человек, а к 1857 г. достигло 697 человек, что

⁶ *Piechotka M. and K.* Op. cit. P. 412.

⁷ *Ibid.* P. 577; *Bergman E.* Nurt Mauretański w architekturze synagog. Warszawa, 2004. P. 19.

на тот момент составляло около 30% от всего населения деревни⁸. До начала XX в. в деревне было одна деревянная синагога, также для молитв использовались частные дома.

Идея постройки каменной синагоги возникла в начале 70-х гг. XIX в., однако проект был реализован только в начале XX в. Каменная синагога в деревне Бежунь является одной из нескольких каменных синагог, построенных на территории Плоцкой губернии в XIX–XX вв., наряду с Малой и Большой синагогами в Плоцке и синагогой в Радзанове. Поводом для нашей статьи послужила необходимость опубликовать архивные сведения о бежуньской синагоге, которые были обнаружены нами в Плоцком Государственном архиве, а также в памятных книжках Плоцкой губернии. Эти материалы позволят уточнить авторство проекта синагоги, а также обстоятельства ее строительства.

В настоящий момент основными источниками сведений о каменной синагоге в Бежуни являются публикации известного польского историка искусства Элеоноры Бергман: это статья, посвященная синагоге в Радзанове⁹, и раздел «Синагога в Бежуни» в книге «Мавританские черты в архитектуре синагог»¹⁰. В этих публикациях делается предположение о том, что автором реализованного проекта синагоги в дер. Бежунь является «архитектор млавского и серпецкого поветов С. Кмита»¹¹. Между тем в архиве г. Плоцка хранятся документы, касающиеся постройки синагоги в Бежуни и позволяющие восстановить ход ее строительства, а также прояснить моменты, оставшиеся спорными¹².

Прошение о строительстве каменной синагоги в дер. Бежунь поступило 1872 г. от начальника Серпецкого уезда на имя губернатора Плоцкой губернии¹³. Прошение было одобрено Министерством внутренних дел Российской империи в 1873 г.¹⁴ Был создан и одобрен проект синагоги, завизированный архитектором С. Кмитой. В имеющихся публикациях отмечается, что какие-либо сведения об этом архитекторе отсутствуют¹⁵. На основе архивных документов нам

⁸ *Bergman E. Nurt Mauretański w architekturze synagog. P. 122.*

⁹ *Bergman E. Synagoga w Radzanowie // Architektura XIX I początku XX wieku / Ed. by T. Grygiel. Wrocław, 1991. P. 121–127.*

¹⁰ *Bergman E. Nurt Mauretański w architekturze synagog. P. 122–124.*

¹¹ *Ibid. P. 123.*

¹² *Archiwum Państwowe w Płocku (APP). Плоцкое губернское правление. Отделение Административного делопроизводства. О постройке еврейской божницы в посаде Бежунь 1872–1909. Sygn. 50/24/0/1.1/15.*

¹³ Там же. С. 5.

¹⁴ Там же. С. 12.

¹⁵ *Bergman E. Nurt Mauretański w architekturze synagog. P. 123.*

удалось найти информацию о нем: в памятных книжках Плоцкой губернии указано, что Сигизмунд Иванович Кмита¹⁶ числится исполняющим обязанности архитектора Млавского повета. Вероятное его вступление в должность относится к 1872–1873 гг.: в книжке указано, что в 1872 г. он только окончил Петроковскую гимназию, а в 1874 г. уже указан как млавский архитектор¹⁷. На протяжении всей карьеры С. Кмиты его должность будет звучать как «исполняющий дела архитектора», а не архитектор. Возможно, это связано с тем, что С. Кмита не получил высшего архитектурного образования. Деятельность его в Млавском повете продолжалась до 1900 г.¹⁸, именно в этом году он скончался. Это подтверждается датой смерти на его надгробии¹⁹. Тогда же на эту должность был переведен из Плоцка архитектор Стефан Усакевич²⁰. Таким образом, мы можем быть уверены, что ему не могли принадлежать архитектурные проекты после 1900 г. Это ставит под сомнение приписываемое ему авторство проекта синагоги в Радзанове²¹.

Однако первый проект бежуньской синагоги создал действительно Кмита²². И этот факт кажется несколько необычным: недавний гимназист, только что принятый на работу, создает проект синагоги, находившейся даже не во вверенном ему Млавском повете, а в соседнем Серпецком, где должен был быть свой архитектор. К сожалению, памятные книжки Плоцкой губернии за 1870–1873 гг. нам обнаружить не удалось. Возможно, в 1873 г. в Серпецком повете не было архитектора, или же С. Кмиту взяли сначала на работу в Серпецкий повет, а в 1874 г. перевели в Млавский. Установить это точно сейчас не представляется возможным. Памятная книжка за 1874 г. свидетельствует, что в Серпецком повете должность архитек-

¹⁶ На польском языке его имя будет выглядеть как Zygmunt Kmita (Зигмунд Кмита).

¹⁷ Памятная книжка Плоцкой губернии на 1874 г. С. 22. — URL: <http://book-olds.ru/BookLibrary/Pamyatnyie-knizhki-Plotskoj-gubernii/1874.-Pamyatnaya-knizhka-Plotskoj-gubernii-na-1874-god.html> (дата обращения 04.04.2023).

¹⁸ Памятная книжка Плоцкой губернии на 1899 г. — URL: <http://book-olds.ru/BookLibrary/Pamyatnyie-knizhki-Plotskoj-gubernii/1899.-Pamyatnaya-knizhka-Plotskoj-gubernii-na-1899-god.html> (дата обращения 04.04.2023).

¹⁹ Фото надгробия инженера архитектора Зигмунта Кмиты (Zygmunt Kmita). — URL: <http://www.polskaniezwykla.pl/web/place/people,9213.html> (дата обращения 04.04.2023).

²⁰ АРР. О назначении Усакевича Плоцким городовым архитектором (Powołanie Usakiewicza na płockiego architekta miejskiego). С. 5.

²¹ Установление даты постройки и автора проекта синагоги в посаде Радзанов Плоцкой губернии заслуживает отдельной публикации.

²² АРР. Плоцкое губернское правление Отделение Административного делопроизводства. О постройке еврейской божницы в посаде Бежунь 1872–1909. Под первым проектом синагоги стоит подпись С. Кмиты.

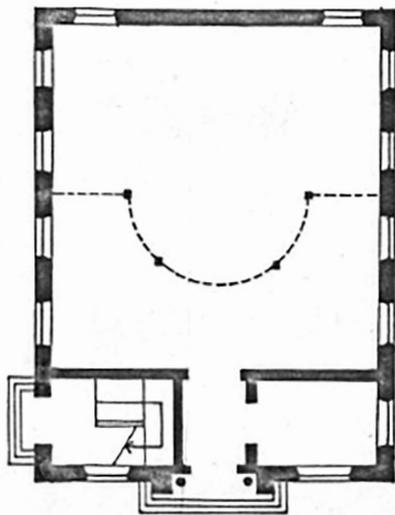


Рис. 1

тора в этом году уже занимает Людомир Фомич Каминский (также недавний выпускник Петроковской гимназии), а Сигизмунд Кмита числится архитектором в Млавском повете²³.

Первый проект синагоги, подписанный С. Кмитой, представляет собой прямоугольное в плане здание, перекрытое двускатной крышей (рис. 1). Пространство синагоги состояло из почти квадратного молитвенного зала, а также двух прямоугольных помещений, расположенных слева и справа от входа. Одно из этих помещений отводилось под лестницу на женский балкон, а второе могло служить, как дополнительный зал для собраний или обучения. Женский балкон имел подковообразную форму и располагался в западной части синагоги.

Вход в синагогу оформлен как перспективный портал с двойными архивольтами. Над входом располагались два готических окна. Центральная часть главного фасада была дополнительно выделена рустом. Боковые окна главного фасада имели стрельчатую форму (рис. 2). Таким образом, мы видим, что С. Кмита наделил свой проект элементами готической архитектуры. Это соответствовало увлечению историзмом, характерному для архитектуры синагог второй половины XIX в. Хотелось бы отметить, что проект С. Кмиты не развивает тему обращения к историческим стилям в полном объеме:

²³ Памятная книжка Плоцкой губернии на 1874 г. — URL: <http://book-olds.ru/BookLibrary/Pamyatnyie-knizhki-Plotskoy-gubernii/1874.-Pamyatnaya-knizhka-Plotskoy-gubernii-na-1874-god.html>ю (дата обращения 04.04.2023).

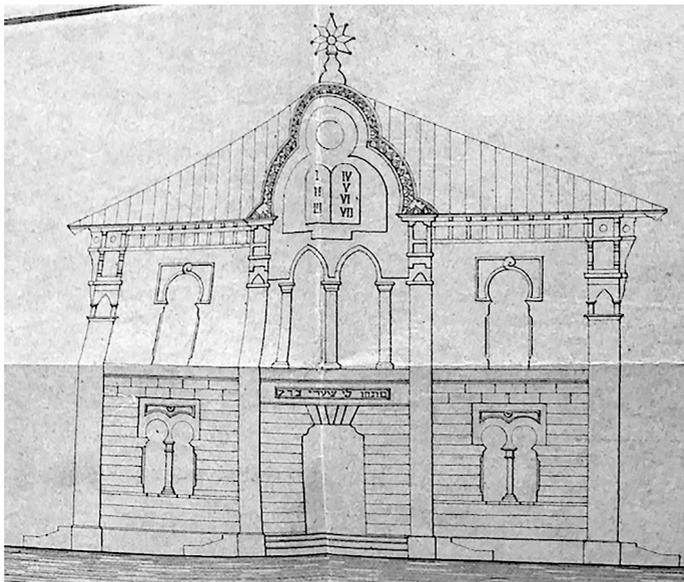


Рис. 2

декор синагоги достаточно сдержанный, в нем содержатся лишь отдельные цитаты из готической архитектуры. Важно отметить и то, что в этом проекте отсутствуют элементы, почерпнутые из архитектуры Востока.

Подобный тип фасада с выделением центральной части, сведенными окнами, расположенными над порталом, периодически встречается в польской архитектуре синагог XIX в. Примечательно, что схожее архитектурное решение обнаруживает синагога в г. Петроков Трибунальский, реконструированная в 1864 г.²⁴ Здесь мы видим тот же перспективный портал, два готических окна над ним, стрельчатые окна по бокам. Подобного рода неоготические синагоги со схожей композицией фасада возводились в Ломже (1880–1881 гг.) и Лодзи (1899–1904 гг.). Поскольку Сигизмунд Кмита учился в Петроковской гимназии, можно предположить, что он мог цитировать декоративное решение синагоги в Петрокове, создавая свой проект. Проект С. Кмиты для Бежуни, если предположить, что он отталкивался от Петроковской синагоги, значительно упрощает ее формы и декор, что неудивительно: деревенская синагога возводилась небольшой общиной на ограниченные средства. В конечном счете именно не-

²⁴ Синагога в Петрокове отталкивается от типа синагоги, впервые воспроизведенном в Касселе в 1836–1839 гг.: вертикальное членение фасада на три части, выделение центральной части по высоте, готические окна над порталом.

хватка финансирования послужила причиной того, что реализация этого проекта была приостановлена.

К 1880 г. еврейская община деревни Бежунь вернулась к идее постройки каменной синагоги. В 1880 г. был составлен новый проект²⁵. Автором его совершенно точно был не С. Кмита, а архитектор Серпецкого повета — упоминавшийся выше Людомир Каминский, именно по его проекту каменная синагога в Бежунь и была построена. Об этом свидетельствуют многочисленные рапорты, которые подавались в Губернское правление Плоцка, а также подпись Каминского под проектом (хотя она и не очень разборчива)²⁶. Людомир Каминский служил серпецким архитектором до 1894 г., потом был переведен в Плоцк.

В 1882 г. от губернского правления Плоцка было получено разрешение на строительство синагоги. Далее Бежуньский комитет по строительству синагоги ходатайствует о том, чтобы реализовать одобренный проект, но с большей площадью. Однако в 1882 г. Министерство внутренних дел не одобрило этот запрос, сославшись на то, что требуется предоставить новый детальный проект синагоги с новыми увеличенными размерами²⁷. Далее, как следует из рапорта Каминского, он не успел подготовить всю необходимую техническую документацию, поскольку в 1884 г. был переведен на новую должность в Плоцк. Он не передал документацию следующему серпецкому архитектору, Францу Циприановичу Помаскому, так как эта документация хранилась в Бежунь. И вскоре все документы погибли во время пожара²⁸. Ф. Помаский в своем рапорте отмечает, что он застал только отделочные работы в синагоге и проектом уже не руководил (проект достраивался по плану Каминского)²⁹. Как следует из рапортов, несмотря на отсутствие подтверждения от МВД синагогу стали возводить с увеличенными размерами, но придерживаясь плана и декора из проекта Каминского 1880 г. Изначально размеры синагоги должны были быть: длина — 44 фута (ок. 13,42 м), ширина — 33 фута (ок. 10 м), высота — 24,5 фута (ок. 7,5 м). В реальности было построено здание длиной 49 футов (ок. 15 м), шириной 39,5 футов (ок. 12 м) и 33,5 высотой (ок. 10 м)³⁰.

²⁵ АРР. Плоцкое губернское правление Отделение Административного дело-производства. О постройке еврейской божницы в посаде Бежунь 1872–1909. Проект синагоги в посаде Бежунь.

²⁶ Там же. С. 148–149, 175–177.

²⁷ Там же. С. 160.

²⁸ Там же. С. 151–153.

²⁹ Там же. С. 187.

³⁰ Там же. С. 148–149, 175–177.

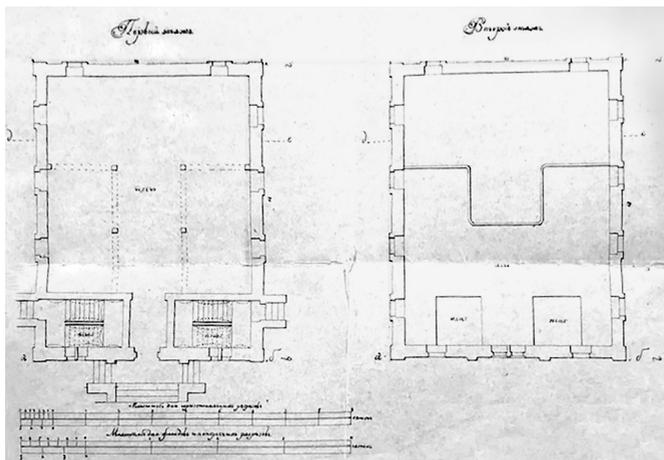


Рис. 3

Проект Каминского (рис. 3) также представлял собой прямоугольное в плане здание с квадратным молитвенным залом и двумя прямоугольными помещениями слева и справа от входа (там располагалась лестница на балкон для женщин). Балкон для женщин имел П-образную форму и опирался на деревянные резные колонны. Здание было перекрыто четырехскатной крышей.

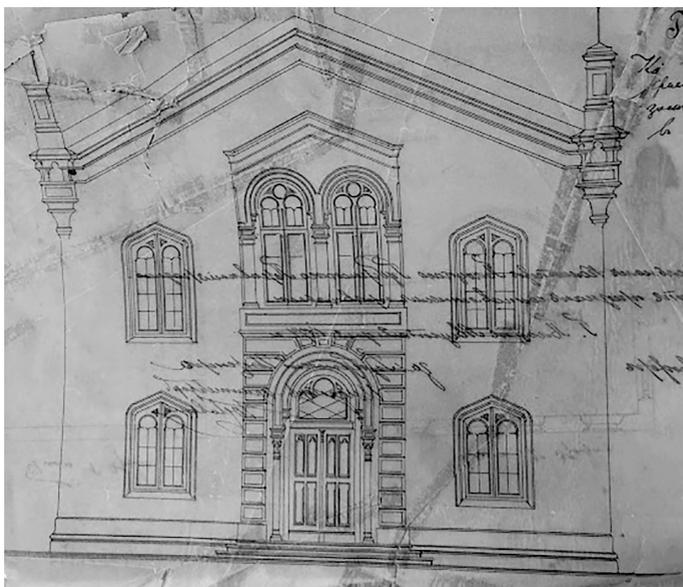


Рис. 4

Что касается декора фасада (рис. 4), то в проекте выделена центральная часть фасада, увенчанная трехлопастным фронтоном. Над входом располагается двойное окно стрельчатой формы, арки которого опираются на тонкие колонны. Окна боковых частей фасада имеют подковообразную форму. На втором ярусе окна одинарные, на первом сдвоенные. Фасад членят лопатки, декорированные в верхней части мотивом стрельчатых арок.

В отличие от проекта С. Кмиты в проекте Л. Каминского присутствуют элементы, заимствованные из архитектуры Востока, например, подковообразные арки. Таким образом, если проект С. Кмиты имел неоготический фасад, то проект Л. Каминского решен в духе ориентализма. Однако декор достаточно сдержанный и отличается от ярких синагог в неомавританском стиле, которые стали столь популярными во второй половине XIX в. На территории Российской империи, включая Царство Польское, особое увлечение этим стилем в архитектуре синагог и мечетей приходится на начало XX в. В неомавританском стиле, например, построены Самарская синагога (1908 г.), Смоленская синагога (1914 г.), Челябинская синагога (1905 г.), Большая хоральная синагога Петербурга (1893 г.). Их архитектуре, как правило, свойственны следующие черты: чередование светлых и темных горизонтальных полос на фасаде (имитация техники аблак³¹), подковообразные и стрельчатые своды, ступенчатые акротерии. Из довольно обширного репертуара неомавританского декора Л. Каминский заимствовал только подковообразные окна. Сдержанность декора, очевидно, объясняется ограниченным финансированием проекта. В случае с проектом Каминского не представляется возможным установить какой-то определенный архитектурный прототип, к которому обращался автор. Вероятнее всего архитектор просто был знаком с рисунками (чертежами) неомавританских синагог и отдельные декоративные элементы использовал в своем проекте.

Синагога в Бежуни достраивалась вплоть до первых лет XX в. К 1903 г. относится последнее прошение об оплате технических работ. Следовательно, в 1902–1903 гг. она была, наконец, открыта. Однако в силу исторических обстоятельств процесс ее функционирования длился лишь немногим дольше, чем процесс строительства. В 1939 г. синагога была закрыта. После Второй мировой войны она была полностью перестроена под кинотеатр, в настоящее время в этом здании находится магазин.

³¹ Архитектурный прием, предполагающий чередование рядов светлого и темного камня.

В результате анализа архивных материалов удалось установить имя архитектора синагоги в посаде Бежунь: им был Людомир Каминский. Также благодаря восстановлению биографии архитектора первого проекта С. Кмиты удалось построить предположение о том, что первый проект мог быть связан с архитектурой синагоги в Петрокове Трибунальском, в свою очередь воспроизводящей тип синагоги Касселя. Эта информация позволяет внести вклад в дело изучения польских синагог конца XIX — начала XX вв.

References

Bergman E. *Nurt Mauretański w architekturze synagog* [The Mauritanian Current in Synagogue Architecture]. Warsaw: Neriton, 2004. 250 p.

Bergman E. *Synagoga w Radzanowie* [The Synagogue in Radzanów] // *Architektura XIX i początku XX wieku* [Architecture of the 19th and Early 20th Centuries] / Ed. by T. Grygiel. Wrocław: Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 1991. P. 121–127.

Kotlyar E. *Iyerusalimskiy Khram v ital'yanskom iskusstve: model' dlya vostochnoyevropeyskikh sinagog* [Jerusalem Temple in Italian Art: A Model for Eastern European Synagogues] // *Nauchnyye trudy po iudaïke. Materialy XVIII Mezhdunarodnoy yezhegodnoy konferentsii po iudaïke* [Scientific Works on Judaic Studies. Proceedings of the 18th International Annual Conference on Judaic Studies]. Vol. I. Moscow: Tsentr nauchnykh rabotnikov i prepodavateley iudaïki v vuzakh "Sefer", 2011. P. 347–393.

Piechotka M. and K. Heaven's gates. Masonry synagogues in the territories of the former Polish-Lithuanian Commonwealth. Warsaw: Polish Institute of World Art Studies, Polish Museum of the History of Polish Jews, 2017. 725 p.

Поступила в редакцию
3 февраля 2024 г.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

БЕЛОУСОВ Лев Сергеевич (главный редактор) — доктор исторических наук, академик РАО, профессор; **АНДРЕЕВ Дмитрий Александрович** (заместитель главного редактора) — доктор исторических наук; **БОРИСЁНОК Юрий Аркадьевич** (заместитель главного редактора) — кандидат исторических наук; **БОРОДАЕВ Владимир Алексеевич** (ответственный секретарь) — доктор исторических наук, профессор; **БОРОДКИН Леонид Иосифович** — доктор исторических наук, член-корреспондент РАН, профессор; **ВАНЕЯН Степан Сергеевич** — доктор искусствоведения; **ГОЛИКОВ Андрей Георгиевич** (заместитель главного редактора) — доктор исторических наук, профессор; **ДЕВЯТОВ Сергей Викторович** — доктор исторических наук, профессор; **КАЗЬМИНА Ольга Евгеньевна** — доктор исторических наук; **КАНТОРОВИЧ Анатолий Робертович** — доктор исторических наук; **КАРЕВ Андрей Александрович** — доктор искусствоведения, профессор; **КАРПОВ Сергей Павлович** — доктор исторических наук, академик РАН, профессор; **КОЗЛОВА Наталия Вадимовна** — доктор исторических наук, профессор; **КОШЕЛЕВА Галина Владимировна** (редактор); **КОШМАН Лидия Васильевна** — доктор исторических наук, главный научный сотрудник; **ЛИТВИНА Наталья Викторовна** — старший научный сотрудник; **МАТВЕЕВ Геннадий Филиппович** — доктор исторических наук, профессор; **МИРОНЕНКО Сергей Владимирович** — доктор исторических наук, член-корреспондент РАН, профессор; **ОРЛОВ Степан Владимирович** — кандидат экономических наук; **ПИВОВАР Ефим Иосифович** — доктор исторических наук, академик РАН, профессор; **ПОДОСИНОВ Александр Васильевич** — доктор исторических наук; **РАЕВСКАЯ Ольга Владимировна** — доктор филологических наук, профессор; **САПРЫКИН Сергей Юрьевич** — доктор исторических наук; **СЕДОВ Владимир Валентинович** — доктор искусствоведения, член-корреспондент РАН, профессор; **СИМОНОВ Вениамин Владимирович** — доктор экономических наук, профессор; **СОЛОПОВА Оксана Вячеславовна** — кандидат исторических наук; **ТАЛЫЗИНА Анна Аркадьевна** — кандидат исторических наук

Адрес редакции:

119992, Москва, Ленинские горы, исторический факультет, Е-124

Журнал зарегистрирован в Министерстве печати и информации Российской Федерации. Свидетельство о регистрации № 1554 от 14 февраля 1991 г.

Подписано в печать 27.05.2024. Формат 60×90/16. Бумага офсетная. Усл. печ. л. 11,25. Уч.-изд. л. 10,68. Тираж 100 экз. Изд. № 12648. Заказ №

Издательство Московского университета.

119991, Москва, ГСП-1, Ленинские горы, д. 1, стр. 15.

Тел.: (495) 939-32-91; e-mail: secretary@msupress.com

Отдел реализации. Тел.: (495) 939-33-23; e-mail: zakaz@msupress.com

Сайт Издательства МГУ: <http://msupress.com>

Отпечатано в типографии ООО «Паблит». 127214, г. Москва, Полярная ул., д. 31В, стр. 1, Э/ПОМ/К 3/1/1. Тел.: (495) 859-48-62